

Российская Академия Наук

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЗИКИ ЗЕМЛИ ИМ. О.Ю.ШМИДТА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИФЗ РАН)

**ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
СЕЙСМОТЕКТОНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ –
ПРОФЕССОР
ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ ЧЕДИЯ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Москва
2023

УДК 550.394.4
ББК 26.8д
В 92

Авторы:

А.М. Корженков, И.О. Чедия, А.В. Чедия-Сандермоен, О.Ю. Андрейкина,
А.М. Бабаев, Т.П. Белоусов, А.А. Варданян, Н.Г. Власов, А. Гольман,
М. Кириллова, О.А. Корженкова, М.Ю. Костюков, А.Г. Курт, Э.В. Левина,
С.А. Несмеянов, А.А. Никонов, Г.А. Орлов, Ю.М. Садыков, А.Л. Стром,
О.К. Тарасова, М.Т. Усманова, А.Б. Фортунa

Отв. редактор –
академик РАН А.О. Глико

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)/ А.М. Корженков, И.О. Чедия, А.В. Чедия и др.; Под ред. А.О. Глико. – М.: РАН, 2023. – с. 156, ил. 99.

Работа посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося сейсмотектониста Средней Азии – профессора Олега Константиновича Чедия. Книга состоит из четырех частей. Первая часть посвящена описанию научных исследований проф. Чедия в Средней Азии. Во второй главе приводятся воспоминания родственников, друзей и знакомых Олега Константиновича. Третья глава посвящена описанию генеалогического древа О.К. Чедия, приведены сохранившиеся фотографии его предков. В четвертой главе приводится ряд автобиографических стихов профессора Олега Константиновича Чедия.

Книга может быть полезна и интересна специалистам в области сейсмогеологии, региональной геологии и геоморфологии, студентам и аспирантам профильных ВУЗов, а также историкам и краеведам Казахстана, Киргизии, России, Узбекистана и Таджикистана.

И.О. Чедия выражает благодарность за помощь в литературной и стилистической обработке очерка о своем отце Сергее Петрову и Марку Урнову.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕЙСМОТЕКТОНИКИ И ПАЛЕОСЕЙСМОЛОГИИ ГОР СРЕДНЕЙ АЗИИ – ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ ЧЕДИЯ	4
---	----------

Глава 2

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДРОБНОСТИ (ВОСПОМИНАНИЯ РОДСТВЕННИКОВ, ДРУЗЕЙ, КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ)	49
---	-----------

Глава 3

В ГЛУБИНУ РОДА ЧЕДИЯ	119
-----------------------------------	------------

Глава 4

ТРОПИНКОЙ ГЕОЛОГА. СБОРНИК СТИХОВ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА ЧЕДИЯ	130
--	------------

Глава 1. ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕЙСМОТЕКТОНИКИ И ПАЛЕОСЕЙСМОЛОГИИ ГОР СРЕДНЕЙ АЗИИ – ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ ЧЕДИЯ

(А.М. Корженков, С.А. Несмеянов, А.А. Никонов, А.Б. Фортуна)

Олег Константинович Чедия (рис. 1.1) родился 27.04.1923 г. в г. Саратове в семье военного и учительницы. В 1937 году его отец – командир артиллерийского полка, – как и тысячи других военспецов дворянского происхождения, был репрессирован, а затем расстрелян. В 1941 г., сразу после окончания средней школы, он ушел в действующую армию, где как «сын врага народа» попал в штрафной батальон. В первую атаку пришлось идти не с боевым оружием, а с палкой. Первое ранение, считалось, кровью смыло с него «позорное пятно». После лечения в госпитале О.К. Чедия продолжал сражаться на фронтах Великой Отечественной войны. Его ратные заслуги отмечены Орденом Отечественной войны 1-й степени и девятью медалями. В 1943 г., после очередного ранения и контузии, был комиссован из армии.

Рис. 1.1. Олег Константинович Чедия (27.04.1923 – 03.08.1998)

В том же году О.К. Чедия поступил в Ленинградский госуниверситет (тогда находившийся в эвакуации – в городе Саратове) на геологический факультет. Там он слушал лекции таких выдающихся ученых, как Д.В. Наливкин, С.С. Шульц, А.А. Борисов, Д.И. Мушкетов, А.П. Марковский, что сыграло решающую роль и в его образовании, и в формировании его научного мировоззрения. Окончив с отличием в 1948 г. университет (уже в Ленинграде), поступил в аспирантуру. В студенческие и аспирантские годы работал коллектором, геологом, начальником партии, ведя геолого-съёмочные и поисковые работы в Тянь-Шане и на Дальнем Востоке. В 1951 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Пройдя школу прекрасного знатока Центральной Азии и полевого геолога Николая Михайловича Синицына, воспитанный Ленинградским университетом (что с неизменным пиететом и благодарностью Олег Константинович всегда подчеркивал), он стал специалистом по геологическому картированию, ориентировался в постановке и решении проблем геологии сначала отдельных участков, а позднее, и региона в целом. Он надолго сосредотачивается на исследовании горных систем Дарваза и Памира, и здесь его диапазон интересов и разработок простирается от вопросов современного оледенения до шарьяжной тектоники.

В то время новейшая тектоника, по существу, только формировалась, готовых методик и руководств не было. Перед исследователями, тем более в горных районах, стояли исключительно трудные задачи. Особенно значителен вклад О.К. Чедия в разработку основ неотектоники Памира¹, где работать приходилось в экстремальных условиях высокогорья, когда современных возможностей не существовало.

С 1952 по 1964 гг. О.К. Чедия в Таджикском Госуниверситете в г. Душанбе читал курсы лекций по общей геологии, геоморфологии, геотектонике, геологии четвертичных отложений, структурной геологии и геокартированию, а также по некоторым разделам учения об аэрометодах в геологии. Очень важно, что, работая в Таджикском университете, он сумел увлечь молодых способных людей и организовать группу сначала энтузиастов, а затем и возмужавших под его руководством специалистов.

Базовый труд О.К. Чедия по югу Средней Азии в виде двухтомной монографии² в дальнейшем остался как основа исследований и остается таковым

¹ Чедия О.К., Демитчик В.П., Лоскутов В.В. К вопросу о времени образования оз. Яшиль-Куль на Памире // Изв. Тадж. Филиала Всесоюз. Географ. общ. 1960. № 2; Чедия О.К., Трофимов А.К. Особенности новейшего развития структурных форм Таджикистана // Новейший этап геологического развития территории Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1962. С.115–151; Чедия О.К. К методике составления карт новейшей тектоники Среднеазиатских гор // Мат-лы по геологии Памира. Душанбе: УГ и ОН СМ Тадж. ССР, 1963. Вып. 1. С. 181–188; Чедия О.К. Карта новейшей тектоники Таджикистана, м-б 1:2 500 000 // Атлас Таджикистана. Омск-Москва, 1968; Карта новейшей тектоники Таджикской ССР, м-б 1:1 500 000. Ленинград: ВАГТ, МГ СССР, 1970; Чедия О.К., Трофимов А.К. Карта новейшей тектоники Таджикистана м-ба 1:500 000. Объяснительная записка. М.: Недра, 1971. 74 с.

² Чедия О.К. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн. 1. Фрунзе: Илим, 1971. 331 с; Чедия О.К. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн.2. Фрунзе: Илим, 1972. 225 с.

до сих пор. Сам же Олег Константинович, переехав в Киргизию в 1964 г. вместе с верным соратником А.К. Трофимовым, на базе прежнего опыта и новых методических разработок и идей, шаг за шагом, по существу заново, стал разрабатывать региональные вопросы неотектоники и сейсмотектоники этого сектора Тянь-Шаня.

Еще ранее Олега Константиновича увлекла проблема выявления сейсмогенерирующей роли новейших структурных форм. На основе многолетних исследований новейшей тектоники различных районов Средней Азии и сопоставления их результатов с данными о сейсмическом режиме территории он отнес ряд структурных форм или их сочетаний к числу сейсмогенных. Среди них им были выделены следующие:

1. Участки новейших региональных разломов с контрастными дифференцированными движениями их крыльев на протяжении позднечетвертичного времени.

2. Участки новейших разломов, в которых происходит расщепление одного разлома на две или несколько ветвей, а также места пересечения разрывов различных простираний.

3. Отрезки новейших разломов, по которым происходит торцовое сочленение новейших структурных форм.

4. Зоны, по которым происходит сочленение новейших структурных форм со встречной асимметрией.

5. Периклинали растущих в настоящее время частных поднятий во впадинах, выполненных кайнозойскими отложениями, или гемиантиклиналей горного обрамления впадин.

6. Участки пересечения продольных новейших горст-антиклиналей региональными поперечными поднятиями.

Землетрясения максимальной силы (IX–X баллов) по данным исследователя связаны с сейсмогенными структурами, в пределах зон с изменением знака движения в плиоцен-четвертичное и, особенно, в позднечетвертичное время. Такие зоны, как правило, являются пограничными между областями устойчивых поднятий и прогибов. В рельефе они обычно представлены адырами, или низкими предгорьями по периферии гор, а также частными поднятиями внутри депрессий.

Огромный, собранный в эти годы наблюдательный материал послужил основой обобщений в области новейшей геологии и тектоники Таджикистана и южной части Киргизии. Многолетние исследования завершились созданием (совместно с группой под руководством Н.П. Костенко из Московского Государственного университета) комплекса взаимосвязанных карт четвертичных отложений, геоморфологии и неотектоники территории Таджикистана, составленных в масштабе 1:500 000, труда в то время поистине выдающегося³.

³ Чедия О.К., Трофимов А.К. Особенности новейшего развития структурных форм Таджикистана // Новейший этап геологического развития территории Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1962. С.115–15;

Олег Константинович завершил этот цикл подготовкой и успешной защитой докторской диссертации, материалы которой вошли в упомянутую выше двухтомную монографию «Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования» (1-й том вышел в 1971 году, 2-й том в следующем – 1972 г.)⁴. Хотя в 1950–1960 гг. в советской геологии и неотектонике безраздельно господствовал «вертикализм», это не помешало О.К. Чедия не только замечать, но и исследовать признаки крупных горизонтальных перемещений.

Сейсмотектоника все более и более увлекала Олега Константиновича, так что не случайно созданная им в городе Фрунзе (позже Бишкеке) в Институте геологии лаборатория неотектоники перешла в 1975 г. в Институт сейсмологии Академии наук Киргизии. В новом институте Олег Константинович возглавил группу по разработке нового научно-методического подхода к составлению карт сейсмического районирования путем совместного анализа новейших и древних геологических структур (по геологическим и геофизическим данным) с оценкой их вероятной сейсмической активности на основании имеющегося сейсмостатистического материала и палеосейсмодислокаций (рис. 1.2, 1.3).

Рис. 1.2. Обсуждение текущих дел (зам. директора Ю.Н. Юдахин, директор Института сейсмологии К.Е. Калмурзаев, Е.В. Христов, О.К. Чедия, К.Д. Джанузаков) примерно 1977 или 1978 гг.

Чедия О.К. К методике составления карт новейшей тектоники Среднеазиатских гор // Мат-лы по геологии Памира. Душанбе: УГ и ОН СМ Тадж. ССР, 1963. Вып. 1. С. 181–188; Чедия О.К. Карта новейшей тектоники Таджикистана, м-б 1:2 500 000 // Атлас Таджикистана. Омск-Москва, 1968; Карта новейшей тектоники Таджикской ССР, м-б 1:1 500 000. Ленинград: ВАГТ, МГ СССР, 1970; Чедия О.К., Трофимов А.К. Карта новейшей тектоники Таджикистана м-ба 1:500 000. Объяснительная записка. М.: Недра, 1971. 74 с.; Грин В.П., Джанузаков К.Д., Трофимов А.К., Чедия О.К. О сейсмотектонике Юго-Восточной Ферганы // Материалы по этапу геологического развития Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1971. С. 43–50; Чедия О.К. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн. 1. Фрунзе: Илим, 1971. 331 с.; Чедия О.К. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн.2. Фрунзе: Илим, 1972. 225 с.; Грин В.П., Кнауф В.И., Чедия О.К. Исходные положения и задачи изучения сейсмичности Киргизии // Земная кора сейсмоопасных зон. М.: Наука, 1973. № 11. С. 152–160.

⁴ Чедия О.К. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн. 1. Фрунзе: Илим, 1971. 331 с.; Чедия О.К. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн.2. Фрунзе: Илим, 1972. 225 с.

Рис. 1.3. Заседание группы сейсмического районирования в Институте сейсмологии АН Кирг. ССР. Слева – направо: сейсмолог В.П. Грин, четвертичный геолог А.К. Трофимов, тектонист В.И. Кнауф и неотектонист проф. О.К. Чедия. 1970-е гг.

Такой комплексный подход, включающий сочетание сейсмологических, геоморфологических и геологических материалов, позволил оценить возможную сейсмическую опасность не только структур, уже испытавших «оживление» на протяжении миллионов лет, но и тех, активизация которых вероятна при тенденции увеличения скорости развития неотектонических процессов. Так появилась возможность намечать места возникновения и силу возможных сильных землетрясений. На этой основе под руководством Олега Константиновича составлены комплексные карты сейсмического районирования Чуйской и Иссык-Кульской впадин и их горного обрамления, Северо-Восточной Ферганы и затем и всей территории Киргизии⁵.

⁵ Грин В.П., Джанузакв К.Д., Трофимов А.К., Чедия О.К. О сейсмотектонике Юго-Восточной Ферганы // Материалы по этапу геологического развития Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1971. С. 43–50; Кнауф В.И., Королев В.Г., Трофимов А.К., Утиров Ч.У., Чедия О.К. Предварительные данные о Сарыкамьшском землетрясении 5 июня 1970 г. // Известия АН Кирг. ССР. 1971. № 1. С. 20–23; Чедия О.К. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн. 1. Фрунзе: Илим, 1971. 331 с.; Чедия О.К. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн.2. Фрунзе: Илим, 1972. 225 с. Грин В.П., Кнауф В.И., Чедия О.К. Исходные положения и задачи изучения сейсмичности Киргизии // Земная кора сейсмоопасных зон. М.: Наука, 1973. № 11. С. 152–160; Чедия О.К. Геоморфологический метод в познании тектоники орогенных областей // Геоморфология. 1973. № 2. С. 94–97; Чедия О.К. Основные закономерности новейшего развития гор Средней Азии // Закономерности геологического развития Тянь-Ша-

Анализируя связь сейсмичности с геоморфологией и новейшим тектоническим строением Тянь-Шаньского орогена, Олег Константинович сделал очень важный вывод: в области устойчивых поднятий и прогибаний Тянь-Шаня не известны землетрясения, которые по своей силе превышали бы VIII баллов, независимо от характера сейсмогенерирующей структуры (разлом, узел и т.п.). А все сильнейшие, катастрофического характера землетрясения тяготеют к зонам, знак тектонических движений которых сменился с отрицательного на положительный в течение новейшего этапа.

В связи с увеличением капитального строительства, возведения крупных гидротехнических и других промышленных сооружений на территории Кыргызстана, потребовалось значительно больше полных и более надежных данных о сейсмической опасности Тянь-Шаньского региона. О.К. Чедия активно включается в государственные программы сейсмического районирования разной детальности. Он участвует в создании карт и написании отчетов по детальному сейсмическому районированию территорий Ошской области, Чуйской и Иссык-Кульской впадин и их горного обрамления, Сарыджазского технически промышленного комплекса⁶. Олег Константинович являлся руководителем сейсмотектонической группы Среднеазиатского

ня в кайнозой. Фрунзе: Илим, 1973. С. 3–25; Чедия О.К. Сейсмотектоническая обстановка Фрунзенского геодинамического полигона // Мат-лы У1 Всесоюз. совещ. по современным движениям. Таллин, 1974; Чедия О.К., Уткина Н.Г. Принцип определения величины регионального тангенциального сжатия в эпиплатформенных орогенах // Структурная геоморфология горных стран. М.: Наука, 1976. С. 73–83; Чедия О.К., Т.М. Сабитова Т.М. (отв. ред.) Опыт комплексного сейсмического районирования на примере Чуйской впадины. Фрунзе: Илим, 1975. 200 с.; Адышев М.М., Джанузаков К.Д., Калмурзаев К.Е., Кнауф В.И., Христов Е.В., Чедия О.К. О принципах комплексного сейсмического районирования // Сейсмотектоника некоторых районов юга СССР. М.: ИФЗ, 1976. С. 72–79; Чедия О.К. Новейшая тектоника Киргизии и сейсмогенные структурные формы // Сейсмотектоника некоторых районов юга СССР. М.: ИФЗ АН СССР, 1976. С. 157–162; Джанузаков К.Д., Ильясов Б.И., Кнауф В.И., Королев В.П., Чедия О.К. Сейсмическое районирование Киргизской ССР. Фрунзе: Илим, 1977. 56 с.; Калмурзаев К.Е. (отв. ред.). Геологические основы сейсмического районирования Иссык-Кульской впадины. Фрунзе: Илим, 1978. 151 с.

⁶ Грин В.П., Джанузаков К.Д., Ильясов Б.И., Кнауф В.И., Чедия О.К., Юдахин Ф.Н. Методика детального сейсмического районирования на основе комплексных исследований (на примере Северной Киргизии) // Детальное сейсмическое районирование. М.: Наука, 1980. С. 62–67; Джанузаков К.Д., Ильясов Б.И., Кнауф В.И., Королев В.Г., Христов Е.В., Чедия О.К. Киргизия // Сейсмическое районирование СССР. М.: Наука, 1980; Калмурзаев К.Е. (отв. ред.). Детальное сейсмическое районирование в горных областях. Фрунзе: Илим, 1984. 278 с.; Чедия О.К. О связи землетрясений с новейшими тектоническими движениями // Геолого-геофизическое изучение сейсмоопасных зон. Фрунзе: Илим, 1984. С. 63–74.; Джанузаков К.Д., Кнауф В.И., Трофимов А.К., Христов Е.В., Чедия О.К. Детальное сейсмическое районирование – прогноз места и силы землетрясений // Прогноз землетрясений. Душанбе-Фрунзе: Дониш, 1988. С. 201–212; Кнауф В.И. (отв. ред.). Детальное сейсмическое районирование Восточной Киргизии. Фрунзе: Илим, 1988. 250 с.; Чедия О.К., Юдахин Ф.Н. Сейсмическая опасность территории Киргизии // Проблемы геоэкологии и природопользования горных территорий. Фрунзе: Илим, 1990. С. 54–56; Корженков А.М., Лемзин И.Н., Фортуна А.Б., Чедия О.К. Зона Южно-Таласского разлома в связи с её сейсмичностью // Геология кайнозоя и сейсмотектоника Тянь-Шаня. Бишкек: Илим, 1994. С. 56–84; Чедия О.К., Абдрахматов К., Корженков А.М., Лемзин И.Н. Сейсмогравитационные структуры Кыргызстана // Тянь-Шань в эпоху новейшего горообразования. Бишкек: Илим, 1994. С. 85–97; Чедия О.К., Корженков А.М. О долговременном сохранении в рельефе геоморфологических следов древних сейсмических катастроф (на примере Чилико-Кеминской сейсмогенерирующей зоны Северного Тянь-Шаня) // Геоморфология. 1997. № 3. С. 88–89.

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

региона (рис. 1.4) и в 1986–1990 гг. под его руководством составлена карта зон ВОЗ по указанному региону.

Рис. 1.4. Профессора Олег Константинович Чедия (ИС АН Кирг. ССР) и Георгий Петрович Горшков (ИФЗ АН СССР)

Следует специально упомянуть работу проф. Чедия над созданием карт сейсмического районирования на территорию Киргизской ССР, а затем Кыргызской республики. Обе карты сейсмического районирования республики 1979 г. (рис. 1.5) и 1996 г. (рис. 1.6) составлялись при его непосредственном и весьма активном участии⁷.

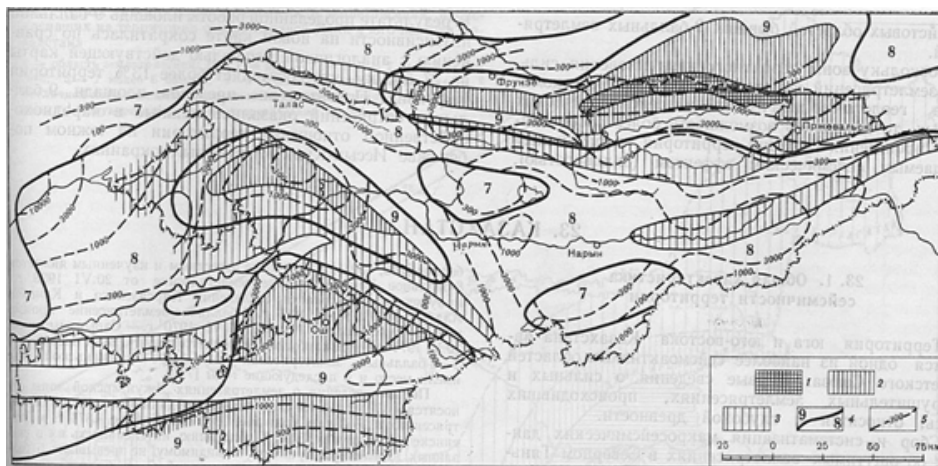

Рис. 1.5. Карта сейсмического районирования Киргизской ССР (1979 г.), масштаб 1:2 500 000. Зоны ВОЗ: 1 – $M=8,1$ и более; 2 – M от 7,1 до 8,0; 3 – M от 6,1 до 7,0; 4 – границы зон различной интенсивности, в баллах; 5 – повторяемость сотрясений, в годах

⁷ Джанузаков К.Д., Ильясов Б.И., Кнауф В.И., Королев В.П., Чедия О.К. Сейсмическое районирование Киргизской ССР. Фрунзе: Илим, 1977. 56 с.; Джанузаков К.Д., Чедия О.К., Абдрахматов К.Е., Турдукулов А.Т. Карта сейсмического районирования территории Кыргызской республики, масштаб 1:1 000 000. Бишкек: Илим, 1996. 25 с.

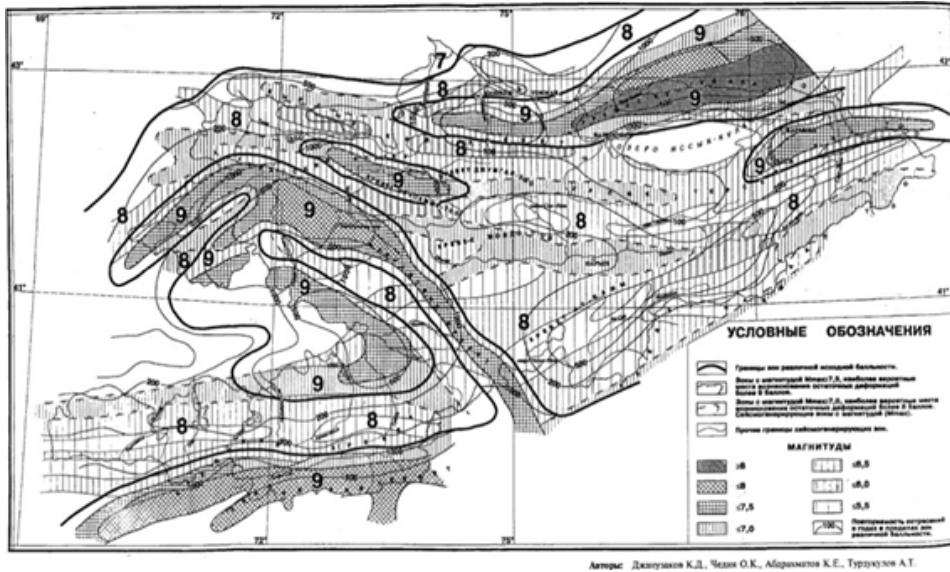

Рис. 1.6. Карта сейсмического районирования территории Кыргызской республики, масштаб 1: 1000 000 (1996 г.)

Видно серьезное различие карт, особенно для района Центрального Тянь-Шаня. На старой карте 1980 г. этот регион охарактеризован сравнительно умеренной сейсмичностью, интенсивностью I=VII–VIII баллов. Здесь в «борьбе» тектонистов, к которым принадлежал проф. Чедия, и инструментальных сейсмологов победили последние.

Сейсмологи указывали на полное отсутствие сильных землетрясений в районе Центрального Тянь-Шаня за период инструментальных наблюдений. Они не принимали во внимание доводы О.К. Чедия и его группы, что в этом регионе широко распространены палеосейсмодислокации, сопоставимые с деформациями, возникшими при сильных землетрясениях Северного Тянь-Шаня конца XIX – начала XX веков. И лишь Суусамырское землетрясение 1992 г. ($M=7.3$; I=IX–X баллов), произошедшее в Срединном Тянь-Шане, где ожидалось лишь VII–VIII бальные сотрясения, позволило Олегу Константиновичу взять ситуацию в свои руки и серьезно переделать карту сейсмического районирования. Она была опубликована в 1996 г.

Последняя карта сейсмического районирования Кыргызской республики, выпущенная в 2011 г. (рис. 1.7), мало отличается по своей рисовке от карты 1996 г. Современные киргизские сейсмологи лишь увеличили балльность Срединного Тянь-Шаня на одну единицу. Там же появились новые сейсмогенные зоны, ширина «старых» зон уменьшилась.

Рис. 1.7. Карта сейсмического районирования Кыргызской республики, масштаб 1:1000 000 (2011)

Последним крупным научным предприятием О.К. Чедия стало его участие в создании новой «Карты новейшей тектоники Северной Евразии», вышедшей под редакцией А.Ф. Грачева в 1998 г. В ней О.К. Чедия принадлежит макет всего Среднеазиатского региона. Обобщающая монография с участием Олега Константиновича вышла уже после его кончины.

Именно благодаря высоким научным достижениям и кипучей деятельности О.К. Чедия удалось провести в 1973 г. во Фрунзе Пленум Геоморфологической комиссии с полевыми экскурсиями в Прииссыккулье, а позднее и сейсмологические конференции (в 1981 и 1989 гг.) с особым вниманием к сейсмотектонике в Иссык-Кульской котловине (рис. 1.8–1.10).

Рис. 1.8. На экскурсии в горах (рядом чл.-корр. НАН КР Ф.Н. Юдахин)

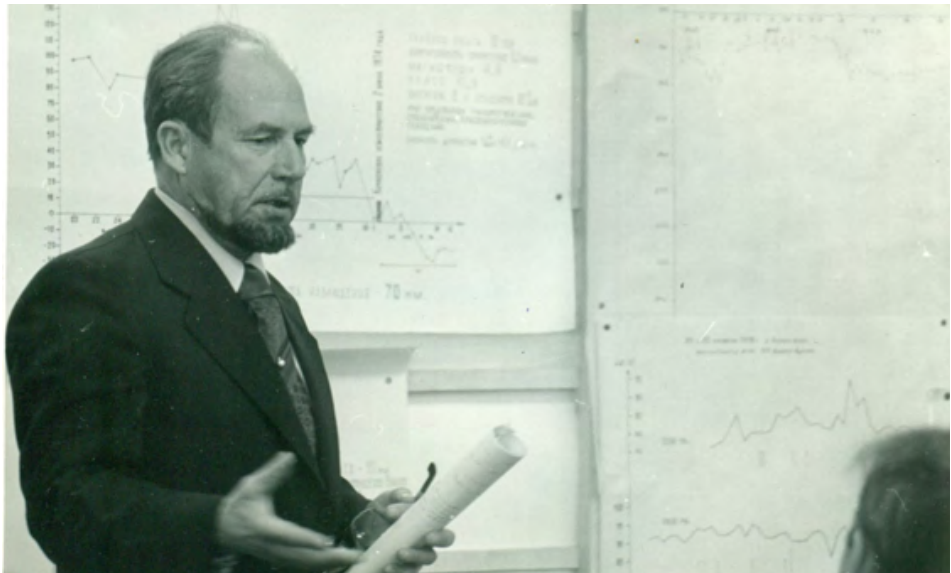

Рис. 1.9. Доклад на сессии МСССС, с. Долинка, Иссык-Куль, сентябрь 1981 г.

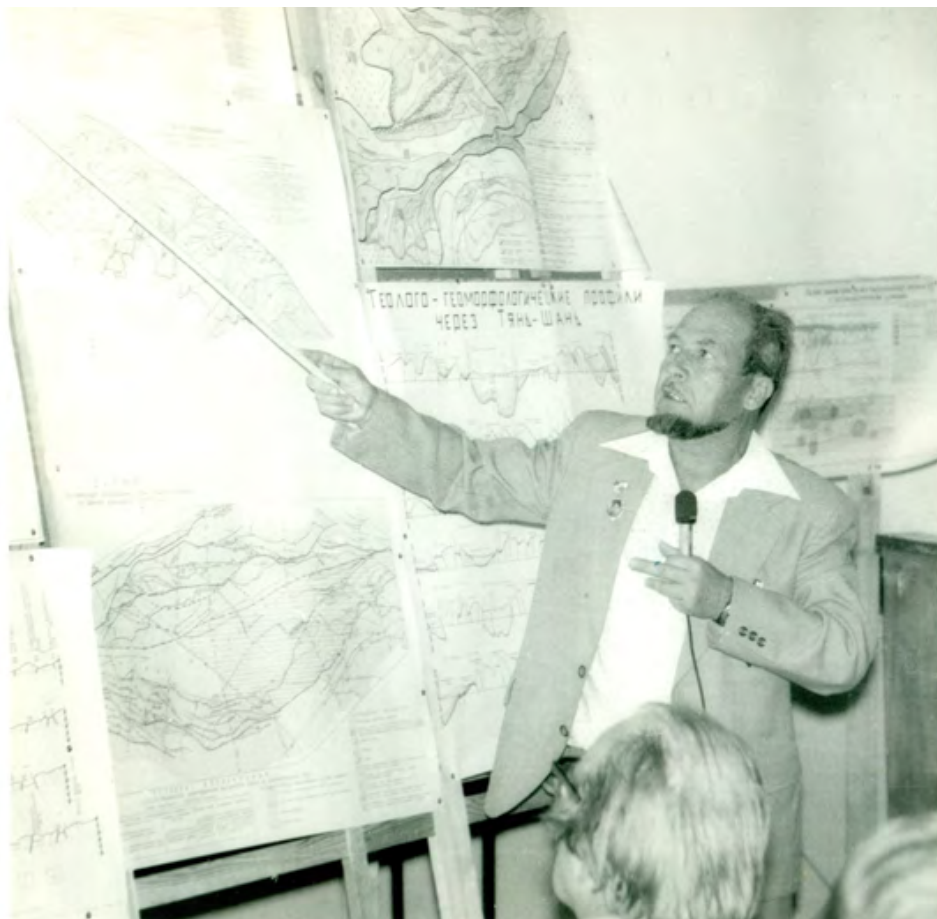

Рис. 1.10. Доклад на Всесоюзной школе-семинаре, с. Долинка, Иссык-Куль, 1989 г.

В Киргизии Олег Константинович, уже во второй половине своей творческой жизни, с новым рвением взялся не просто за организацию лаборатории, но и за создание местной научной школы. И это ему удалось: он научил, воспитал, ввел в науку и «вывел в люди» ряд молодых исследователей, которые плодотворно работают и продолжают его дело. Когда в 1980-е годы и позднее в республиках (затем государствах) Средней Азии заметно снизилась активность научной работы, а геология и сейсмотектоника вообще были сведены до минимума, в Киргизии эти исследования продолжались и развивались. Один за другим выходили научные сборники лаборатории, ученики О.К. Чедия защищали диссертации.

В последние годы Олег Константинович увлекался и сумел увлечь своих учеников проблемами палеосейсмогеологии: исследованиями по выявлению и оценке параметров древних сильных землетрясений по оставленным

ими следам в рельефе и в четвертичных отложениях. Еще в 1980-х годах прошлого века вышла статья проф. Чедия и его аспиранта о местонахождении эпицентров крупных землетрясений в Каракуджурской впадине Тянь-Шаня (рис. 1.11). Хотя эта работа вышла в местном академическом журнале, она имела большое региональное значение.

Рис. 1.11. Обратный уступ – сейсморов в Каракуджурской впадине Среднего Тянь-Шаня

Получалось, что при слабой сейсмической активности в XX в, центральные части Тянь-Шаньского орогена сохранили значительные палеосейсмодислокации, вполне сопоставимые с сейсмическими деформациями, возникшими на Северном Тянь-Шане во время сильных землетрясений конца XIX – начала XX вв. Материалы указанной работы были подтверждены и последующими исследованиями Центрального Тянь-Шаня проф. Чедия и сотрудниками его лаборатории. Значительные многоактные палеосейсмодислокации были найдены уже повсюду.

В конце 1980-х и в 1990-е годы XX века возникали и укреплялись контакты с зарубежными коллегами, организовывались совместные экспедиции. Мозгом и мотором, несомненно, был Олег Константинович. Так, например, О.К. Чедия участвовал в таком важном мероприятии, как Международный аэрокосмический эксперимент «Тянь-Шань-Интеркосмос-88» (рис. 8), он провел экскурсии по сейсмически активным зонам Таласо-Ферганского,

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Иссык-Атинского и Чонкурчакского разломов. Также он один из авторов и гидов «Путеводителя маршрутов для участников Международного семинара по геологической и сейсмологической опасности, их картированию и превентивным мероприятиям» (Бишкек, 1990) (рис. 1.12–1.14).

Рис. 1.12. Полевая экскурсия на Международном совещании Интер-Космос-Тянь-Шань-88 (август 1988 г., Кетмень-Тюбинская впадина, экскурсию проводит д.г.-м.н. О.К.Чедия)

Рис. 1.13. Экскурсия на семинаре ЮНДРО, октябрь 1990 г. (долина р. Чон-Кемин). Олег Константинович отвечает на вопросы. Крайний справа с фотоаппаратом – А.М. Корженков

Рис. 1.14. Экскурсия на семинаре ЮНДРО – 1990 г. Скальный оползень в бассейне реки Сокулук, Чуйская впадина. Олег Константинович сидит в центре в первом ряду. Позади него стоит главный геофизик ОМСЭ ИС АН Кирг. ССР Ю.Г. Шварцман

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

В составе делегации Института сейсмологии НАН КР О.К. Чедия принимал участие в Международном совещании по сейсмическому районированию Тянь-Шаньского региона (рис. 1.15–1.17), проходившем в г. Урумчи СУАР КНР. Олег Константинович неоднократно выезжал в г. Потсдам в Германию для обсуждения с немецкими коллегами совместной работы по изучению активных разломов на территории Кыргызстана.

Рис. 1.15. С делегацией из КНР –1989 г. Олег Константинович – 3-й слева. Во главе стола (второй справа) – директор ИС АН Кирг. ССР Ф.Н. Юдахин

Рис. 1.16. С делегацией КНР у карты неотектоники Тянь-Шаня -1989 г.

Рис. 1.17. С учёными из КНР – июнь 1989 г.

Работы проф. Чедия и его группы привели к пионерским результатам по изучению так называемых адырных (предгорных) разломов на Тянь-Шане. Именно им впервые в Средней Азии был осуществлен тренчинг (проходка траншей, а затем их специальное документирование) на сейсмоуступе активного Исык-Атинского разлома в Чуйской долине Киргизии (рис. 1.18). Кроме разрывной плоскости Беловодского землетрясения 1885 г. Олегу Константиновичу удалось выявить разломные плоскости еще 6 сильных палеоземлетрясений, установить их возраст радиоуглеродным методом (рис. 1.19).

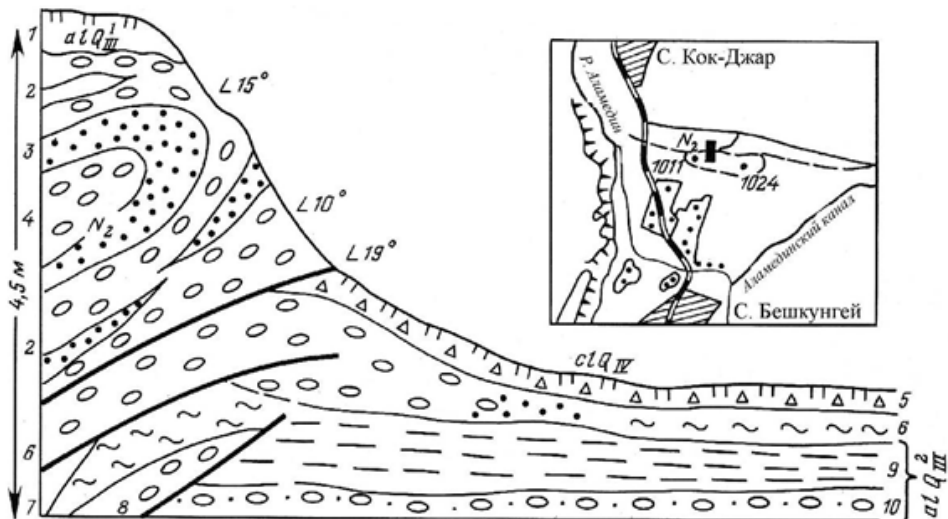

Рис. 1.18. Схематическая зарисовка зоны Исык-Атинского разлома: западная стена траншеи № 2 близ с. Кок-Джар

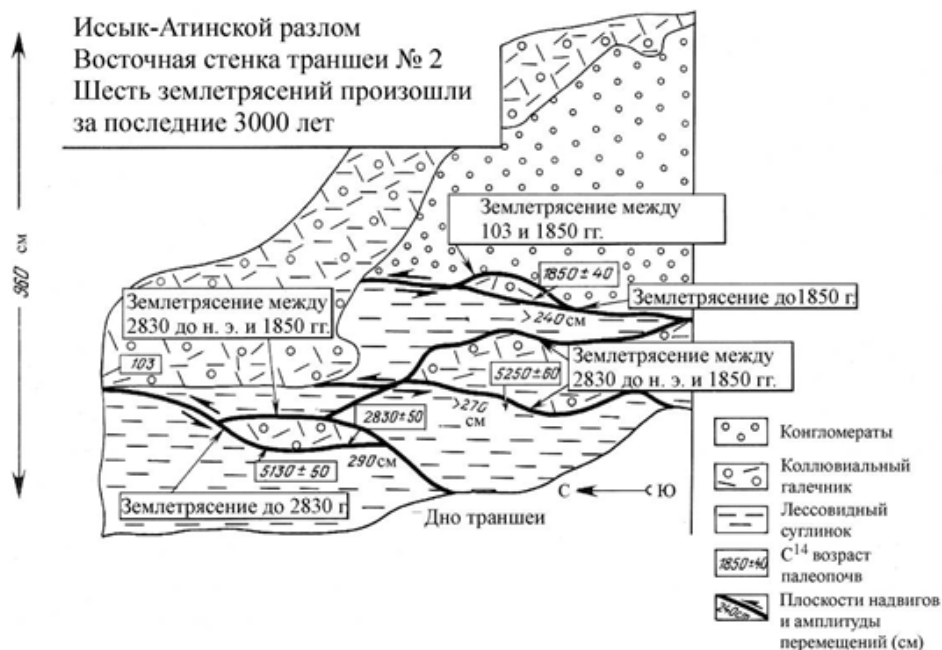

Рис. 1.19. Детальная документация восточной стенки траншеи № 2

Все эти сильные землетрясения явились результатом подвижек по разломам за последние 2000 лет. Этот результат впервые позволил выявить сегментацию разлома и судить о повторяемости по нему сильных сейсмических событий. Ныне палеосейсмогеологический подход – обычная работа международных экспедиций на Тянь-Шане.

Важнейшей научной находкой группы проф. Чедия явилось обнаружение эпицентра исторического землетрясения (рис. 1.20), произошедшего в Чуйской впадине в 1475 г. н.э. Именно это сильное сейсмическое событие полностью разрушило столицу Караханидов – город Баласогун (рис. 1.21). После него земледелие в Семиречье прекратилось до прихода в этот район русских переселенцев в конце 19 века.

Рис. 1.20. Южно-Сарайский разлом – правый сдвиг (показан стрелками) на правом склоне долины Сарайного сая – правого притока р. Шамси:

а – 3,5 км вверх по долине реки выше лесничества, вид на восток;
б – зигзагообразное искривление (70-метровое смещение) вдоль Южно-Сарайного разлома русла сухого сайка – правого притока Сарайного сая

Рис. 1.21. Башня Бурана – уцелевший минарет в столице Караханидов – городе Баласагуне. Его верхняя часть обрушилась, средняя часть выдвинулась и наклонилась в сторону эпицентра одноименного землетрясения 1475 г.

Новаторской была работа О.К. Чедия в Суусамырской долине Киргизии. Там в центральной части долины имеются внутривпадинные тектонические поднятия, вздернутые по адырному (предгорному) разлому (рис. 1.22). На поверхность этих поднятий, представляющих собой наклонные средне- и позднечетвертичные аллювиальные террасы, через разломный уступ воду вели древние арыки. Их возраст считался недавним: XV–XVII вв. нашей эры. Поэтому расчет вертикальной компоненты тектонических поднятий приводил к аномально высоким скоростям, порядка нескольких сантиметров в год. По настоянию Олега Константиновича был определен радиоуглеродный возраст этих искусственных каналов.

Рис. 1.22. Ветровая брешь, вздернутая на 17 м над современным руслом р. Токойлу (левый приток реки Суусамыр). Она указывает на врезание в хр. Айгарджал во время его раннего – более медленного воздымания. Ветровая брешь была активным руслом р. Токойлу еще 2,5 тыс. лет назад. От брешки к западу и к востоку отходят древние ирригационные арыки. Перед ветровой брешью находится тектонически отведенное современное русло р. Токойлу, маркируемое линией деревьев. Вид на юг, на дальнем плане видны снежные вершины хребта Суусамыр

Он оказался довольно древним: III–VII вв. до нашей эры. После этого расчет вертикальной компоненты пришел в Тянь-Шаньскую «норму», т.е. снизился до нескольких миллиметров в год. Важнейшим выводом этой работы является заключение о том, что жившие здесь в первом тысячелетии до нашей эры племена саков (восточных скифов) были не только кочевниками, но и очень трудолюбивыми сельскохозяйственными работниками: сеть древних арыков по своей длине превышает ирригационную сеть, созданную при советской власти.

Вышеописанные материалы увидели свет в его статьях и публикациях его коллег на русском и английском языках. Таким образом, его «региональные» исследования вышли на новую – международную ступень. Результаты работ международных экспедиций, научным руководителем которых был О.К. Чедия, способствовали повышению международного авторитета специалистов СССР и Киргизской республики по неотектонике, сейсмотектонике и палеосейсмологии.

Выдающийся исследователь сейсмоtectоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Методические и региональные разработки О.К. Чедия изложены в 49 отчетах и опубликованы в более чем 160 работах, в том числе 10 монографиях: «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана» (1962), двухтомная работа «Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования» (1971, 1972 гг.), «Геология кайнозоя Чуйской впадины и её горного обрамления» (1976 г.), «Геологические основы сейсмического районирования Иссык-Кульской впадины» (1978 г.), «Детальное сейсмическое районирование в горных областях» (1984 г.), «Литосфера Тянь-Шаня» (1986 г.), «Морфоструктуры и новейший тектогенез Тянь-Шаня» (1986 г.), «Детальное сейсмическое районирование Восточной Киргизии» (1988 г.), «Детальное сейсмическое районирование Иссык-Кульской впадины» (1993 г.).

В 1980 г. вышла в свет новая Геологическая карта Киргизской ССР масштаба 1:1000 000 с Объяснительной запиской, в 1988 г. – Тектоническая карта с Объяснительной запиской того же масштаба, в 1996 г. – Карта сейсмического районирования территории Кыргызской республики, в составлении и редактировании которых О.К. Чедия принимал активное участие. Им написаны многочисленные предисловия к сборникам и книгам. К сожалению, незавершенной осталась его последняя книга по активным разломам.

Огромное значение он придавал издательской деятельности. Под его редакцией и при непосредственном участии было выпущено 9 сборников и 5 коллективных монографий по научно-исследовательской тематике руководимой им лаборатории.

Заслуженный фронтовик, кавалер нескольких боевых орденов и медалей, профессор, доктор наук, заслуженный деятель науки и техники Кыргызстана, О.К. Чедия никогда этим не бравировал и не стремился к занятию руководящих постов. В 1989 г. он передал заведование созданной им лаборатории своему ученику, но до самого конца оставался подлинным научным руководителем направления.

На протяжении многих лет О.К. Чедия состоял членом бюро Секции неотектоники и современной геодинамики при Межведомственном Тектоническом комитете, Геоморфологической и сеймотектонической комиссиях АН СССР, пяти Ученых советов (рис. 1.23), НТС Управления геологии Кыргызстана, двух Спецсоветов по защите диссертаций, возглавлял секцию «Палеогеография и геоморфология» Киргизского географического общества, являлся активным членом общества «Знание». Много сил и энергии отдавал организации совещаний, конференций, съездам, где сам выступал с блестящими докладами. Научно-исследовательская деятельность О.К. Чедия отмечена медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», Почетной грамотой Верховного Совета Киргизской ССР (рис. 1.24), ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Кыргызской республики». Активное участие Олег Константинович принимал и в общественной жизни института (рис. 1.25, 1.26).

Рис. 1.23. Ученый Совет Института сейсмологии – 1976 г. В центре, держит в руках бумагу – директор института сейсмологии К.Е. Калмурзаев. Олег Константинович – слева от Канья Егизбаевича. Слева от профессора Чедия – третий директор института Ф.Н. Юдахин. Третий слева на снимке – второй директор института В.И. Кнауф. Четвертый директор института сейсмологии – А.Т. Турдукулов сидит справа от К.Е. Калмурзаева в его же ряду

Рис. 1.24. Награждение грамотой. Вручает директор ИС АН Кирг. ССР Ф.Н. Юдахин

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Рис. 1.25. Общее собрание Института сейсмологии, 1978 г. Олег Константинович сидит в 4-м ряду слева. В 3-м ряду сидят (слева-направо) зав. лабораториями Института сейсмологии В.Н. Погребной, М.О. Омуралиев, Э.М. Мамыров. Один из авторов этой книги, А.М. Корженков – в 5-м ряду справа

Рис. 1.26. Общее собрание Института, 1979 г. Олег Константинович сидит в 4-м ряду справа, справа от члена-корр. НАН КР А.Т. Турдукулова

Выходец из семьи военного, он всегда был подтянут, бодр, улыбчив, с ясным взглядом, с шуткой на устах (рис. 1.27–1.29), подчас даже «соленой». Ясное понимание того, к чему нужно стремиться, мобилизация творческих сил, огромная работоспособность, исследовательский дух – черты характера Олега Константиновича, не только врожденные, но и воспитанные им в себе.

Рис. 1.27. На демонстрации 7 ноября, 1989 г. Позади Олега Константиновича – член-корр. НАН КР А.Т. Турдукулов, справа – член-корр. РАН Ф.Н. Юдахин

Рис. 1.28. Отдых после демонстрации.
А.К. Трофимов, О.К. Чедия, ..., К.Д. Джанузак, Ф.Н. Юдахин

Рис. 1.29. На субботнике в ботаническом саду – весна 1981 г. Рядом с Олегом Константиновичем – его ученик А.К. Трофимов

Его интеллигентность, высокий уровень культуры, широкий круг духовных интересов обеспечили широкий круг общения и много друзей во многих городах бывшего Союза. Олег Константинович любил литературу и сам сочинял стихи, часть из которых вошла в его посмертный сборник «Тропинкой геолога», опубликованный его вдовой – Надеждой Георгиевной Уткиной (рис. 1.30). Он прекрасно разбирался в живописи и сам писал маслом.

Потребность жить и работать в горах всегда оставалась для Олега Константиновича внутренней радостной необходимостью, источником душевного равновесия и воодушевления. Будучи отменным водителем, он, тем не менее, предпочитал маршруты конные. Олег Константинович был прекрасным наездником – сам объезжал необузданных лошадей. Подбор коня в начале экспедиционного сезона было для О.К. Чедия делом особо важным, так как весь сезон он проводил в седле. Поэтому и мог он забираться в такие дебри и ущелья, куда геологам «колесного» типа, да и «вертолетного», попасть не удавалось.

За свою долгую, более чем 50-летнюю жизнь полевого геолога, проводившего в горах по несколько месяцев ежегодно, Олег Константинович прошел пешком и верхом, наверное, не меньше сотни тысяч километров, не считая маршрутов «колесных». И каких маршрутов! Представить и оценить это может лишь тот, кто сам работал, а не только был на экскурсиях в горах Памира и Тянь-Шаня. О.К. Чедия знал эти горные массивы, как, пожалуй, никто другой во второй половине XX века.

Рис. 1.30. Со своей второй супругой – Надеждой Георгиевной Уткиной

Олег Константинович всю свою жизнь посвятил исследованию Центральной Азии и внес большой вклад в развитие структурной геоморфологии, неотектоники и сейсмотектонической науки Средней Азии. Его труды вошли в XXI век, память о нем уважительно и бережно сохраняется в сердцах его друзей, коллег, учеников. Труды замечательного специалиста и достойного исследователя Олега Константиновича Чедия востребованы и будут необходимы еще очень долго.

**Основная литература,
опубликованная проф. О.К. Чедия
в области сейсмо- и неотектоники,
а также сейсмического районирования**

1. Чедия О.К. Позднечетвертичные поперечные поднятия в Дарвазе.// ДАН СССР, 1957а, т.112, № 4, с. 739-742.
2. Чедия О.К. Зоны четвертичной аккумуляции и новейшая тектоника Дарваза.// Тр. Тадж. Гос.ун-та, 1957б, т.2, с.3-44.
3. Чедия О.К., Демитчик В.П., Лоскутов В.В. К вопросу о времени образования оз. Яшиль-Куль на Памире // Изв. Тадж. Филиала Всесоюз. Географ. общ. 1960. № 2.

4. Чедия О.К. История геологического развития Таджикистана в кайнозое. // Новейший этап геологического развития территории Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1962, с. 283-309.

5. Чедия О.К., Трофимов А.К. Особенности новейшего развития структурных форм Таджикистана // Новейший этап геологического развития территории Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1962. С.115–151.

6. Чедия О.К. К методике составления карт новейшей тектоники Среднеазиатских гор // Мат-лы по геологии Памира. Душанбе: УГ и ОН СМ Тадж. ССР, 1963. Вып. 1. С. 181–188.

7. Чедия О.К., Лоскутов В.В. Палеогеография Памира и сопредельных стран в плиоцен-четвертичное время // Тр. Четвертич. Комиссии СССР, М.: АН СССР, 1965.

8. Чедия О.К. Карта новейшей тектоники Таджикистана, м-б 1:2 500 000 // Атлас Таджикистана. Омск-Москва, 1968.

9. Карта новейшей тектоники Таджикской ССР, м-б 1:1 500 000. Ленинград: ВАГТ, МГ СССР, 1970.

10. Чедия О.К., Трофимов А.К. Карта новейшей тектоники Таджикистана м-ба 1:500 000. Объяснительная записка. М.: Недра, 1971. 74 с.

11. Грин В.П., Джанузаков К.Д., Трофимов А.К., Чедия О.К. О сейсмо-тектонике Юго-Восточной Ферганы // Материалы по этапу геологического развития Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1971. С. 43–50.

12. Кнауф В.И., Королев В.Г., Трофимов А.К., Утиров Ч.У., Чедия О.К. Предварительные данные о Сарыкамышском землетрясении 5 июня 1970 г. // Известия АН Кирг. ССР. 1971. № 1. С. 20–23.

13. Чедия О.К. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн. 1. Фрунзе: Илим, 1971. 331 с.

14. Чедия О.К. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн.2. Фрунзе: Илим, 1972. 225 с.

15. Грин В.П., Кнауф В.И., Чедия О.К. Исходные положения и задачи изучения сейсмичности Киргизии // Земная кора сейсмоопасных зон. М.: Наука, 1973. № 11. С. 152–160.

16. Чедия О.К. Геоморфологический метод в познании тектоники орогенных областей // Геоморфология. 1973. № 2. С. 94–97.

17. Чедия О.К. Основные закономерности новейшего развития гор Средней Азии // Закономерности геологического развития Тянь-Шаня в кайнозое. Фрунзе: Илим, 1973. С. 3–25.

18. Чедия О.К. Сейсмо-тектоническая обстановка Фрунзенского геодинамического полигона // Мат-лы У1 Всесоюз. совещ. по современным движениям. Таллин, 1974.

19. Чедия О.К., Уткина Н.Г. Принцип определения величины регионального тангенциального сжатия в эпиплатформенных орогенах // Структурная геоморфология горных стран. М.: Наука, 1976. С. 73–83.

20. Чедия О.К., Т.М. Сабитова Т.М. (отв. ред.) Опыт комплексного сейсмического районирования на примере Чуйской впадины. Фрунзе: Илим, 1975. 200 с.

21. Адышев М.М., Джанузаков К.Д., Калмурзаев К.Е., Кнауф В.И., Христов Е.В., Чедия О.К. О принципах комплексного сейсмического районирования // Сейсмоструктоника некоторых районов юга СССР. М.: ИФЗ, 1976. С. 72–79.

22. Чедия О.К. Новейшая тектоника Киргизии и сейсмогенные структурные формы // Сейсмоструктоника некоторых районов юга СССР. М.: ИФЗ АН СССР, 1976. С. 157–162.

23. Джанузаков К.Д., Ильясов Б.И., Кнауф В.И., Королев В.П., Чедия О.К. Сейсмическое районирование Киргизской ССР. Фрунзе: Илим, 1977. 56 с.

24. Калмурзаев К.Е. (отв. ред.). Геологические основы сейсмического районирования Иссык-Кульской впадины. Фрунзе: Илим, 1978. 151 с.

25. Грин В.П., Джанузаков К.Д., Ильясов Б.И., Кнауф В.И., Чедия О.К., Юдахин Ф.Н. Методика детального сейсмического районирования на основе комплексных исследований (на примере Северной Киргизии) // Детальное сейсмическое районирование. М.: Наука, 1980. С. 62–67.

26. Джанузаков К.Д., Ильясов Б.И., Кнауф В.И., Королев В.Г., Христов Е.В., Чедия О.К. Киргизия // Сейсмическое районирование СССР. М.: Наука, 1980. С. 183–194.

27. Чедия О.К., Лемзин И.Н. Сейсмогенерирующие разломы Чаткальской впадины // Сейсмоструктоника и сейсмичность Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1980. С. 19–28.

28. Чедия О.К. Новейшая тектоника Фергано-Атойнокской сейсмогенной зоны // Новейшая тектоника восточной части горного обрамления Ферганской впадины. Фрунзе: Илим, 1981. С. 63–77.

29. Чедия О.К., Джумадылова Ч. Морфология новейших разломов на стыке Южно-Ферганской и Фергано-Атойнокской сейсмогенных зон // Новейшая тектоника восточной части горного обрамления Ферганской впадины. Фрунзе: Илим, 1981. С. 78–93.

30. Чедия О.К. О вертикальной и горизонтальной составляющих в процессе новейшего горообразования Тянь-Шаня // Геология кайнозоя Киргизии, Фрунзе: Илим, 1983. С. 62–75.

31. Калмурзаев К.Е. (отв. ред.). Детальное сейсмическое районирование в горных областях. Фрунзе: Илим, 1984. 278 с.

32. Чедия О.К. О связи землетрясений с новейшими тектоническими движениями // Геолого-геофизическое изучение сейсмоопасных зон. Фрунзе: Илим, 1984. С. 63–74.

33. Чедия О.К. Морфоструктуры и новейший тектогенез Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 313 с.

34. Калмурзаев К.Е. (отв. ред.). Литосфера Тянь-Шаня. М.: Наука, 1986, 157 с.

35. Корженков А.М., Чедия О.К. Новейшая структура и сейсмодислокации Тюлекской и Каракуджурской впадин (Тянь-Шань) // Изв. АН Кирг. ССР. 1986. № 5. С. 26–33.

36. Чедия О.К. Карта новейшей тектоники // Атлас Кирг. ССР, М.: Глав. управл. геодезии и картографии, 1987. 44 с.

37. Кнауф В.И., Чедия О.К., Джанузаков К.Д., Ильясов Б.И., Королев В.Г., Христов Е.В. Землетрясения и сейсмическое районирование // Атлас Кирг. ССР, М.: Глав. управл. геодезии и картографии, 1987. с. 56.

38. Чедия О.К. Альпийский структурный ярус // Тектоническая карта Киргизской ССР, м-б 1: 500 000. Объяснительная записка. Фрунзе: Илим, 1987. С. 74–77.

39. Джанузаков К.Д., Кнауф В.И., Трофимов А.К., Христов Е.В., Чедия О.К. Детальное сейсмическое районирование – прогноз места и силы землетрясений // Прогноз землетрясений. Душанбе-Фрунзе: Дониш, 1988. С. 201–212.

40. Кнауф В.И. (отв. ред.). Детальное сейсмическое районирование Восточной Киргизии. Фрунзе: Илим, 1988. 250 с.

41. Чедия О.К., Юдахин Ф.Н. Сейсмическая опасность территории Киргизии // Проблемы геоэкологии и природопользования горных территорий. Фрунзе: Илим, 1990. С. 54–56.

42. Юдахин Ф.Н. (отв. ред.). Современная геодинамика литосферы Тянь-Шаня. М.: Наука, 1991. 192 с.

43. Корженков А.М., Лемзин И.Н., Фортуна А.Б., Чедия О.К. Зона Южно-Таласского разлома в связи с её сейсмичностью // Геология кайнозоя и сейсмоtectоника Тянь-Шаня. Бишкек: Илим, 1994. С. 56–84.

44. Чедия О.К., Абдрахматов К., Корженков А.М., Лемзин И.Н. Сейсмогравитационные структуры Кыргызстана // Тянь-Шань в эпоху новейшего горообразования. Бишкек: Илим, 1994. С. 85–97.

45. Джанузаков К.Д., Чедия О.К., Абдрахматов К.Е., Турдукулов А.Т. Карта сейсмического районирования территории Кыргызской республики, масштаб 1:1 000 000. Бишкек: Илим, 1996. 25 с.

46. Чедия О.К., Абдрахматов К.Е., Лемзин И.Н. Сейсмоtectоническая характеристика Иссык-Атинского краевого разлома // Науч. Тр. КыргызНИИ-ИПСтроительства (1996–1997 гг.). Бишкек: Илим, 1997. С. 58–69.

47. Чедия О.К., Корженков А.М. О долговременном сохранении в рельефе геоморфологических следов древних сейсмических катастроф (на примере Чилико-Кеминской сейсмогенерирующей зоны Северного Тянь-Шаня) // Геоморфология. 1997. № 3. С. 88–89.

48. Чедия О.К., Михель Г., Михайлев В. О скоростях голоценовых тектонических движений и попытке определения продолжительности сейсми-

ческого затишья в Среднем Тянь-Шане // Эхо науки – Изв. НАН КР. 1997. № 1. С. 13–17.

49. Chediya O.K., Abdrakhmatov K.E., Korzhenkov A.M., Lemzin I.N. Seismotectonic position of the Balasogun, north Tien Shan earthquake of the 15th century // Journal of Earthquake Prediction Research. 1998. V. 7. P. 289–299.

50. Chediya O.K., Abdrakhmatov K.E., Lemzin I. N., Mihel G., and Mikhaylev V.Issyk-Ata, Northern Tien Shan fault in the Holocene // Journal of Earthquake Prediction Research. 2000. V. 8. P. 379–386.

О.К. Чедия (Памир) (Т.П. Белоусов)

Особенно большое влияние исследования О.К. Чедия оказали на познание геоморфологии и новейшей тектоники Памира. В своих ранних работах он отметил трехъярусное строение рельефа этой горной страны и на основе этого установил эпохи интенсификации новейших тектонических движений. При этом им была сделана попытка определить для отдельных речных долин региона суммарные амплитуды новейших тектонических движений и разделить их по эпохам плейстоцена [Чедия, 1957]. Изучив спектры речных террас и их деформации, О.К. Чедия пришел к выводу о формировании на северо-западе Памира позднеплейстоценовых поперечных поднятий, обусловивших перестройку речной сети этого региона [1958, 1959]. В дальнейшем О.К. Чедия [1964] выделил поперечные поднятия и на территории всего Памира. Вывод о существовании поперечных структурных форм на Памире позднее подтвердили многие исследователи [Сваричевская, 1958; Костенко, 1964; и др.]. В процессе исследований наряду с изучением новейших поднятий О.К. Чедия [1957] занимался анализом молассовых образований, что позволило ему наметить области сноса и пути переноса обломочного материала в отдельные эпохи новейшего развития Памира.

Дальнейшее изучение новейших тектонических движений на Памире было невозможно без разработки стратиграфии неогеновых и плейстоценовых отложений. Это потребовало постановки стратиграфических работ, которые и были проведены в 1953–1962 гг. большим коллективом геологов и геоморфологов (В.А. Ранов, В.А. Васильев, В.В. Лоскутов, М.М. Пахомов и А.К. Трофимов), возглавляемым О.К. Чедия. Проведению исследований способствовало опубликование в 1955 году монографии Р.Д. Забирова «Оледенение Памира».

В 1961 году на Межведомственном совещании по изучению четвертичного периода Средней Азии была принята Рабочей региональная стратиграфическая схема рассматриваемой территории. В основании плейстоце-

новых образований на этой схеме была отмечена бахмалджигинская толща. Плейстоценовая толща подразделена на три возрастных комплекса: кокбайский, бартангский и бадахшанский [Чедия, Васильев, 1962].

В 1961 году был опубликован сборник статей «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана» под редакцией О.К. Чедия. В статье об особенностях развития структурных форм Памира в неогене и плейстоцене О.К. Чедия и А.К. Трофимов отметили, что структурные элементы этого региона формировались на протяжении всего новейшего времени. Авторы выделили два этапа интенсификации новейших тектонических движений Памира, приходящихся на плиоцен и средний плейстоцен. Суммарные амплитуды новейших складчато-глыбовых движений на Памире достигают 6–7 км. Движения продолжаются и в настоящее время, о чем свидетельствует сейсмическая активность.

В 1968 году вышел в свет «Атлас Таджикской ССР», в создании которого принимали участие практически все сотрудники группы О.К. Чедия. На карте неотектоники Памира О.К. Чедия и А.К. Трофимов отразили новейшие движения, основной характеристикой которых является их направленность. Выделены области устойчивых поднятий и области преимущественно прогибов. Памир разделен на четыре зоны. Для всех зон новейших поднятий амплитуды новейших восходящих движений составляют 4000–6000 м.

Изучение рельефа и новейшей тектоники Памира продолжалось по пути, намечившемуся в конце 60-х годов. Широко разрабатывались методы геолого-геоморфологических исследований, привлекались геофизические данные. Особенно активно методические разработки появлялись в группе О.К. Чедия. Так, в 1970 году была опубликована статья А.К. Трофимова, О.К. Чедия «К методике оценки интенсивности новейших тектонических движений по геолого-геоморфологическим данным на примере долины р. Акбура [Трофимов, Чедия, 1970]» Этот методический прием позволял производить оценку амплитуд новейших движений на основе анализа днщ речных долин. Он значительно был доработан позднее Т.П. Белоусовым при изучении четвертичной тектоники Памира. Используя палеоуклоны разновозрастных речных террас продольных профилей горных долин он производил количественную оценку амплитуд четвертичных движений за плейстоцен и его эпохи [Белоусов, 1976].

В 1971–1972 годах была опубликована монография О.К. Чедия «Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования», обобщающая результаты многолетнего изучения тектонического развития Таджикистана и сопредельных территорий. В первой книге этой работы подробно рассмотрена методика комплексного изучения геологии неогеновых и плейстоценовых отложений, характеризуются условия их накопления, даны основные особенности геоморфологического строения исследуемой территории.

Во второй книге монографии автор останавливается на особенностях проявления новейших тектонических движений и описывает структурные элементы, сформированные за неоген-плейстоценовое время. Большое внимание уделяется истории развития и закономерностям формирования рельефа Таджикистана. Особенно интенсивно продолжается изучение новейшей истории Памира.

К началу 70-х годов, благодаря исследованиям О.К. Чедия и его коллег, сложились основные представления о новейшей истории геологического развития Памира и всего Таджикистана. Было отражено, что в неоген-плейстоценовое время Памир испытал интенсивное сложно дифференцированное поднятие, создавшее рельеф и современный морфоструктурный план высокогорной страны. Развитие региона протекало в два этапа интенсивности новейших движений, приходящихся на конец неогена и средний плейстоцен. Характерные особенности новейших тектонических движений Памира нашли отображение на картах неотектоники Памира.

Олег Константинович Чедия – легенда среднеазиатской неотектоники

С.А. Несмеянов

*Это было недавно,
Это было давно.*

Когда в 1960 году начал я работать в Таджикистане, там уже блистала звезда популярности Олега Константиновича Чедия – доцента геологического факультета Таджикского государственного университета, видного ученого, организатора, охотника, рассказчика и просто яркого и обаятельного человека. И мне посчастливилось стать не только его знакомым, но и коллегой по изучению квартера, геоморфологии и неотектоники этой прекрасной страны. Повезло и тем, что в круг общих знакомых вошли и другие яркие личности, особенно, как и Чедия, исследователи Памира. Со стороны они смотрелись как представители некоего памирского братства – наследники героев ТПЭ (Таджикско-Памирской экспедиции 20-х – 30-х годов прошлого века). Сложилось созвездие ученых и пропагандистов науки, среди которых особенно выделялись археолог В.А. Ранов, ботаник О.Е. Агаханянц, географ и палеоклиматолог Л.Ф. Сидоров. Это созвездие как бы венчало волну тогдашнего среднеазиатского географо-геологического прогресса.

Я покинул Среднюю Азию в 1982 году. Многое забылось. Вспоминается основное и яркое.

На волне геологического прогресса

В среднеазиатской геологии, мне кажется, отчетливо проявились две таких волны прогресса, которые следовали за общечеловеческими катаклизмами. Каждая волна сопровождалась обновлением региональной геологии и открытиями в той области исследований, которой посвятил себя О.К. Чедия. А он не упустил возможности воспринять, использовать и развивать лучшие из возникших перспектив.

Постреволюционная волна, проявившаяся в 20-е и 30-е годы, сопровождалась в рассматриваемом аспекте появлением двух оригинальных направлений, возникших при исследованиях в Тянь-Шане.

С.С. Шульц предложил выделять новейшую тектонику, позволяющую сконцентрировать внимание на позднеальпийском тектогенезе, сформировавшем нынешние горы. Правда, опубликовал он свой главный труд «Анализ новейшей тектоники и рельеф Тянь-Шаня» позднее, в 1948 году.

Ю.А. Скворцов предложил изучать в горах разновозрастные и разновысотные террасовые долины. На этой основе началось и продолжалось в послевоенное время активное выявление региональной специфики террасовой стратификации четвертичных отложений с созданием региональных стратиграфических схем.

На гребне второй, послевоенной волны, ярко выразившейся в 50-х и 60-х годах, Н.П. Костенко в середине 50-х годов предложила методику картирования следов террасовых долин в эрозионной части горного рельефа. Эта «методика Костенко» открывала новые возможности в возрастном расчленении горного рельефа и анализе этапности горообразования.

О.К. Чедия, занимавшийся изучением золотоносных конгломератов, быстро впитал все эти новые идеи, расширив комплексность своих исследований. А только начинавшую опробовать «методику Костенко» стал развивать и внедрять практически одновременно с ее автором со второй половины 50-х годов.

Исследователь

О.К. Чедия, как уже было сказано, увлекся комплексным изучением четвертичных отложений, геоморфологии, неотектоники и палеогеографии гор, особенно Памира, вовлекая в эти исследования своих сотрудников и учеников. Поэтому многие результаты публиковались коллективно. Главное, что работал он очень четко и публиковал быстро. Показательный пример – осуществленная под его редактированием публикация сборника «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана», включавшая итоги первых исследований, произошла уже в 1962 году, а Н.П. Костенко

опубликовала первую обстоятельную статью по своей методике только в 1961 году. Основные ее монографии с характеристикой этого направления относятся к началу 70-х годов.

Главные итоги региональных исследований в виде карт четвертичных отложений, геоморфологии и неотектоники масштаба 1:500 000 на территорию всего Таджикистана были составлены в 1964 году под коллективной редакцией с участием обоих научных руководителей и при авторстве всех участников. Но публикации этих карт были реализованы позже, в 1970–1971 годах. Как другой важный итог данных работ можно рассматривать и защиту в 1965 г. О.К. Чедия докторской диссертации.

Не берусь сколько-нибудь полно охарактеризовать научные достижения О.К. Чедия. Упомяну лишь те, которые запомнились наиболее ярко.

В первую очередь это его – двухтомник «Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования: Кн. 1. Континентальные кайнозойские накопления и геоморфология (1971); Кн. 2. Новейшая тектоника и палеогеография. (1972 г.)». В нем получили обстоятельное отражение итоги комплексных исследований первой половины деятельности О.К.

О.К. Чедия, вслед за И.Е. Губиным, детально описавшим новейший Вахшский надвиг в Таджикской депрессии, начал изучать молодые надвиги в Тянь-Шане. Показательны его работы по типичным надвигам в Западном (например, надвиги в Зиддинской впадине) и Восточном (например, Чонкурчакский надвиг) Тянь-Шане. Далее он и его сотрудники выделили множество подобных структур в этом регионе.

Выявление систем надвиговых структур привело О.К. Чедия к возможности количественной оценки величины новейшего поперечного сжатия Тянь-Шаня. Позже эта идея на комплексе разнообразных данных развивалась В.И. Макаровым и другими исследователями.

Известны его работы по сейсмотектонике и выделению сейсмогенерирующих структур, как основе для характеристики зон возникновения землетрясений (зон ВОЗ) Тянь-Шаня.

Но главные итоги второго, тяньшанского периода научной деятельности О.К. Чедия сконцентрированы, на мой взгляд, в его монографии «Морфоструктуры и новейший тектогенез Тянь-Шаня» (1986 г.), хотя он продолжал трудиться и позже этой публикации.

Воспитатель

Из-под учебного и научного крыла доцента, а затем и профессора О.К. Чедия, выпорхнуло много учеников. Наиболее способные из них становились его соратниками в научной и производственной деятельности. И учитель умело распределял их роли в общем комплексе исследований. Это наглядно проявилось уже в период активизации ранних памирских

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

исследований. Здесь его важнейшими соратниками стали В.А. Васильев (четвертичные отложения), В.В. Лоскутов (геоморфология) и А.К. Трофимов (позтапные неотектонические движения и палеогеография). Все они стали со временем кандидатами наук. Но и в новом качестве часть из них продолжала трудиться под эгидой О.К. Чедия. Показательно, например, что позднее при переезде О.К. Чедия в Киргизию (в 1964г.), за ним последовал и А.К. Трофимов.

Организатор

Выдающиеся организаторские способности О.К. Чедия ярко проявились уже в памирский период его деятельности. Он добился создания в Таджикском геологическом управлении подразделения по изучению четвертичных отложений, геоморфологии и неотектоники и включил в него своих учеников. А сам стал научным руководителем этого подразделения. Были согласованы с аналогичным подразделением Геологического факультета Московского государственного университета, работавшим под научным руководством Н.П. Костенко, многолетние программы и территории исследований в Таджикистане. Рубежом была выбрана долина рек Сурхоба и Вахша. Их левобережье с Дарвазом и Памиром изучалось под научным руководством О.К. Чедия, а правобережье с Байсуном, Западным Гиссаро-Алаем и Западной Ферганой – под руководством Н.П. Костенко. И все комплексные исследования были проведены ритмично и согласованно.

Полевик и охотник

Полевые работы и охота не только погружают человека в природу, но приводят к встречам с интересными и оригинальными людьми разных национальностей, профессий и культурных особенностей. Это погружение О.К. не только любил, но и умел передать свои впечатления в захватывающих рассказах. Он посещал не только районы полевых работ, но ездил, например, в плавни низовой Волги и в Прибалхашье. И все это не могло не сопровождаться трудностями и приключениями.

Слушать его рассказы о пережитом, увиденном и услышанном – было чистое удовольствие.

При этом О.К. был колоритен в любых ситуациях (рис. 1.31). Если вам случилось бы встретить голосующего машинам на Памирском тракте человека с ружьем, вычным ящиком и охотничьей собакой, то это был, конечно, доцент Чедия, догоняющий свою экспедицию, которая неспешным конным караваном поднимается на Памир. А подниматься в высокогорье лучше не спеша, чтобы не подвергнуться горной болезни. Помню, как летом 1961 года, я (начальник экспедиции Московского университета) спешил и

за три дня с помощью авиа- и автотранспорта оказался из Москвы в памирском лагере О.К. на высоте более 4 км. И, конечно, быстренько свалился с этой болезнью. Лежу в спальном мешке, не могу пошевелиться и слышу от опытных людей: «Ничего, паря, не помрешь, полежи, оклемаешься». И действительно, уже через несколько дней мы с О.К. в конных маршрутах «на натуре» согласовывали легенды сводных карт, готовившихся тогда на всю территорию Таджикистана.

Рис. 1.31. Олег Константинович Чедия в поле

В душе О.К. именно Памир всегда оставался главной любовью. Не даром в его кабинете над рабочим столом висела фотопанорама хребта Петра I с высочайшими горными вершинами.

Видный человек

Научная и популяризационная активность О.К. Чедия не ограничивалась многочисленными лекциями и публикациями. Он вместе с упомянутыми представителями «смежных» наук О.Е. Агаханянцем, В.А. Рановым, Л.Ф. Сидо-

Выдающийся исследователь сейсмоtectоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

ровым и др. участвовал, например, в работе Географического общества Таджикистана. Это междисциплинарное общение разнообразило методическую базу конкретных наблюдений и обеспечивало широкий общетеоретический подход к решаемым проблемам. Оно же и примеры из полевого и охотничьего быта делали популярные выступления более привлекательными.

Популярности О.К. за пределами Таджикистана способствовало его участие в проводившихся в 60-х годах многочисленных региональных четвертичных, тектонических и других совещаниях, обычно сопровождавшихся полевыми экскурсиями. Это расширяло круг личных знакомств и позволяло из первых уст узнавать еще не опубликованные подробности исследований. В «молодежной» среде этих экскурсий деловыми обсуждениями и «жизненными» рассказами блистали О.К. Чедия и В.А. Ранов. Не забыть, как обычно в кузове «молодежной» машины мы с песнями и взаимными подначками неслись в пыли от одного делового объекта к следующему. Такое общение увлекало и в то же время стимулировало к активной работе.

О.К. Чедия прожил не простую, но яркую и результативную жизнь. Его с благодарностью и восхищением вспоминают друзья, соратники и просто знакомые, а потомки еще долго будут пользоваться его научными трудами.

О нас (Ленинградский «десант» в Таджикистан)

Н.Г. Власов

Нас было четверо, чьи профессиональные судьбы оказались сходными, особенно в начале пути. Это Михаил Михеевич Кухтиков, Дина Михайловна Чедия, Олег Константинович Чедия и я – Никита Георгиевич Власов. Мы воспитанники Геологического факультета Ленинградского Государственного Университета (ЛГУ) и, кроме Д.М. Чедии, одной кафедры общей геологии. Конечно, на кафедре мы были в разное время. М.М. Кухтиков окончил ЛГУ в 1946 году, затем работал в Институте земной коры, находившемся при этой кафедре. В 1950 году защитил кандидатскую диссертацию, в этом же году уехал в Таджикистан. О.К. Чедия учился на кафедре с 1943 по 1948 год, поступил там же в аспирантуру. В 1951 году защитил кандидатскую диссертацию, с 1952 года работал в Таджикистане.

Я впервые попал в Таджикистан летом 1951 года после окончания 3-го курса Геологического факультета Средне-Азиатского Государственного Университета (САГУ) в Ташкенте, где жил с 1932 года и окончил среднюю школу. В Таджикистан меня пригласил сотрудник ВСЕГЕИ Юрий Алексеевич Лихачев, в съёмочной партии которого я был коллектором летом 1950

года после окончания 2-го курса САГУ и которому глубоко благодарен за начало моих непрерывных работ в благословенном Таджикистане. В 1953 году я перевёлся на Геологический факультет Ленинградского Государственного Университета, где был принят на кафедру общей геологии. После окончания Университета в 1954 году был оставлен при ней в аспирантуре, в 1957 г. стал её ассистентом, продолжая работать в Таджикистане. Кандидатскую диссертацию защитил в 1963 г.

Кафедрой общей геологии руководили замечательные профессора. До 1949 года Яков Самойлович Эдельштейн, затем Николай Михайлович Сеницын. Я.С. Эдельштейн был основоположником геоморфологии в России, много успешно занимался геологией Сибири, Урала, Средней Азии. В 1908 году издал книгу «Верхнепалеозойские слои Дарваза» с изложением результатов своих исследований 1904–1906 гг. Автору этих строк довелось вести здесь геологическую съёмку М1:100 000 в 1955 и 1956 годах. Я был поражен точностью, с которой Я.С. составил геологическую карту и с которой понял основные черты геологии района. Следует отметить, что это была первая геологическая карта какого-либо района Памира.

Н.М. Сеницын с 1931 г. исследовал геологию и полезные ископаемые Средней Азии, преимущественно Южного и Среднего Тянь-Шаня. Он один из составителей первой сводной Геологической карты Средней Азии М1:750 000, изданной в 1941 г. перед самым началом Великой Отечественной войны. Н.М. внёс существенный вклад в разработку методов геологической съёмки в сложных структурах палеозоя, применения, в том числе, геоморфологических наблюдений. В 1957 г. им опубликована новая Схема тектоники Средней Азии, в основу которой положена разработанная им методика выделения тектонических зон. Она используется и сегодня.

В соответствии с названием «общей», сотрудники кафедры вели разнообразные, в том числе полевые, исследования. Изучали докембрий Карелии, палеозой и мезокайнозой Средней Азии. Сотрудником кафедры был и профессор Л.Б. Рухин – автор капитального труда «Основы литологии». Н.М. Сеницын организовал группу, которая в контакте с геологами Киргизии осуществляла геологическую съёмку М1:50 000 Южного и Юго-Восточного обрамления Ферганы – в районах с месторождениями сурьмы и ртути. Один из руководителей группы, Г.С. Поршняков, предложил существенно иную интерпретацию полученных при съёмке материалов, чем это делал Н.М. Сеницын. «Измена» не привела к каким-либо санкциям, Н.М. с уважением отнёсся к выводам Г.С. Поршнякова, продолжая придерживаться своих представлений. На кафедре царило общее дружелюбие, чему способствовал сам Н.М. Сеницын. Не случайно обо всём этом «с пиететом» отзывался О.К. Чедия, о чём сказано в одной из статей этой книги.

Не могу не сказать о бедах, постигших кафедру. 31-го марта 1949 г. был арестован в связи с ленинградским «делом» Я.С. Эдельштейн. Приговорен,

не взирая на свои 80 лет, по ложному обвинению к 25 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер 21 января 1952 года в тюремной больнице. Реабилитирован в 1954 г. В 1958 г., 7-го сентября, в авиационной катастрофе погиб возвращавшийся с полевых работ Н.М.Синицын. 8 сентября 1959 г. под колёсами автомобиля погиб Л.Б. Рухин. После попытки объяснить, почему мы глубоко чтим нашу «alma mater», перехожу к краткой характеристике наших работ в Средней Азии.

Михаил Михеевич Кухтиков работал в Институте геологии АН Таджикистана. В 1951–1959 гг. старшим научным сотрудником, в 1959–1987 гг. заместителем директора, с 1987 г., вплоть до кончины 2 апреля 1995 г., заведующим отделом. В 1951–1959 гг. состоял доцентом кафедры геологии и палеонтологии Таджикского Гос. Университета. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию, в 1969 г. стал профессором, в 1973 г. избран членом-корреспондентом АН Таджикистана.

Основным объектом исследований М.М. был палеозой Центрального Таджикистана–области с субширотными структурами, расположенной между Душанбе и Худжандом–(Ленинабадом), где находятся месторождения сурьмы, ртути и других металлов. Не имея здесь возможности разбирать все его выводы, скажу, что одним из главных заключений явилось представление о широком развитии в Ц. Таджикистане явления переотложения пород, «глыбы» которых сегодня составляют громадные горные массивы типа Чимтарги с абсолютной высотой четыре с лишним тысячи метров. Это представление легло в основу предложенной схемы стратиграфии. Все выводы М.М. содержатся в его докторской диссертации и опубликованы в его монографии «Тектоническая зональность и важнейшие закономерности строения и развития Гиссаро-Алая в палеозое» (Душанбе, Дониш, 1968, 278 с.). Сторонников этих выводов, особенно среди геологов–съёмщиков, работавших в Ц.Таджикистане, почти не оказалось. Недавно значительные уточнения в стратиграфию этого региона внесены И.А. Бардашевым, впервые изучавшим найденные здесь конодонты (Бардашев И.А. «Стратиграфия и конодонты девона Таджикистана», Душанбе, Дониш, 2018, 315 с., 40 рис., 90 таб.). М.М. Кухтиков участвовал в создании нескольких Атласов природы Таджикистана. Он автор многих работ по тектонике Республики. Одной из них является книга «Краевые долгоживущие разломы Памира» (Душанбе, Дониш, 1977, 167 с.).

Олег Константинович Чедия с 1952 по 1964 гг. жил в Душанбе. С 1964 г. до кончины 3 августа 1998 г. – в Бишкеке (Фрунзе). В Душанбе был доцентом Геологического факультета Таджикского Гос. Университета. Во Фрунзе руководил созданной им лабораторией неотектоники, которая находилась сначала в Институте геологии АН Киргизии, а в 1975 г. перешла Институт сейсмологии этой Академии. В 1965 г. О.К. защитил докторскую диссертацию на тему «Новейшая тектоника и кайнозойская история геологического

развития Таджикистана». В 1969 г. стал профессором, в 1993 г. – заслуженным деятелем науки Киргизии. Им опубликовано более 180 научных работ, основными из которых являются «Юг средней Азии в новейшую эпоху горообразования» (кн.1. Фрунзе, Илим, 1971, 331 с. и кн. 2. Фрунзе, Илим, 1972, 225 с.), а также «Морфоструктуры и новейший тектогенез Тянь-Шаня» (Фрунзе, Илим, 1986, 314 с., 94 рис., 11 таб.).

Эта книга посвящена деятельности О.К. Чедия. Она написана его коллегами, учениками и друзьями, хорошо знающими, как он жил и трудился. Я добавлю, что видел и знаю. С Диной и Олегом мы были на «ты» и это мне приятно сохранить. Будучи доцентом Университета, Олег вел договорные работы с организациями, добывающими золото. Наиболее интенсивной была добыча золота из россыпей, находящихся в Дарвазе в верховьях р. Яхсу. Россыпи разрабатывались, по крайней мере, с конца девятнадцатого века, о чем сказано в статьях французских и немецких геологов, впервые посетивших тогда регион. Олег исследовал возможности расширения золотодобычи в районах к северо-востоку (верховья р. Обихингоу) и к югу (долины рек Обиниоу, Иол и Сарыгор), сходных по геологическому строению с верховьями Яхсу. Общая их длина превышает 200 км. Были обнаружены новые россыпи, но, к сожалению, небольшие по размерам и сложные для разработки. На некоторых из них впоследствии велась разведка. Россыпи приурочены к террасам древнечетвертичных рек, но, в основном, к их тальвегам (днищам), часто перекрытым более молодыми речными отложениями. Определить положение тальвегов в этих случаях сложно, этим часто приходилось заниматься Олегу. Тальвеги в одних случаях располагались на днищах широких долин, заполненных более молодым аллювием, но часто оказывались в узких ущельях, наблюдаемых сегодня. Олег пришел к заключению, что это результат развития речной сети параллельно с развитием поднятий, которые он назвал «позднечетвертичными поперечными». До него это явление объяснялось иначе. Результаты наблюдений Олег опубликовал в статьях 1957–1964 гг.

Вопросами золотоносности Олег занимался и шире. В 1961 г. он в соавторстве с В.А. Сергиевским представил Карту золотых месторождений Таджикистана, которая по существовавшим правилам не была опубликована.

Параллельно с изучением золотоносности, Олег стал исследовать четвертичные образования Таджикистана и, прежде всего, практически не известного в этом отношении Памира. Для этого он организовал группу, которая начала с разработки Схемы стратиграфии четвертичных отложений Памира. В неё вошли В.А. Васильев, В.В. Лоскутов, М.М. Пахомов и А.К. Трофимов. Разработанная Схема была принята в 1961 г. на Межведомственном совещании по изучению четвертичных образований Средней Азии. Впоследствии она несколько изменилась, в настоящее время

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

имеет вид (Расчленение стратифицированных и интрузивных образований Таджикистана, Душанбе, Дониш, 1976, 268 с.): бахмалджилгинский комплекс (позднеплиоценовый-раннечетвертичный), восточно-памирский к. (раннечетвертичный), мургабский к. (среднечетвертичный), аличурский к. (позднечетвертичный), амударьинский к. (современный). Подчеркну, что изменения коснулись замены некоторых неудачно выбранных названий комплексов и уточнения возрастов некоторых из них. В основе своей Схема осталась прежней. Она использовалась при составлении Государственных геологических карт СССР масштабов 1:200 000 и 1:1 000 000.

В Схему стратиграфии четвертичных отложений более северных районов Таджикистана группа Олега внесла меньшие по значению изменения, поэтому я эту Схему здесь не рассматриваю. В дальнейшем группами Олега и Н.П. Костенко (Московский Гос. Университет) были созданы следующие карты Таджикистана М 1:500 000, сведений об издании которых нет: Четвертичных отложений, Геоморфологическая, Неотектоническая. О.К. Чедия составил Карту новейшей тектоники Таджикистана М 1:2 500 000, помещённую в Атласе Таджикистана, изданном в 1962 г. и Карту новейшей тектоники Тадж.ССР М 1:500 000, изданную в Ленинграде (ВАГТ, 1970). Последняя имеет Объяснительную записку: Чедия О.К., Трофимов А.К., М., Недра, 1971, 74 с.

Основные результаты работ Олега в Таджикистане опубликованы в труде « О.К.Чедия. Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования. Кн.1, Фрунзе, 1971, 391с., Кн. 2, Фрунзе, 1972, 285 с.

В поле мы с Олегом встречались в Дарвазских районах северо-западной периферии Памира, где я проводил съёмку стотысячного масштаба. Олег приезжал в наш лагерь на лошади. Выглядело это великолепно. Лошадь крепкая, сытая, крупная (Олег выбирал её сам). Всадник – картинка: с прямой спиной, крепок в седле, колени прижаты к лошади, голени вертикальны и свободны для управлению лошастью, ступни параллельны земле. Всё обличало завязтого кавалериста (о чём я мог судить, поскольку сам занимался в кав. клубе в Ташкенте). Одет Олег был, как в городе: одежда пригнана по росту, чистая и без заплат, чем он резко отличался от нас .Всегда выбрит, с красиво подстриженной тёмной бородкой. Беседы с ним на геологические темы были доброжелательными, т.к. по основным геологическим проблемам региона взгляды наши совпадали. Более того, на юге Дарваза Олег оказался раньше нас и обнаружил, что поверхности разломов, пограничных между палеозоем Памира и обрамляющим мезокайнозоем, падают круто не под палеозой, как обычно, а круто под мезокайнозой. Открытие казалось сомнительным. Однако, когда мы стали работать в этом районе, убедились, что Олег был прав.

В Душанбе я часто бывал в гостях у семейства Чедия. Сначала за зданием Университета на ул. Ленина (теперь Рудаки), затем в районе телебашни

(улицу не помню). Удивительно приятна была атмосфера, царившая в семье. Всегда дружелюбная, спокойная, без следов наигранности, внешней показухи. Дина и Олег слаженно и красиво танцевали, чувствовалось, что танец доставляет им искреннее удовольствие. Тем удивительнее и неожиданнее было услышать при приезде на полевые работы в 1964 г., что семья распалась, да еще со скандалом. Я был потрясён так, как будто развалилась моя собственная семья. Долгое время к Дине в гости не ходил, не мог. Олег уехал во Фрунзе, я редко там бывал в командировках, но с Олегом не встречался. Как-то неожиданно мы встретились в ресторане Ак-Бура в Оше, куда я зашел пообедать по пути на Памир. Олег там обедал вместе с незнакомой мне женщиной. Мы оба чувствовали какую-то неловкость, разговор не получился.

Завершая рассказ об Олеге, должен сказать, что о военных его делах я впервые узнал из данного макета, присланного Ириной Олеговной Чедия. Там же увидел и фотографии Олега с орденами и медалями. От Олега я слышал только, что он объезжал лошадей для армии.

О стратиграфических работах Дины Чедия по палеогену Средней Азии сказать что-либо серьезное не могу, хотя в своё время был в курсе палеогеновых проблем, благодаря тому, что моя жена, Лариса Петровна Каханова, работавшая и защитившая кандидатскую диссертацию под руководством проф. Ленинградского Гос. Университета И.А. Коробкова, занималась изучением двустворок палеогена. Вероятно потому, что Дина изучала мелкие по размерам радиолярии, а исследователи таких животных постоянно работают отдельно от исследователей крупномерных организмов. Во всяком случае, работы Дины по палеогену всей Средней Азии, признанные специалистами, не могли не иметь серьёзного значения для изучения этой системы. Помню, как мы с Диной были в Театре Оперы и Балета в Душанбе, и меня поразило, как много зрителей подходило и здоровалось с ней. Очевидно, она была широко известным человеком в Душанбе.

Мне осталось добавить несколько слов о себе, как о члене рассматриваемого ленинградского «десанта» в Душанбе, и о связанных со мной делах. В 1951 г. я, будучи студентом Среднеазиатского Гос. Университета, а с 1952 по 1956 г. студентом и аспирантом кафедры общей геологии Ленинградского Гос. Университета, вел геолого-съёмочные работы М 1:100 000 и 1:200 000 на территории Южно-Таджикской депрессии и Юго-Западного Дарваза. Был прорабом, геологом и начальником поисково-съёмочных партий. Работы начались в районах, близких к Оби-Гарму и Калайдашту на юго-восточном крае Южного Тянь-Шаня, и завершились на северо-западном крае Северного Памира на участке Государственной границы с Афганистаном между районами Калай-Хумба и Сарыгора. Удалось наблюдать строение великолепно обнажённой обширной структуры, разделяющей Тянь-Шань и Памир, сделать вывод об отсутствии здесь крупных надвигов,

по которым могли происходить значительные перемещения в северо-западном и северном направлениях (Памира на Тянь-Шань).

С 1957 по 1962 г. был ассистентом кафедры общей геологии ЛГУ, в связи с чем в Таджикистане перешел на работу по совместительству, но реально продолжал руководить исследованиями. Мы осуществляли съёмочные и редакционные работы по подготовке к изданию комплектов двух листов Государственной геологической карты СССР М 1:200 000.

В 1957 г. ко мне в партию на Дарваз приезжал мой руководитель по аспирантуре проф. Н.М. Сеницын. Я известил Олега, он тоже приехал. Мы втроём поднялись на лошадях на одну из вершин хр. Хозретиши, с которой рассказывали Н.М. о результатах своих работ: Олег о стратиграфии неогена, я о найденных мной блоках, ограниченных разрывами, которые по-разному развивались в юрское-четвертичное время, находясь, в целом, на границе поднимавшегося Памира и прогибавшейся Южно-Таджикской депрессией. По Н.М. Сеницыну, блоки находились в установленной им ранее Зоне Северо-Памирского разлома. Н.М. счёл эти сведения интересными и привел их, ссылаясь на меня, в посмертно изданной в 1959 г. статье «Северо-Памирский краевой разлом».

С 1962 г. до выхода на пенсию в 2011 г. я трудился во ВСЕГЕИ, прошел все ступени от младшего до старшего и ведущего научного сотрудника. Последние 5 лет был руководителем Временного творческого коллектива. В 1962 и 1963 гг. сдал в издание комплекты двух Гос. геологических карт М1:200 000 и руководил написанием и передачей в издание Объяснительных записок к ним. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию.

С 1964 по 1968 г. руководил комплексными полевыми профильными геолого-геофизическими работами, которые ВСЕГЕИ вел на территории Средней Азии (научный руководитель доктор г.-м. наук Ю.И. Сытин). Были пройдены профили: 1. От г. Фрунзе через г. Нарын и хр. Атбаши до границы с Китаем. 2. От г. Карабалты через Сусамырскую долину, г. Ош, г. Мургаб, оз. Салангур до границы с Афганистаном. 3. От пос. Кува в Южной Фергане через Дарауткурган, ледник Федченко, верховья р. Танымас, оз. Яшилькуль до границы с Афганистаном. 4. В Таджикистане из района пос. Навабад по долине р. Хингоу, пос.Калайхумб., г. Хорог, пос.Ишкашим. По каждому профилю составлялись геологические разрезы с отбором образцов для определения физических свойств пород. Одновременно велись магнитометрические, а также гравиметрические (где проходила автомашина) измерения. Велись сейсмологические исследования по наблюдениям за естественными землетрясениями с помощью станций «Земля». Был собран богатейший материал по глубинному строению Средней Азии, который содержится в отчётах, переданных в Фонды Республиканских Геол. Управлений. По ряду организационных причин материал и выводы остались не опубликованными.

Два года в 1969–1971 гг. я работал в Афганистане в должности главного геолога по съемке, руководил составлением геологической карты Афганистана М1:500 000. Вернувшись во ВСЕГЕИ, продолжил выполнять параллельно с основной работой обязанности куратора Министерства геологии СССР по геологической съёмке Средней Азии, что давало возможность посещать полевые и камеральные партии во всех её районах.

В 1976–1981 гг. совместно с доктором г.-м. наук Н.А. Афоничевым руководил составлением во ВСЕГЕИ комплекта «Геологическая карта Казахстана и Средней Азии М1:1 500 000». Комплект, кроме карты, содержит 234 таблицы стратифицированных и интрузивных образований выделенных геолого-географических районов и две Схемы районирования М1:5 000 000 рассматриваемой территории по типам стратиграфических разрезов и по времени формирования доплатформенных складчатых структур. На геологической карте, в отличие от обычных мелкомасштабных карт, показаны естественные геологические тела, картировавшиеся в поле: серии и свиты в стратифицированных, комплексы и фазы в интрузивных образованиях. В таблицах использованы те же краски и индексы, что на геологической карте, в каждой таблице содержатся исчерпывающие сведения о её авторах и спорных проблемах. Тексты содержат подробные характеристики состава подразделений. Эти и другие материалы таблиц делают их справочниками по геологии каждого района. Карта издана в 1983 г., Таблицы и Схемы в 1984 г. Карта с необходимыми небольшими объединениями полностью вошла в изданную в 1992 г. «Геологическую карту России и сопредельных государств (в границах бывшего СССР) М1:5 000 000». Объяснительная записка к ней «Очерки региональной геологии» издана в Санкт-Петербурге в 1992 г. В Записке на с.75-128 Н.А. Афоничевым и Н.Г. Власовым приведены сведения, заимствованные из Таблиц и Схем районирования комплекта «Геологическая карта Казахстана и Средней Азии».

В кооперации с геологами Таджикистана создан комплект «Геологическая карта Таджикской ССР и прилегающих территорий М1:500 000». Кроме карты, он включает две Схемы районирования М1:1 000 000 по типам стратифицированных и по типам интрузивных образований, и 207 районных таблиц этих образований. Карта и Схемы изданы в 1989 г., Таблицы в 1991 г. Редакторы Н.Г. Власов, Ю.А. Дьяков, Э.С. Чернер. Сведения о методике создания комплектов по Средней Азии и Таджикистану и об основных итогах их рассмотрения содержатся в статье Н.А. Афоничева и Н.Г. Власова «Геологическая карта Казахстана и Средней Азии: методика составления и результаты анализа», помещённой в Сборнике «Региональная геология и геологическая картография» (Санкт-Петербург, 1992, с. 71–92).

После развала СССР я продолжал деловые контакты с геологами Средней Азии. В Таджикистане неоднократно обсуждались вопросы восстановления геологической службы, сильно пострадавшей в результате выезда

Выдающийся исследователь сейсмо тектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

геологов из-за гражданской войны. Планировалось создание книги «Геология и полезные ископаемые Таджикистана», которая помогла бы молодым геологам разобраться в сложных проблемах этой Республики. Рассматривались вопросы интерпретации результатов донного опробования, проведенного китайскими специалистами на Восточном Памире. Пока осуществление планов задерживается по причинам, главным образом, финансового порядка. Последний раз я был в Душанбе в 2019 г. Удалось организовать издание в 2007 г. на картфабрике ВСЕГЕИ Геологической карты Киргизии М 1:500 000, созданной в Бишкеке в 90-х годах под руководством Ю.В. Жукова. Позднее в Бишкеке была издана книга «Стратифицированные образования Киргизии» (редактор А.В. Дженчураева), являющаяся Объяснительной запиской к части образований, изображённых на данной карте.

В целом результаты работ ленинградского «десанта» в Средней Азии можно считать положительными. Особенно это касается О.К. Чедия, значительно уточнившего сейсмическое районирование Киргизии.

Глава 2. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДРОБНОСТИ (ВОСПОМИНАНИЯ РОДСТВЕННИКОВ, ДРУЗЕЙ, КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ)

Воспоминания о моем отце

(Ирина Олеговна Чедия – дочь)

Мой отец, Олег Чедия, родился 27 апреля 1923 года в Саратове. Насколько место рождения и обстоятельства детства отразились на его судьбе, судить трудно. Гораздо легче судить о том, как на ней отразилась дата рождения: к началу Великой Отечественной войны отцу исполнилось восемнадцать лет – призывной возраст. Отец, как и большинство его сверстников, оказался на фронте рядовым. Впрочем, никто из них этим обстоятельством не печалился. Более того, многие семнадцати- и шестнадцатилетние ребята старались любыми способами, вплоть до фальсификации документов, прибавить себе год-другой, чтобы биться с фашистами. Таким было общее настроение в начале войны.

Все молодые советские граждане того времени смотрели фильм «Если завтра война» и были уверены в том, что «если враг нападет, если тёмная сила нагрянет, как один человек весь советский народ за свободную Родину встанет», и что «на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом!»

Фронтная реальность оказалась, мягко говоря, не столь гладкой и кинематографичной. Известно, что из мужчин 1923 года рождения, попавших на фронт сразу со школьной скамьи, в живых осталось несколько процентов. Папа говорил, что они были «пушечным мясом».

После призыва недолгая «учебка» и сразу на передовую.

Личного оружия для «зелёных» новобранцев не хватало. Так что на позиции им выдали по одной гранате, чтобы было чем подорвать себя в случае опасности попадания в плен. И вот – первый бой в поле, заросшем высокой рожью. Отцу сильно повезло – он наткнулся на убитого немца, забрал его валявшийся шмайсер (так назывались автоматы, которыми были вооружены немцы) и не только уцелел, но даже не был ранен.

Ранения последовали позже, причём все они были связаны с получением писем от его матери, моей бабушки, Елены Николаевны Чедия. Похоже,

что фашистские снаряды и пули старались наказать за проявления чувства сыновней любви!

Первый раз отец был ранен ночью, когда шел на почту за письмом из дома. Начался авиационный налёт. Передовая ярко осветилась ракетами. Немецкие снайперы открыли огонь по ищущим укрытия нашим солдатам. Отец находился в этот момент на берегу небольшого озера. Чтобы не стать добычей снайперов, он нырнул в озеро и старался держаться под водой, пока местность была сильно освещена. Но пуля его все-таки настигла. Впрочем, ранение не было тяжелым, и скоро он вернулся в строй.

Второй раз он был ранен тоже легко и тоже шел за письмом от матери.

Но в третий раз пуля попала в кисть руки, и это грозило ампутацией. Отец уже находился на операционном столе, хирург готовил инструменты. Поняв, что его ожидает, отец стал жаловаться, что он, заядлый охотник, теперь никогда не сможет как следует держать в руках охотничье ружье. Никогда больше не доведётся ему целиться в добычу, которой так много в его родных местах. Услышав это, хирург отложил уже занесённый скальпель и поинтересовался, какие именно «родные места» имеются в виду. Тут оказалось, что они с хирургом земляки. Тот тоже был с Ахтубы Волги и хорошо знал Харабали, где папа прожил много лет у своего дяди Георгия Чедия.

Земляк в армии, как известно, почти родственник. Пожалев молодого бойца, хирург решился на сложную операцию, чего, как правило, в полевых госпиталях не делали. Операция оказалась удачной, насколько это вообще было возможно в полевых условиях: кисть удалось сохранить, и, хотя пальцы на ней как следует разгибаться уже не могли до конца дней, охотником ему удалось остаться. Страсть к охоте и рыбалке украшала папину жизнь всегда.

Отец был демобилизован по ранению и отправлен в тыл. Так в 1943 году двадцатилетний Олег Чедия оказался у себя на родине в Саратове, куда в том же году был эвакуирован Ленинградский Университет. Был объявлен набор студентов. И отец поступил на геологический факультет. Это был счастливый выбор. Отец был геологом от бога, и эта профессия ярко и радостно освещала всю его жизнь и заодно всех окружающих его людей. Студенткой того же курса оказалась Дина Тарасова; она была на два года младше папы. В перерывах между лекциями по общей геологии и прочим дисциплинам у них завязался роман, результатом которого, в числе прочего, стало моё появление на свет. И немудрено, что он завязался. Красавец, каким был папа, не мог не обратить внимания на красавицу, какой была моя мама. И наоборот. Те, кто не доверяет словам, пусть посмотрят на фотографии моих родителей, особенно в молодые годы. К счастью, почти вся жизнь моих родителей, так или иначе, отражена в многочисленных фотографиях. Я часто перелистываю фотоальбомы, пристально вглядываюсь в чуть жел-

теющие снимки и ясно понимаю, что страсть к геологии, любопытство к окружающему миру, непоседливость характера я унаследовала от родителей в полной мере. Меня увлекали их рассказы о студенческой жизни. Я мечтала знать, что знали они; мечтала, как они, изучать структуру планеты и путешествовать. И детские мечты стали реальностью.

Занятия для первокурсников геологического факультета начинались в Саратове. Затем, после полного снятия блокады Ленинграда, университет смог покинуть берег Волги и вернуться на своё историческое место «на берегах Невы». Я с детства помню рассказ родителей о том, как они ехали на поезде от Москвы до Ленинграда. По всей видимости, это была весна 1944 года. Впереди состава шли сапёры и ремонтники, которые, при необходимости, разминировали и восстанавливали железнодорожные пути. Передвигались фактически со скоростью пешехода, так что путешествие оказалось долгим.

Первое время, занятия в университете перемежались работами по расчистке завалов и разрушений и по захоронению на Пискарьевское кладбище найденных при этом погибших горожан... В этих работах принимало участие большинство трудоспособных жителей города, включая студентов. Только, не очень много их было, полностью трудоспособных, после трех лет еще продолжавшейся войны и 900 дней блокады.

На курсе, где учились родители, кроме отца было всего три парня: все инвалиды после более или менее тяжёлых ранений. С ними я была знакома в своем взрослом возрасте. Например, с Григорием Черняком мы даже пересекались в геологии при изучении стратиграфии пермских отложений. Всю жизнь дружили с семьями Тазихиных и Кандиайнов.

Учили родители в здании 12 коллегий, стоящем напротив Исаакиевского собора, рядом с Медным Всадником, Сенатом и Синодом, неподалёку от стрелки Васильевского острова и Ростральных колонн. Олег учился на кафедре общей геологии, Дина – на кафедрах исторической геологии и палеонтологии.

Жили студенты геофака в общежитии на Мытнинской набережной, поблизости от Петропавловской крепости. Так что, добираясь до университета через мост Строителей, они ежедневно имели возможность любоваться панорамой Петербурга.

Пожились мои родители то ли на третьем, то ли на четвёртом курсе. Эти подробности, как и сведения о том, где, когда и как происходило свадебное торжество, мне не известны. В своё время расспросить не успела, а теперь уже не спросишь, увы. Могу лишь предположить, что, скорее всего, им было не до пышной свадьбы – не те времена.

Оба новобрачных были комсомольцами и отличниками (рис. 2.1). В свободное от занятий время мама успела стать чемпионкой Ленинграда по спортивной гимнастике (рис. 2.2). Отец истоиво осваивал общую геологию.

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Рис. 2.1. Из студенческой газеты

Рис. 2.2. Семейный гимнастический дуэт Олега и Дины Чедия.
За ними наблюдает дочь – Ирина

Для отца и матери (рис. 2.3) была выделена комнатка на шестом этаже общежития на Мытнинской набережной (много позже – в 1972–73 гг. – я жила в этой же общаге совсем рядом с этой комнаткой, и похоже, что пользовалась той же мебелью, что и родители в конце сороковых годов).

Рис. 2.3. Олег и Дина Чедия. Ленинград. Студенческие годы

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Моей бабушке по линии отца, Елене Николаевне Чедия (для меня и для всех остальных – любимой «Бабуле»), жить в Ленинграде, как жене «врага народа», было запрещено. Её муж, отец моего отца, Константин Михайлович Чедия, 1899 года рождения, красный комдив времён Гражданской войны, в 1938 году был репрессирован. С момента осуждения никаких сведений о нем семья не имела. «Бабуля» жила в поселке Лампово, неподалёку от Сиверской (около семидесяти километров от Ленинграда), где преподавала в местной школе. Позднее она переехала в Карташевскую, в том же районе, став директором школы и получив для проживания небольшую комнату в деревянном здании своей школы (рис. 2.4). Жила она вместе со своей сестрой, Надеждой Николаевной, которая была старше ее лет на 6-8 и не работала.

Рис. 2.4. Пос. Карташевская. Олег и Дина Чедия – верхний ряд. Бабуля, ее сестра Надежда и Ирина Чедия. 1951 г.

Дина очень привязалась к матери Олега, возможно, потому что ее родная мама умерла, когда Дине было 14 лет, и воспитывал ее больше отец.

Отец и мать очень часто её навещали, благо дорога занимала не слишком много времени. Надо сказать, что и сам Олег Чедия, будучи «сыном врага народа», был, как говорится, «на карандаше» у соответствующих служб, то есть, всегда находился под подозрением и, по всей вероятности, под наблюдением, на предмет лояльности существующему общественному строю. Таким образом, моя мать, полюбив отца и выйдя за него замуж, в определённой степени совершила «акт гражданского мужества», предпочтя настоящую любовь расхожим шкурно-карьерным соображениям. Спасибо, мама, ты сделала правильный выбор!

Я родилась 7 ноября 1950 года. По словам мамы, в этот день за стенами института Отто, где я появилась на свет, шумела демонстрация: люди с кумачовыми транспарантами над головами выкрикивали лозунги, празднуя очередную годовщину Октября. Впрочем, моего позднейшего негативного отношения к советской власти это не предотвратило.

Выписавшись из роддома, мама носила меня в плетёной корзине на кафедре исторической геологии, поскольку оставлять грудного ребёнка было негде и не с кем. Сегодня трудно поверить, что я легко помещалась в эту корзину, но ведь помещалась же! Думаю, что окружавшая меня в младенчестве специфичная атмосфера высокоучёной кафедры повлияла на мой последующий выбор профессии. Просто, не могла не повлиять...

После получения дипломов с отличием мои родители поступили в аспирантуру и к 1951 году успешно защитили кандидатские диссертации. Весь период их обучения и становления, как специалистов, занял восемь лет.

Каким же образом не слишком благонадёжному «сыну врага народа», как и жене «сына врага народа», удалось не только получить высшее образование, но и стать кандидатами наук? Думаю, это стало возможным потому, что геология, в широком смысле слова, совершенно свободна от идеологии. Здесь невозможно «впасть в оппортунизм» или «заразиться буржуазной философией». Геологические процессы – переход от Докембрия к Кембрию, от Юры к Мелу, дрейф материков, горообразование, вулканическая деятельность, землетрясения и прочее, прочее, прочее, к счастью, невозможно трактовать с точки зрения классовой борьбы. И этому мой отец, как истинный сын «врага народа» и «жены врага народа», весьма скептически относившейся к марксизму-ленинизму, был искренне рад.

Проведя некоторое время в следственном изоляторе в качестве «жены врага народа», испытав на себе способы «жёстких допросов» и зная о массе безвинно репрессированных и томящихся в лагерях и тюрьмах, моя «Бабуля» ненавидела песню «Широка страна моя родная». Нет, не за констатацию гигантских географических масштабов страны, а за сверхциничные строчки: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» и «Человек проходит, как хозяин, необъятной Родины своей». С этим не мог не согласиться мой отец, а впоследствии и я...

Выдающийся исследователь сейсмоtectоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Первые полевые сезоны у Олега проходили на Дальнем Востоке. Геологи знают, что там очень плохая обнаженность горных пород - увидеть какие-то обнажения можно только вдоль долин рек. Так что, когда после Дальнего Востока папа попал в экспедицию в Среднюю Азию с Николаем Михайловичем Синициным, он был совершенно очарован горами и возможностями, открывавшимися там для геолога. И мечтал уже только о работе в Средней Азии – Памир, Дарваз, Тянь-Шань!!!

К счастью, его желание исполнилось. Отец и мать, со мной на руках, вместе с «Бабулей» и сестрой «Бабули», переехали жить и работать в столицу Таджикистана Сталинабад (ныне – Душанбе).

Сталинабад

Родители были молоды, энергичны, полны энтузиазма (рис. 2.5). Обнаружив целый контейнер вещей, которые «Бабуля» и её сестра привезли в Таджикистан, отец выкинул всё это на свалку: новая жизнь должна начаться с чистого листа!

Рис. 2.5. 1950-е

Два новоиспеченных доцента получили трехкомнатное помещение в одноэтажном бараке во дворе здания университета (рис. 2.6–2.10). Вода была в колонке во дворе, топить печки надо было углем, вместо кухни была маленькая прихожая с бетонным полом и керосинками, туалета не было вообще. Во дворе не рядом был общий туалет для всех взрослых. Как он выглядел могут себе представить только те, кто бывал в Средней Азии. Мне туда ходить не разрешалось, поэтому я с интересом посещала его тайно.

Впрочем, бытовые трудности были мне незаметны. Детство мое было золотым и совершенно беззаботным. Родители, пережившие войну и голод, сумели оставить все это в прошлом. Моим воспитанием целиком занималась бабушка – «Бабуля» – папина мама. Знаю, что бывали конфликты по поводу моего воспитания между Бабулей и родителями, но они соглашались, что она – главная. Родители вмешивались, когда необходимо было наказывать, поэтому я их побаивалась. А всяких проказ я придумывала много, потому что носилась по огромному университетскому двору в компании мальчишек без всякого надзора. Мы любили лазить по грудам угля в кочегарке, набивать за пазуху металлические стружки в слесарной мастерской или опилки столярной мастерской. Как-то я на спор переходила по тонкой трубе через яму с негашеной известью, и папа принёсся, чтобы вытащить меня оттуда. В другой раз я прыгнула в канаву, заполненную варом. Вар оказался жидким, и я провалилась выше щиколоток. Папа с трудом вытянул меня оттуда, конечно, без обуви. Потом несколько дней он оттирал мне ноги керосином.

Рис. 2.6. Г. Сталинабад, двор университета. Олег Чедия с дочерью и Сараджон Юсупова – будущий таджикский академик. 1952 г.

Выдающийся исследователь сейсмоструктоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Рис. 2.7. Двор университета, Сталинабад. Олег Чедия с сыном Костей. 1956 г.

Рис. 2.8. Двор университета. Дина с сыном Костей, Бабуля, литератор Фаина Стеклова, Ирина и Олег с собакой Долли. 1955 г.

Рис. 2.9. Под нашим окном.
Семья Чедия и отец Дины – Михаил Тарасов (справа). 1957 г.

Рис. 2.10. Олег с детьми. Зима в Сталинабаде

Бабуля была из дворянской семьи, поэтому любила несколько раз в день переодевать меня в платья, которые сама шила. Я умудрялась их быстро пачкать, находя лужи даже в сухое время.

Каждый год мы с Бабулей после майских праздников отправлялись в Ленинград, где мы жили в Карташевской, где у неё после работы Бабули в местной школе осталась в собственности треть деревянного дома. Самолетов еще почти не было. Поэтому мы ехали на поезде, в мягком вагоне. Поезд из Сталинабада в Москву шел сначала 10 суток, потом неделю, только к середине шестидесятых годов стал добираться до Москвы за четверо суток. Много знакомств происходило в этом поезде. Возвращались в Сталинабад в октябре, когда уже заканчивалась жара. А папа все это время проводил в горах.

Бабули не стало 7 января 1960 г., до этого 2–3 года она сильно болела. Пока она была здорова, я целиком была ее внучкой, только потом мной стали много заниматься родители, фактически с 1-го класса.

Дома у нас было всегда очень весело и многолюдно. Наш дом стал центром притяжения для очень многих. Репрессии конца сороковых – начала пятидесятых коснулись людей разных профессий: юристов, учёных, военных, литераторов, врачей. Некоторые из них были высланы в Сталинабад. Судьба свела нас с лучшими бывшими кремлёвскими медиками. Нашими гостями, и лечащими врачами, при необходимости, были, например, знаменитый педиатр Виталий Самуилович Вайль (автор известной на весь Союз книги о детском питании), кардиолог, профессор Лехциер и многие другие, фамилии которых, увы, стёрлись из памяти. Здесь же, в будни и праздники, рядом с нами были коллеги отца по работе и близкие друзья, такие, как Владимир Лоскутов, Михаил Пахомов, Алексей Трофимов, Михаил Кухтиков, Сергей Захаров, Владимир Рейман – с жёнами и детьми, моими товарищами по детским играм. Мы оба, и отец, и я, всегда дружили с Натальей Петровной Костенко, совершенно легендарной личностью, вся жизнь которой была посвящена геологии.

Те, кто прочитал данную книгу и дошёл до моего рассказа об отце, могли видеть эти известные в геологических кругах фамилии в текстах включенных в неё научных статей.

Почти ежедневные «посиделки», сопровождаемые не слишком понятными для меня разговорами и почти непрерывным всеобщим курением, так и стоят у меня перед глазами. В те годы курили все. Папа – папиросы «Беломорканал», мама – сигареты. Никому и в голову не могло прийти, что дома не курят. В нашей большой комнате, с большим овальным столом в середине, к обеду каждый день собиралась компания, и дым от курева был как туман. Живые, осмысленные лица, и среди них главное лицо (для меня, по крайней мере) – лицо моего папы!

У отца был мотоцикл Урал с коляской, шикарного тёмно-бордового цвета. Меня и моего брата Костю, родившегося 2 декабря 1954 года, родители усаживали в коляску и возили в горы (рис. 2.11), где мы могли любоваться изумительными видами, а весной, в Варзобском ущелье, собирать желтые или фиолетовые ирисы, тёмно-красные маки...

Рис. 2.11. В Варзобском ущелье

По выходным, как правило, папа уезжал на охоту. Исправно привозил много дичи: гусей, уток, фазанов... К счастью, я была маленькая, мне не приходилось их ощипывать и опаливать. Иногда добыча на охоте была столь обильной, что её приходилось раздавать по знакомым.

Часто устраивали общие весёлые пиры. Отмечали все праздники.

В Новый Год у нас собиралась огромная компания (больше 20 человек). Всегда была трехметровая елка в углу комнаты. Елка являлась неожиданно для нас, детей. Утром встанешь, а красавица до самого потолка уже сияет украшениями. Достать елку в Сталинабаде (потом уже Душанбе) было не просто. Обычно покупали три елки, чтобы их соединение дало густоту. В некоторые годы вместо елки были сосна, туя или горная арча, но всегда с настоящим хвойным запахом. Утром папа рассказывал, как ночью приезжал целый поезд с Дедом Морозом; как Дед Мороз кидал на елку игрушки, и они на елке сами распределялись; как он предлагал Деду Морозу выпить чаю, но он соглашался только на рюмку холодной водки. Потом мы начинали любимую игру: «Найди мне ...» дальше шло название игрушки, которую надо было найти на большой и густой елке. Игрушки были привезены в основном из Москвы и Ленинграда. Но самые ценные – были самоделки. Сделаны они были еще под Ленинградом в Карташевской в послевоенные годы, когда неожиданно разрешили в СССР наряжать елки, а игрушек ни у кого не было. Всегда на почетном месте висела маленькая, склеенная из картона книжечка с надписью «Памир. О.К. Чедия» (папа мечтал о работе геолога на Памире, еще живя в Ленинграде).

Подготовка к празднику начиналась за месяц до наступления Нового года. Клеили специальные, праздничные разноцветные шапочки для детей и взрослых, мастерили серпантин, вырезали снежинки, украшали комнату забавными надписями, на абажур подвешивали озорные чёрные фигурки, которые рисовал и вырезал папа.

Гуляли всю ночь, с танцами, играми, розыгрышами. Утром мы с братом Костей просыпались и, пока родители спали, оглядывали следы отшумевшего праздника. Собирали и разноцветным ворохом подкидывали к потолку конфетти и серпантин, что-то доедали из родительских тарелок. И даже что-то допивали из не конца опорожненных бокалов.

Но праздник на этом вовсе не заканчивался. Родители устраивали две отдельные ёлки для меня и брата Кости. У нас разница в четыре года, поэтому гости были разные. Папа придумывал, организовывал и проводил массу весёлых игр, сам, с удовольствием, в них участвуя, наравне с детьми.

Однажды, в 1956, или в 1957 году, перед Новым годом, у наших соседей по дому случился пожар. Огонь мог перекинуться на весь дом. Поэтому прибывшие пожарные заливали водой всё подряд, включая наши комнаты, а все вещи выкидывали на улицу, именно выкидывали, а не выносили. Пожар удалось погасить. Однако вся наша посуда, как и большая часть привезённых из Ленинграда любимых грампластинок, оказалась перебитой. Очень

пострадала коллекция радиолярий (микроорганизмы, которыми профессионально занималась мама) и многое-многое другое.

Но родители не восприняли это событие трагично. Нас с братом они пристроили погостить у друзей, а сами отправились куда-то на танцы. Танец, как известно, помогает пережить неурядицы. После танцев, в течение трёх дней они расставили и разложили уцелевшие вещи, навели более или менее приемлемый порядок и... нарядили традиционную ёлку.

Ко всеобщему удивлению Новый год мы вновь весело праздновали у нас, в привычном кругу друзей и знакомых...

Удивительно, как дружно жили мои родители. Мы с братом ни разу не слышали, чтобы они ссорились, конфликтовали... Друг друга называли Масик и Басик. Очень красиво вместе танцевали. Папа хорошо играл на мандолине (рис. 2.12), мама играла на семиструнной гитаре и пела романсы. Когда кто-то из нас, детей, болел, нам ставили горчичники или банки от кашля, родители садились рядом и устраивали музыкальный концерт.

Рис. 2.12. Саратовская область. Во дворе сельской школы. С мандолиной – Олег Чедия. Сзади учительница – мать Олега, Елена Николаевна Чедия. 1936 г.

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Важную роль в жизни нашей семьи играл Таджикский театр оперы и балета, расположенный вблизи Университета. Балетом увлекалась вся наша семья (рис. 2.13). Мы посещали почти все спектакли любимого театра. С шести до десяти лет я занималась хореографией под руководством главного балетмейстера театра Григория Григорьевича Сирганиди-Герн и его жены Веры Львовны Фроловой. Мои балетные педагоги и многие артисты театра были друзьями моих родителей.

Рис. 2.13. Сталинабад, 1959 г. Репетиция под елкой. На стене висит портрет отца Олега – Константина Михайловича Чедия

По вечерам мы довольно часто играли с папой в настольные игры. Одну такую игру под названием «Ричи-рач» папа сам рисовал по своим детским впечатлениям. Спустя много лет, мне удалось купить такую игру в магазине в Москве.

Папа, заядлый картёжник, часто приглашал знакомых поиграть в преферанс. Со стола снимали скатерть и «расписывали пулю». Мы с братом старались не мешать, а мама тихонько сидела в углу с вышивкой в руках. «Мизер, шесть без козыря, вист, пас» – то и дело звучало в сосредоточенной тишине. Папа и с нами играл в карты. Поначалу – в «пьяницу», потом, по мере взросления, в «дурака», «кинга», «джокера».

Еще я очень любила печатать вместе с папой фотографии. Он и научил меня все в своей жизни фотографировать и оформлять альбомы. В результате, у меня фактически никаких материальных вещей от родителей не осталось, кроме фотографий всей их жизни, начиная с конца 19 века.

У папы, как у охотника, всегда была собака. В начале 50-х годов у нас жила рыжая собака породы русская спаниель по кличке Долли. На всех семейных фотографиях Долли обязательно присутствует. Она прожила полноценную собачью жизнь полную приключений и охотничьих радостей. Однако в старости Долли стала больна и папе пришлось собственноручно ее пристрелить. Я помню, как он со слезами в голосе рассказывал об этом.

Но без собаки мы жить не могли. Году в 1959–1960 у нас появился Джек – крупный темно-рыжий пес, помесь ирландского сеттера с борзой. Он оказался у нас уже взрослым. До этого жизнь его, судя по всему, была неласковой. В то время мы жили еще во дворе университета в доме барачного типа, и Джек жил в конуре рядом с нашей дверью. Его несколько раз кто-то крал, но через какое-то время он появлялся с обрывком веревки и даже цепи на шее.

Летом студенты-геологи младших курсов выезжали на практику в горы – Зидды к подножию Анзобского перевала. Нас, детей и Джека, брали с собой. Там на Джека несколько раз нападали сторожевые волкодавы, с которыми пасут отары овец. Однажды они так разорвали нашего бедного пса, что папа с трудом, отбив его у собак, нес домой на руках. И потом зашивал раны обычной иглой и суровыми нитками. Боялись, что Джек не выживет, он несколько дней не мог встать. Но Джек был очень умный, понимал каждое слово и терпел как мог, только скулил.

Понимал он, действительно, очень многое. Как-то раз, когда моему брату Косте было лет пять, папа попросил его позвать Джека, который бегал где-то далеко. Костик подошел нему, тихо сказал: «Джек, тебя папа зовет», и побежал играть. Джек понял и пошел к папе.

Каждую осень папа уезжал в Ахтубу Волги, в Харабали, где жил его родной дядя Георгий Чедия. И Джека не мог взять с собой. А пес хорошо понимал, что хозяин едет на охоту, но его с собой не берет, и плакал настоящими слезами. Я его обнимала и утешала, как могла.

В 1961 г. мы получили трехкомнатную квартиру в трехэтажном доме (рис. 2.14). У нас появился прямо в кухне кран с холодной водой и настоящий туалет не на улице. Это было просто сказочно.

Джек жил на балконе или у входной двери. Гулял всегда сам, один. Только почему-то очень не любил почтальона, видимо, из-за сумки. Приходилось почтальону – тетю Женю – специально оберегать от Джека; когда к нам приходил почтальон, Джека не пускали в прихожую.

Однажды, во время экспедиции на Памир, Джек пропал. Что с ним тогда случилось, неизвестно до сих пор. Его долго искали, но найти никак не могли. Спустя месяц после своего исчезновения Джек буквально приполз

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

к дверям нашей квартиры и лёг перед дверью. Он был измучен, истощён и совершенно обессилен. Подушечки на лапах кровоточили. По расчету отца, героическому псу пришлось пройти около трёхсот километров, порой, по острым камням, через несколько горных перевалов.

Рис. 2.14. Душанбе, 1961 г. Первый проезд Лахути. Таня Садыкова (ныне Никитина), ..., Наталья Александровна Садыкова, Олег Константинович, Ирина Чедия

В квартире, как на грех, никого из нас в это время не было. До нашего приезда Джек жил на лестнице. Кормили его и врачевали стёртые подушечки лап сердобольные соседи. (Спасибо вам, дорогие, бывшие соседи). Как Джек встречал нас, когда мы, наконец, вернулись! ... Уезжая жить и работать в Бишкек, отец взял Джека с собой, и верный пёс счастливо доживал свой век рядом с любимым хозяином.

После Джека папа опять завел русского спаниеля Джерри, но я уже мало что знаю об этом.

Летом 1961 года мы всей семьёй совершили грандиозное путешествие (рис. 2.15). Наш путь пролёг по всей долине реки Сурхоб до Ляхша, а оттуда, мимо голубого озера, через Калайхумбский перевал, в долину Пянджа, до Хорога. Это был рекогносцировочный маршрут, задуманный отцом и его коллегой Владимиром Лоскутовым. Ехали на грузовике. По-моему, это был ГАЗ-51. Тот ещё агрегат, писклявый, ломучий, маломощный, с кузовом без всякого намёка на существование тента. В этом самом открытом кузове, хватаясь за его борта на особо тряских участках дороги, сидели: я, брат Костя,

мама, папа, пёс Джек и Лоскутов. Джеку хвататься за борта было нечем, поэтому мы поочерёдно ловили его, когда он летал из стороны в сторону. Горные дороги - они и есть горные дороги. Зачастую, правое колесо грузовика шло по самому краю обрыва, в то самое время, когда левый борт кузова скрёб по отвесной скале. Не самый комфортабельный способ передвижения, разумеется. Зато нам сверху было видно всё, что самое главное для геолога.

Паром через реку Бартанг. Олег с собакой Джеком, Дина с Костиком и Ирина

Рис. 2.15(а). Поездка в горы

Рис. 2.15(б). Поездка в горы

Так или иначе, с этого маршрута, я считаю, начиналось моё становление, как геолога. В течение всей поездки отец последовательно учил меня вести настоящий геологический дневник (пикетажку), ежедневно записывая, где мы ехали, что видели, делая зарисовки антиклинальных и синклиналиных складок. Спали под открытым небом, взрослые – на кошке, а мы с братом – на раскладушках, в спальнях мешках.

Перед сном я обычно долго рассматривала звёздное небо. В горах звёзды не просто большие, они огромные и не менее яркие, чем залпы праздничного салюта. А ещё, мы с братом, во время одной их ночёвок, увидели, как пролетел один из первых советских искусственных спутников. «Смотри, смотри, спутник!» «Где спутник?» «Вон, там, там! Летит, правда, летит!» Целое событие в те времена – увидеть искусственный спутник Земли!

У отца было особое, трепетное отношение к лошадям. Сын кавалериста, он с двух лет сидел в седле. И в горах в одиночных маршрутах предпочитал двигаться верхом. Лошадь позволяла ему забираться в дальние уголки, недоступные для машины. Лошадей в экспедицию он всегда выбирал сам и сам за ними ухаживал, очень сердясь, если кто-то недостаточно бережно к ним относился. В памяти осталась его баллада (скорее даже серенада), посвященная любимой кобыле.

Со временем я стала спутником отца в его охотничьих вылазках. На дворе ещё глубокая ночь. Выезжаем в полной темноте, и первые рассветные лучи застают нас в присмотренном месте на берегу озера, ожидающими,

когда полетят утки. В тихой озёрной воде отражается постепенно светлеющее небо, стройные ряды камышей, наши с папой силуэты... Вот, оно! Утки летят! Выстрел! Джек, мгновенно стирая водные картинки, бросается в озеро, плывёт туда, где виднеется утиная тушка, возвращается обратно, энергично отряхивается и кладет добычу к нашим ногам (рис. 2.16).

Рис. 2.16. На охоте

Отец прекрасно рисовал и карандашом, и акварелью. Этот сюжет, стая летящих уток на фоне утреннего светлеющего неба, был одним из самых излюбленных для рисовальщика Олега Чедия (рис. 2.17). К его сорокалетию мы с мамой, задумав сюрприз, соорудили большой альбом папиных рисунков, по возможности собрав всё, что он запечатлел в течение этих лет. Этим счастливым лет.

Рис. 2.17. Одна из охотничьих картин Олега Константиновича

Детство наше резко оборвалось осенью 1964 года. Папа влюбился в молодую геологиню-дипломницу, приехавшую к нему на летнюю практику из Ленинграда, и семья их с мамой просто разлетелась на куски. Для меня это была катастрофа. Мы никогда не видели раньше, чтобы родители ругались. Так что скандал в семье нам казался полным безумием. И папу своего я любила безмерно. И вдруг этот любимый папа исчезает из нашей жизни. Не буду погружаться в подробности, но разводиться с собственными мужьями оказалось менее горько, чем со своим отцом.

В итоге мы с мамой, братом и первое время с сеттером Джеком остались жить в своей квартире, а папа сначала снял какое-то жилье в Душанбе, но вскоре уехал жить и работать в Киргизию, в Бишкек. Как я узнала, спустя много лет, и мама и папа были в ужасном психологическом состоянии. С мамой мы были вместе и все это наблюдали сами.

У папы личная жизнь с объектом страсти не сложилась, и спустя год он женился на Надежде Георгиевне Уткиной (рис. 2.18, 2.19). К ней мы все, включая маму, относились всегда очень хорошо. Она не имела никакого отношения к разводу родителей. Они с папой дружно прожили более 30 лет,

вплоть до папиного ухода из жизни в августе 1998 года, и много сделали для сейсмологии и геоморфологии Киргизии, о чем гораздо лучше меня знают коллеги по работе в Бишкеке.

Рис. 2.18. Ленинград. Весна 1987 г. Ирина, Анна и Олег Константинович Чедия и Надежда Георгиевна Уткина

Рис. 2.19. Бишкек. Застолье в доме Олега и Нади

Вместе с папой исчезли из жизни многие друзья с семьями: коллеги папы по работе. Уехали в Киргизию Алексей Трофимов с Ольгой Григиной, перестали видеться с Лоскутовыми, Васильевыми, Мишей Пахомовым (палинолог) и его женой Эллой, с семьей Кафарских. Редко очень встречались с Захаровыми и Кухтиковыми и многими другими.

Но дом наш все равно продолжал быть полон людьми. Мама оставалась центром притяжения для друзей.

Наверное, только лет в 40 я поняла, насколько разрыв родителей повлиял на мою психику. Много лет понадобилось, чтобы попасть в радостную колею жизни.

Мечту стать геологом, появившуюся со времени маршрутов с папой, я осуществила. Училась на отлично в школе № 1 г. Душанбе (одна из лучших школ СССР), чтобы поступить в Ленинградский университет. Много занималась спортом (легкой атлетикой), чтобы быть выносливой для работы в горах. В 1968 году стала студенткой ЛГУ. В 1971 и 1972 гг. ездила на практику с геологическими партиями в Таджикистан (Дарваз, Памир), ходила по тем же горам, где когда-то работал папа, с теми же геологами, которые его хорошо знали. Как-то раз даже экипаж вертолета, забросившего нас на один из лагерей Восточного Памира, был тем же, что когда-то работал с Олегом Чедия.

С 1973 года я стала работать самостоятельно во ВСЕГЕИ и бывала на Восточном Памире и Дарвазе уже в своей партии.

Все эти долгие годы (15 лет) мы очень редко виделись с папой. Он в это время успешно работал вместе с Надей в Киргизии. В 1974 году у меня родилась дочка Анютка. Назвали ее Анной Чедия в честь папиной родной тети Анны – жены Виктора Чедия. Когда ей исполнилось 5 лет и она осенью жила у моей мамы в Душанбе (пока я была в экспедиции), папа оказался там же в командировке и пришел в гости знакомиться с внучкой. Встреча оказалась очень теплой, он попросил отпустить Анюту погостить к ним с Надей в Бишкек. Мама по телефону спросила моего разрешения. Я, конечно, не возражала. Вот Анечка в пять лет и поехала гостить к дедушке Олегу с Надей в Киргизию. От этой поездки осталось много прекрасных слайдов.

Мне было 29 лет в 1979 году, когда папа приехал к нам в гости в Ленинград, и началась новая часть нашего общения. Анечка и в следующее лето ездила в гости к дедушке, а в 1980 году приехали в гости мы всей семьей недели на три: я с моим мужем Володей Давыдовым и Анечкой. Отдыхали в академическом доме отдыха на берегу Иссык-Куля. Конечно, прекрасно провели время.

Мне самой так и не довелось побывать с папой в поле. Но зато Анечка была с ним в экспедиции даже несколько раз.

Летом 1987 года Аня и ее подруга Аня Урнова были в гостях в Бишкеке летом. Жили у папы с Надей на даче, бывала в горах. Когда я приехала за ними, мы все вместе ездили в Медео над Алма-Атой.

В 1989 году я переехала в Москву и родила дочку Анастасию Урнову. В течение года у папы с Надей бывали одна-две командировки в Ленинград или

Москву (рис. 2.20–2.23). Эти недолгие дни мы прекрасно проводили вместе. Мне очень хотелось, чтобы и у Насти был дедушка, чтобы она побывала у них в Киргизии. Это удалось осуществить летом 1995 года. Две сестрички, Аня и Настя, летали к дедушке в гости. Жили у них на даче, ездили в горы, на рыбалку. Хорошо, что все путешествие сопровождалось фотографиями, приятно вспомнить. С ними всегда была спаниель Джерри (рис. 2.24).

Рис. 2.20. Москва, Графский переулок. Май 1997 г. Олег Константинович Чедия, Сергей Степанович Карапетов, Эрнст Яковлевич Левен, Ирина Олеговна Чедия.

Рис. 2.21. Константин Олегович и Олег Константинович Чедия за лепкойпельменей. Москва. 1997 г.

Рис. 2.22. Москва 1997 г. Марк Юрьевич Урнов, Олег Константинович Чедия, Анна Владимировна Чедия, Ирина Олеговна Чедия, Анастасия Марковна Урнова

Рис. 2.23. Зима в Москве, 1997 г. Сокольники. Марк Юрьевич Урнов, Олег Константинович Чедия и Ирина Олеговна Чедия

Рис. 2.24. Киргизия, 1990 г. Дома с собакой Джерри

Надюша много болела. Как-то в девятые годы она приехала в Москву на обследование, но, к счастью, ничего серьезного у неё не обнаружили. Папа всегда был бодрым и веселым. Последний раз он приехал в командировку в Москву в феврале 1998 г.

Глядя на него, я была уверена, что еще лет десять радостной жизни у папы есть. Но по прилете в Бишкек он заболел простудой. Эта болезнь так его и не отпустила до самой кончины в августе того же года.

Я успела прилететь дней за десять до трагического дня. Мы были вместе с Надей, и я просила не привлекать больше никого из друзей, раз нам удастся справляться самим.

На похоронах было много народу, из всех я знала с детства только Ольгу Григину.

Анечка просила меня привезти от дедушки на память кинжал, который висел у него в кабинете на стене, и который она с детства любила разглядывать. Я положила его в рюкзак со своими вещами. А при посадке в самолет его обнаружили. Кинжал не конфисковали, но задержали меня как террористку. Хорошо, что я успела позвонить Наде и сообщить, что этим рейсом я не улечу. Она подняла панику и успела прислать в аэропорт Манас одного из друзей, бывших на похоронах. Этот человек имел отношение к внутренним органам и буквально в последний момент успел спасти меня от ареста. А по аэропорту уже ходили слухи, что поймали террористку, да еще с кавказской фамилией. Доплатив немалую сумму в долларах, я улетела на следующий день домой в Москву....

Что такое потерять отца вторично я описывать не стану, думаю, это понятно без слов.

Я любила и люблю тебя, папа. Любила и люблю!

ДЕДУШКИН КАБИНЕТ

Анна Владимировна Чедия-Сандермоен (внучка)

Когда мне было уже 13 лет, я впервые за много лет гостила у дедушки во Фрунзе (рис. 2.26, 2.27). В маленькой квартире я спала в его кабинете. Мне в нем очень нравилось. Кроме того, что на стене висели часы, которые громко тикали и каждый час куковала кукушка, в кабинете у дедушки были всякие загадочные для меня штуки: охотничьи ружья и коллекция кинжалов, геологические карты на стене, черно-белые фотографии наших предков в красивых платьях и дедушкины картины, написанные маслом. Все это создавало у меня удивительные впечатления о том, что такое вообще жизнь и что меня ждет впереди...

До 13 лет я росла не только в разных и временных жилищах, но еще и в такой атмосфере, в которой мне давали знания, но возможности задавать вопросы у меня не было. Мне просто на них никто бы не ответил.

А дедушка со мной разговаривал. Он часто смеялся над моими вопросами или комментариями, но по-доброму, не обидно. Он любил меня обнимать и называл деткой и Ньютой.

Я не помню, чтобы в детстве со мной взрослые много разговаривали, обсуждали что-то со мной, интересовались моим мнением. Обычно взрослые мне говорили, как не надо и как правильно. И относились ко мне как ко взрослой, ждали от меня взрослых поступков, хотя я, конечно, была еще ребенком. Это я сейчас уже понимаю, будучи родителем сама.

Дедушка обращался со мной как с ребенком, и мне это хоть было неприятно и странно, но все же больше приятно.

Став взрослой, я специально стала обращать внимание на то, в какой обстановке растут дети: какие квартиры или дома, что на их стенах, что на полках? Что дети видят каждый день? Думаю, картинки из детства остаются у человека на всю жизнь, они формируют многие важные для взрослого вещи.

Мне пришлось как-то жить в одной квартире, где рос ребенок, на стенах и на полках которой не было ничего кроме фотографий этого ребенка. Я смотрела на этот дом и думала о том, что же отложится в голове ребенка о его родном доме, где он рос, и как это повлияет на его будущее?

Есть также дома, где растут дети, в которых совсем нет книг. Нет картин по стенам. Кто-то скажет, что они вынуждены снимать жилье и у них нет возможности держать всякое декоративное барахло. Но это важная часть жизни! Оно складывает у ребенка будущую картинку его мира, будит воображение и развивает фантазию, формирует его мечты, амбиции. То, что ребенок видит каждый день, картинка, которая впечатывается в мозг навсегда. Это первый кирпичик к тому, чтобы ребенок тянулся к свету.

Вернусь в дедушкину квартиру... мне 13, и я, рассеянно бегая взглядом по корешкам книг на полках, вдруг замечаю маленькую тонкую книжку со странным для меня названием «Очевидное и невероятное».

Я не помню, чтобы я любила в детстве читать. Я ненавидела чтение, потому что меня заставляли читать пионерскую литературу, а она вся была одинаковой – о героической смерти во имя родины. У дедушки же на полках были другие книги: искусствоведческие и профессиональные по геологии. В основном это были большие и тяжелые фолианты.

Книжка «Очевидное и невероятное» была маленькой, поэтому я без страха вытащила ее из ряда других книг. Эта книжка стала моей библией и потом много лет лежала в моей заветной коробочке для сокровищ вместе с письмами от дедушки и кусочками сахара рафинад. А состояла книжка из огромного количества странных и неочевидных для меня на тот момент фактов. Например:

- человек состоит из воды на 80%
- лимонной кислоты больше в гранате, чем в лимоне.

И прочие неожиданные и неочевидные для ребенка факты из жизни животных, природы и т.д.

В школе, в которой я тогда училась в Ленинграде, информация подавалась совершенно иначе.

Меня тогда поразило в этой книге то, что, я вдруг осознала, что между совершенно разными явлениями есть связи. Человек не существует сам по себе, а он зависит от количества, например, воды в нем. В гранате лимонной кислоты больше, чем в лимоне. Вода голубая, потому что в ней отражается небо... У воздуха есть вес. Мы не летаем, потому что есть земное притяжение.

Каждое явление само по себе кажется довольно простым. Но идея о том, мир состоит из связей между явлениями, и связи эти – в отличие от явлений – сложные, меня вдруг тогда ошаршила и дала много пищи для ума. Днем я листала книжку, а ночью, прислушиваясь к тиканью часов и с замиранием сердца ожидая, когда же выскочит кукушка, все думала и думала о мире.

До того, как эта книжка попала мне в руки, мне кажется, я жила как собачка: я ела, играла, спала, но я ни о чем не думала. Я не помню, чтобы у меня была какая-то мыслительная деятельность, чтобы у меня возникали какие-то вопросы, анализ. Я наблюдала, фиксировала то, что происходит вокруг меня, но вот чтобы у меня возникали вопросы «а почему, а зачем», нет.

Теперь я думаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы у меня не было дедушкиного кабинета с кукушкой в часах, его картинами на стенах и книжками? Если бы я не наткнулась на эту книжку? Если бы у меня не было возможности быть у дедушки и общаться с ним?

Думаю, жизнь меня забросила бы в каком-нибудь другом направлении.

Я уже тогда в свои 13 хорошо понимала, что дедушки не станет. Нет, он был совершенно здоров и полон сил, но я знала, что наступит момент, когда его не станет. Поэтому я мысленно собирала дорогие мне предметы по его квартире, которые я хотела бы сохранить в память о нем.

И я сохранила не только кинжал, его геологическую полевую сумку и несколько картин, но и разные воспоминания, которые я напишу позже.

Но я очень многого не знаю о дедушке как о человеке. Мне было бы очень интересно узнать от его коллег, каким он был. Это правда, что он, сын врага народа, отказался от партбилета? Я слышала эту историю от него, но детское восприятие было слишком поверхностным. Как это произошло и как отразилось на его жизни потом? Как, человек, идущий против системы, смог вообще чего-то добиться? Или я чего-то не знаю? Или знаю не так?

Анна Чедия Сандермоен, Швейцария, Цуг
18 июня 2019

Рис. 2.26(а). Фотографии из домашнего альбома

Рис. 2.26(б). Фотографии из домашнего альбома

Рис. 2.27(1). Фотографии из полевой экспедиции. 1995 г. Долина реки Суусамыр. Анна Чедия на водоразделе хребта

Рис. 2.27(2). Фотографии из полевой экспедиции. 1995 г. Долина реки Суусамыр.
а) У сейсмоуступа, образовавшегося во время Суусамырского землетрясения 1992 г.
($M = 7.3$, $I_0 = IX-X$ баллов). О.К. Чедия, Анна Чедия, А.М. Корженков и собака Джерри.
б) Полевой автотранспорт. Анна Чедия, Тулиген Абдышевич Чаримов и его сын.

(в)

(г)

Рис. 2.27(3). Фотографии из полевой экспедиции. 1995 г. Долина реки Суусамыр.
в) Полевой лагерь на берегу реки Суусамыр.
г) У сейсмоуступа Суусамырского землетрясения. В первом ряду: американский академик Питер Молнар, проф. О.К. Чедия, К.Е. Абдрахматов, ..., Анна Чедия. Во втором ряду: проф. Ильяс Садыбакасов, И.Н. Лемзин, ...

Эссе об Учителе

А.М. Бабаев

«Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени»
Н.А. Некрасов

В далеком 1953 году, мне, первокурснику Таджикского Госуниверситета, посчастливилось познакомиться с удивительным по обаянию, красоте, широте души человеком – доцентом Олегом Константиновичем Чедия, который читал нам курс «Введение в геологию». Именно Олег Константинович впервые объяснил нам – зеленым юнцам, все прелести удивительной науки – «геология». Большинство из нас совсем не представляли особенностей нашей будущей специальности и с затаенным дыханием и каким-то трепетом воспринимали каждое слово своего преподавателя. Следует отметить, что лектором он был превосходным.

Всегда подтянутый, безукоризненно одетый, с красивой черной бородкой, быстрым цепким взглядом, энергичными завершенными движениями он буквально завораживал, гипнотизировал слушателей.

Приводил массу примеров, по ходу лекции задавал вопросы, не успокаивался до тех пор, пока не убеждался, что материал студенты усвоили.

В дальнейшем Олег Константинович прочитал нам курсы: «Геотектоника», «Геоморфология», «Четвертичная геология» и др. Кроме того он был руководителем нашей учебной практики после 1 и 2 курсов, которая проходила в живописном месте в долине р. Каратаг, на южном склоне Гиссарского хребта. Здесь мы увидели Олега Константиновича в качестве геолога-полевика, который, ежедневно преодолевая большие расстояния, посещал наши участки, расположенные на значительном удалении друг от друга. Здесь следует заметить, что значительный отсев студентов нашего курса произошел именно после полевой практики. Но вины О.К. Чедия в этом нет никакой. Просто он объективно показал, что представляет собой наша будущая профессия и некоторые, оказавшись неподготовленными, этот простой экзамен не выдержали. Но были среди них и такие, которые вовремя поняли свою ошибку в выборе профессии и впоследствии стали хорошими специалистами в других областях деятельности, а один стал профессором математики.

Олег Константинович всегда был корректен и вежлив, ко всем студентам он всегда обращался на «Вы». Мне никогда не приходилось видеть его в раздраженном состоянии, своё недовольство он выражал своеобразной мимикой или не менее выразительным взглядом.

Следует заметить, что среди наших преподавателей было немало хороших специалистов, добросовестно выполнявших свои благородные обязанности. Однако таких, которые своим личным примером могли увлечь сту-

дентов идеями и расширить их кругозор, было немного. О.К. Чедия обладал незаурядными профессиональными качествами Учителя.

В те далекие времена, каждую осень на два-три месяца, студентов всех ВУЗов Таджикистана отправляли в сельские районы собирать хлопок. Условия труда были каторжные: без выходных дней, со скудным питанием. За порядком очень пристально наблюдали представители партийных и комсомольских организаций. Олег Константинович, будучи куратором нашего курса, всегда просил нас не посрамить геологов и никогда не применял драконовских мер по отношению к отстающим. Больше того, только ему с большим трудом удавалось выбить у вышестоящего начальства для нас банных полдня. В то же время следует отметить, что никакого панибратства со студентами не было.

После окончания Университета я был направлен в Институт геологии АН Тадж. ССР в лабораторию, которой заведовал известный тектонист С.А. Захаров (впоследствии академик АН Тадж. ССР). Там же работал один из моих учителей М.М. Кухтиков (впоследствии член-корр. АН Тадж. ССР). А моим непосредственным начальником был В.М. Рейман. Все названные ученые были выпускниками ленинградских ВУЗов, а двое, как и Олег Константинович, окончили ЛГУ. Поэтому часто они встречались и обсуждали различные проблемы геологии, и мне приходилось быть невольным участником этих очень интересных дискуссий. Предметом обсуждения чаще всего были вопросы тектоники. Споры разгорались в основном вокруг приоритета вертикальных и горизонтальных движений. Если учесть, что С.А. Захаров был убежденным мобилистом, а М.М. Кухтиков будучи учеником Н.М. Синицына, являлся ортодоксальным фиксистом, легко представить, какие горели страсти. Лаборатории С.А. Захарова в 1958 г. поручили изучить новейшие тектонические движения в районе строительства Нурекской ГЭС. Дело это было для нас всех новое, поэтому после каждого полевого сезона мы проводили публичное обсуждение полученных материалов. Олег Константинович всегда принимал самое активное участие в этих совещаниях, критиковал, если не соглашался с какими-то выводами, давал очень ценные советы и был фактически членом нашего коллектива. Так мы стали коллегами по профессии. В дальнейшем все наши работы по неотектонике проводились в тесном контакте.

Олег Константинович отличался удивительной работоспособностью и умел устанавливать и поддерживать надежные деловые связи со своими партнерами в течении долгих лет. Будучи человеком крайне обязательным он не любил отсутствие этих качеств у других.

Он со своими коллегами В.А. Васильевым, В.В. Лоскутовым, А.К. Трофимовым составил первую карту неотектоники Таджикистана в масштабе 1:500000. Мы часто встречались и обсуждали различные проблемы, возникавшие в процессе работы над картой. Олег Константинович очень внимательно прислушивался к мнению своих оппонентов и часто соглашался с ними. Следует подчеркнуть, что критику, если она была конструктивной и обоснованной, он воспринимал нормально, и это никак не отражалось на

дальнейших взаимоотношениях. Он, порой, даже не скрывал радости, что вопрос оказался решенным и истина восторжествовала.

Олег Константинович был очень доброжелательным человеком, старался всегда помочь, особенно молодым геологам, при решении различных вопросов, связанных с научной и производственной деятельностью. Всегда буду помнить его нескрываемый восторг, когда нам удалось обнаружить остеологические остатки в четвертичных отложениях на южных слонах Гиссарского хребта. Он сразу же пожелал посетить этот объект, чтобы на месте оценить важность находки для целей разработки местной стратиграфической шкалы четвертичных отложений. Он никогда не откладывал на завтра все, что можно сделать сегодня.

Олег Константинович был человеком с неумной энергией, человеком разносторонних интересов и высокой эрудиции и, как настоящий ученый, очень любознательным. Он был творческой романтической личностью, писал превосходные стихи, часто экспромтом, хорошо рисовал, любил музыку, а о его охотничьих – рыбацких приключениях ходили легенды. Как истинный джигит, Олег Константинович любил быструю езду, причем неважно на чем: коне, мотоцикле или авто.

К большому моему сожалению, мне не пришлось работать с моим кумиром в полевых условиях. Лишь дважды судьба свела нас к совместным исследованиям последствий Сарыкамышского (Пржевальского) 1970 г. и Исфара-Баткенского 1977 г. землетрясений. Все вопросы, касающиеся наших интересов, были решены, благодаря Олегу Константиновичу, очень быстро. В любой ситуации он находил правильный выход.

У О.К. Чедии было большое и доброе сердце, он не терпел фальши. В любой компании он был в центре внимания, т.к. был превосходным рассказчиком и очень тонко понимал юмор. Друзья в шутку его называли Али-Паша.

Олег Константинович очень любил Таджикистан и частица его сердце навсегда осталась здесь. Он этого никогда не скрывал и всегда с удовольствием приезжал к нам. Тяжелая болезнь не сломила его высокий дух, до конца своих дней он оставался оптимистом и усиленно работал. Думаю, именно о таких людях писал великий поэт Н.А. Некрасов:

*«Природа – мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...»*

А.М. Бабаев, ведущий научный сотрудник,
Института геологии, сейсмостойкого строительства и сейсмологии АН РТ,
канд. геолог.-мин. наук,
Лауреат Государственной премии Республики Таджикистан
в области науки и техники им. Абуали – Ибн – Сино.

Поход на озеро Искандеркуль

Геннадий Александрович Орлов – выпускник геологического факультета Тадж. ГУ 1958 г. Главный геолог поисково-съёмочных партий ЮТГРЭ

В 1954 году мы, студенты второго курса геологического факультета Таджикского госуниверситета, проходили практику на полигоне в ущелье Каратаг, что находится в 40 км от столицы республики. Это место долгое время было единственным, где студенты применяли свои знания в составлении топографических глазомерных карт крупного масштаба с помощью рулетки и геологического компаса. Ну а затем, по уже составленной топооснове, проводились маршруты с целью геологического картирования. Надо отметить, что подобное направление учебной практики нам очень помогло в следующей уже производственной практике при изучении объектов, перспективных на тот или иной вид полезных ископаемых.

Ущелье Каратаг довольно живописно, и поэтому недаром здесь располагался знаменитый Дом отдыха с одноименным названием. Последний находился недалеко от нашего лагеря, поэтому посещение его танцплощадки было обязательным по выходным. В эти дни целая армия будущих геологов шла к территории отдыха и, ожидая окончания ужина отдыхающих, слонялась по аллеям довольно большого парка или забивала в лузы шары в миллиардной беседке. Основным летним контингентом отдыхающих были молодые люди нашего возраста, а потому соперничество между нами в борьбе за благосклонность прекрасных Дам нередко оканчивалось потасовками. И тогда, в зависимости от перевеса сил, одна из сторон либо пряталась по спальням, либо неслась, сломя голову, в полевой лагерь, выбирая наиболее короткий путь к отступлению, прыгая через железные остроконечные загородки, оставляя на острых зубьях частицы брюк и рубашек. После подобного марафона вся побитая рать собиралась в обширной столовой палатке, где при свете керосиновых ламп осматривали свои подбитые физиономии, упрекая при этом своих товарищей по курсу, не пошедших в этот вечер на «культурный» отдых. Но обвиняемые подобные замечания не воспринимали, давясь от внутреннего смеха при виде наших боевых травм.

Наутро полученные фингалы, приобретшие за ночь фиолетовую окраску, явно выдавали участников скрытого похода, и руководство практикой вновь предупреждало всех о неминуемых карах, которые будут применены к нам «при еще раз» посещении отдыхающих. Но вражда продолжалась недолго, и вскоре в нашем лагере появлялись ходоки с предложением сыграть с ними в волейбол в удобное для нас время. И вновь в сторону дома отдыхающих шла веселая гурьба с игроками и болельщиками, которые, не смотря на

результаты спортивной встречи, вскоре крутились в вихрях танцев с недавними соперниками.

Руководителем практики был великолепный педагог Олег Константинович Чедия, преподававший нам структурную геологию и тектонику. Он был молод, весьма энергичен, нравился женскому полу и не отвергал любовные взгляды, остроумен, как все ленинградцы, с удовольствием участвовал в розыгрышах и относился к нам как реальным коллегам. Хорошо сложенный, худощавый, великолепно ходивший по горным кряжам, значился среди знатоков как хороший охотник на крупную дичь. Очень любил баскетбол, и в качестве болельщика всегда присутствовал вместе семьей на всех спортивных встречах с участием сборной Университета.

В целом мы были перед практикой неплохо теоретически подготовлены по его дисциплинам, однако на реальной местности перед нами вставала масса проблем при фиксации разрывных элементов на создаваемых нами картах. Надо отметить, что в таких регионах, как центральная часть Таджикистана, картирование разрывов является чуть ли не основным этапом в расшифровке сложного строения региона. Видя нашу озабоченность по этому вопросу, руководитель решил организовать поход курса в верховья долины реки Каратаг, заранее предупредив, что он будет многодневным, и поэтому необходимо взять с собой постельные принадлежности. По-видимому, он имел в виду спальные мешки, но когда весь курс появился на плацу в день выхода, он долгое время не мог сказать ни слова, оглядывая нас недоумевающим взглядом. Перед ним стояла орда, державшая на плечах не только рюкзаки с едой и спальные мешки, но и взгромоздившиеся на весь этот скарб громадные стеганные матрасы с байковыми одеялами, выделенные нам для стационарных палаток.

Ярости руководителя не было предела. «И это будущие геологи», зывал он к небесам, потому что зывать к нам было бесполезно. Мы молча смотрели на беснующегося преподавателя, но не делали никаких попыток облегчить свою поклажу. «Я ничего, кроме чехла и бязевого вкладыша от спального мешка с собой не возьму, и спать буду в верховьях ущелья не на матрасе, а на срубленной арчевой хвое. Только так надо привыкать к тяжелым условиям нашей работы» – хрипел командующий. Действительно, вся его амуниция состояла из полевой сумки, двустволки и скатки из брезентового чехла к спальному мешку, из которого торчал бязевый вкладыш. «Это ваше дело» – молча отвечали студенты, «Но мы, как говорил наш Ильич, пойдем другим необлегченным путем». В итоге мы победили, но это только подзадорило нашего доцента. Он начал движение в голове группы таким бешеным темпом, что со стороны это было похоже на проникновение в чужое государство каравана с громадным количеством контрабанды. Но мы были молоды и настырны, и, не смотря на жжение в гортани, убежать Олегу Константиновичу далеко не давали...

И он смирился. «Ну все, мы, наконец, наверстали упущенное вами время на idiotские сборы в этот поход, и поэтому в дальнейшем мы продолжим путь в спокойном ритме с показом мною многих интересных тектонических элементов этого уникального района» – промолвил, отдышавшись, преподаватель. Но нас этими рассуждениями нельзя было «провести». Все отлично понимали, что его план загнать нас как лошадей в гонке не удался, а его прерывистое дыхание было тому подтверждением. Он упустил из виду нашу юношескую настырность и отличную физическую подготовку, позволявшую нам после тяжелейших в жаре маршрутов, с удовольствием гонять футбольный мяч еще 2 часа, а вечером смываться на танцплощадку. Поэтому негласно было установлено своего рода перемирие, и в дальнейшем подобные марш-броски были исключены из нашего полевого обихода. Зато его наглядные показы многочисленных разрывов и объяснения по поводу их образования, а также отнесения их к различным типам по классификации, были вбиты нам в головы, и дали возможность в дальнейшем разбираться с этими структурами на самом высоком уровне.

Последний кишлак Хакими мы прошли, не останавливаясь, но в километрах двух от него наткнулись на громадное тутовое дерево с великолепными плодами, и вскоре все руки путешественников, включая и Олега, были перепачканы соком больших ягод с удивительным малиновым вкусом. Подобные деревья редко встречаются в Таджикистане, но память о них сохраняется на всю жизнь.

Наконец часам к восьми вечера мы достигли места, где решили остановиться на ночевку, тем более, что по заверению нашего гида, нам завтра предстояло посещение брошенной горной выработки, оставленной прежними исследователями при поисках медных руд. По неписанному геологическому закону первым делом все бросились сооружать очаг для приготовления чая, благо ходить за дровами были недалеко – все склоны были поросшими низкорослой арчой, под которой была масса сухих веток. Чай мы пили уже в полумраке (ведь в Средней Азии темнота наступает почти мгновенно), поэтому пришлось организовывать костер, и вскоре мы с удовольствием распевали все известные нам геологические песни, и с удивлением обнаружили, что Володя Сушков обладает приятным высоким и чистым голосом, за что ему тотчас же было присвоено имя «Сильвы». Кстати, подобные прозвища мой друг получал почти каждый год при выезде нашего курса на сборы хлопка. При появлении на экранах кинотеатров французского Фанфана Тюльпана он приобрел прозвище «Аделина», хотя по своей стати внешнему виду ему более подходило имя персонажа, сыгранное Жераром Филиппом. И совершенно было непонятное еще одно неизвестно как возникшее, но прекрасно звучащее – «Попел». Что оно означало, до сих пор остаётся загадкой.

Наконец, в отблесках затухающего костра группа начала готовиться к ночлегу. И, отойдя от него, все почувствовали, что здесь довольно прохладно, что объяснялось довольно просто. За прошедший день мы прошли порядка 25 км, поднявшись на высоту порядка 2200 м. На понижение температуры, по-видимому, оказывало влияние и близость реки, несущей свои воды с близко расположенных ледников. Мы расстелили матрасы на арчевую хвою, положили сверху спальные мешки, и еще долго вели неторопливые беседы с девушками, которых положили в центре спального ряда, с восторгом вглядываясь в почти черное небо, на котором сияли удивительно большие и яркие звезды. Некоторые ребята первое время лежали поверх спальных мешков в трусах и майках, но вскоре холодок заставил их залезть внутрь, и все мы еще раз убедились, что не зря тащили этот груз на такое расстояние. Олег Константинович охотничьим ножом быстро нарубил арчевых веток, сделал из них аккуратное ложе, постелил один в другой оба вкладыша, и, раздевшись до плавок, пошел к речке, и вскоре до нас донеслись радостные его крики и звуки плескания. Среди студентов, особенно женской половины, раздались звуки одобрения по поводу поведения на холоде этого удивительно закаленного человека. Мы молча переживали свою «второсортность», но желания повторить подобный героизм ни у кого не возникало. Вскоре в свете догорающего костра мы увидели обнаженную фигуру руководителя, который не спеша подошел к своему спальному месту, и неторопливо залез в облегченный спальный мешок. Так и уснули мы, потеряв уважение лучшей половины человечества.

Однако часа через четыре нас с Володей разбудил какой-то подозрительный шорох, и вскоре над нами склонилась голова человека, которая дрожащим шепотом просила нас подвинуться. Его шепот слышали чуткие женские уши студенток, лежащих рядом с нами, и тот час же их обладательницы предложили Олегу Константиновичу (а это был он) место между спальными мешками самых симпатичных первокурсниц. Предложение им было мгновенно принято, и вскоре зубной лязг от холода прекратился, и лагерь снова погрузился в крепкий сон.

Наутро, с первыми лучами солнца, окрасившими верхушки гор, окружающих ущелье, бивуак зашевелился, и многие студенты с удивлением взирали на пустующее хвойное ложе, вечером сооруженной любимым преподавателем. Последний сладко спал под байковым одеялом, и по лицу его было заметно, что ему снится прекрасный сон.

Этот день прошел с большими нагрузками. Сразу после чаепития мы направились осматривать брошенную штольню, расположенную в метрах восьмистах от ночевки на довольно приличной высоте. Выработка имела небольшую протяженность, но далеко заходить в нее Чедия нам не разрешил по причине соблюдения техники безопасности. Поэтому основное внимание было отведено осмотру отвалов пород, вывезенных на поверхность.

Многим из нас повезло в поисках, и вскоре мы с завистью смотрели на обладателей прекрасных образцов, содержащих кристаллы халькопирита.

Затем группа поднялась на хребет, и все увидели панораму верховий Каратага, и вот тогда у некоторых из нас появилась мысль пройти по этому ущелью до конца, и, перевалив перевал Мура, спуститься к знаменитому озеру Искандер-Куль, о котором нам много рассказывал наш сокурсник Алик Молоков, который в прошлом году уже побывал там в составе одной из геологических партий.

Олег Константинович и Дина Михайловна Чедия

**О.К. Тарасова (Маркелова – девичья фамилия)
Выпуск геологического факультета Тадж. Гос. Ун.-та 1958 г.**

Олег Константинович и Дина Михайловна Чедия. Наши преподаватели. Эффектная супружеская пара. Он – красивый, обаятельный грузин среднего роста с бородкой. Она – женщина аристократического вида приятной внешности с высокой прической. Эти молодые преподаватели высокообразованные, очень позитивные, влюбленные в свою профессию геологов. Эта любовь передавалось и нам, студентам. Первые годы мы учились в главном здании университета, а Чедия жили во дворе университета. Мы там во дворе играли в волейбол, стреляли, танцевали, поэтому видели Олега Константиновича и Дину Михайловну и вне занятий. У меня с Олегом Константиновичем были одни инициалы: он – Олег Константинович, я – Ольга Константиновна. Это как-то сближало.

Как-то Олег Константинович подошел ко мне и сам предложил пересдать общую геологию на 5. И Тарасову тоже на 4. Я поехала искать Валентина Тарасова, и в автобусе узнала всю подноготную его жизни, о чем он молчал.

Олег Константинович вел у нас студенческую практику в Каратаге, я была уже замужем и в положении. На практике Олег Константинович многому нас научил, а в быту и на отдыхе не вмешивался, предоставлял нам весело проводить время. Он был среди студентов своим, т.к. был молодым.

И еще раз в жизни мне помог Олег Константинович на выпускном вечере. После защиты диплома он персонально поздравил меня и поцеловал руку чуть выше кисти. Там был и Тарасов, хотя оканчивал ВУЗ на следующий год. При выходе из университета Тарасов ударил меня в грудь со словами «он еще и ручки ей целует». У меня были грам. пластинки, они разбились и порезали мне подбородок, который зашили на утро. Тарасов умолял не сдавать его милиции. Но свою суть он показал еще раз. Об этом случае знали только четыре однокурсника.

Нам казалось, что семья Чедия как-то опекала нас. У Дины Михайловны была до замужества фамилия Тарасова, что сближало ее с Валентином. В трудный период она хотела Тарасова приобщить к науке по изучению любимых ею радиолярий, но он не смог или не захотел. А мне Дина Михайловна очень помогала при занятиях художественной самодеятельностью, в частности, пением. Она посоветовала мне петь романсы, и советовала, как вести себя на сцене.

В моих воспоминаниях есть эпизод, как танцевали Олег Константинович и Дина Михайловна. Вероятно, это было танго. Пара смотрелась очень элегантно и красиво танцевала. Нас связывало еще и то, что сын Чедия Костя учился в одном классе с моей старшей дочкой Таней. Дина Михайловна очень хотела, чтобы они дружили, но не сложилось. А теперь у меня внук Костя.

4 мая 2021 г.
Москва.

Из воспоминаний Маши Кирилловой

Выпуск ТГУ 1958 г. (фамилия девичья)

От мамы Олега Константиновича Маша знала, что их семья дружила с семьей Ворошилова. И когда в 1937 году арестовали отца Олега Константиновича, она (Елена Николаевна-мама Олега Константиновича) обратилась к Ворошилову, но никто не помог. Мама с Олегом уехали в грузинскую деревню. Ему в 16 лет дали паспорт и перепутали одну букву в фамилии, а когда Олег пожаловался деду, тот сказал, что этим спасли ему жизнь. Когда отец умер, мама почувствовала это и попросила Олега узнать у верующей мамы Маши, что надо пойти на кладбище, найти могилу с именем Константин и положить туда цветы и молиться. Маша с мамой Олега Константиновича ходили на кладбище.

А когда отца реабилитировали, то Олегу Константиновичу положена была денежная компенсация меньше его кандидатской зарплаты. Он отказался.

При защите диплома Маше пытался задавать бесконечные вопросы один из бывших выпускников геофака. А Олег Константинович пресек это издевательство и защитил Машу.

Когда в Душанбе приезжали Хрущев с Булганиным, мама Олега Константиновича вышла их встречать. Ей стало плохо и Маша, возвращаясь из университета, увидела это, помогла маме, отвела ее домой и дала лекарство.

Выдающийся исследователь сейсмоtectоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

По мнению Маши, Дина Михайловна Чедия опекала ее и как-то, отчитывая за что-то, сказала, что пожалуется отцу. На что Маша ответила: «А вы его найдите», т.к. и сама его не знала. Инцидент был исчерпан.

Маша и ее муж Сазанов Валентин, лаборант, очень уважали и Олега Константиновича, и Дину Михайловну, как преподавателей и как чутких и добрых людей. У студентов были с ними дружеские, легкие отношения. Они оба были высокообразованными, влюбленными в свою профессию людьми, и это очень ценилось.

Со слов Маши Кириловой (г. Чита) записано О.К. Тарасовой.

Выпуск. ТГУ 1958 года.

4 мая 2021 года.

Из воспоминаний Анатолия Гольмана

Выпускник ТГУ 1954.

У меня с Олегом Константиновичем кроме Университета была много общего. Олег Константинович подрабатывал в Таджикзолоте, был руководителем моего диплома. Был влюблен в Тамару и не скрывал этого. В роддом, когда Тамара родила Женю, принес огромный букет цветов и плитку шоколада. Мы летом часто встречались в поле. Такие встречи были в Шугноу, на реке Оби Равноу. Последняя встреча была во Фрунзе. Олег Константинович уже перенес инсульт, познакомил меня со своей новой женой.

Олег Константинович и Дина Михайловна внесли в Университет новую жизнь, слушать их лекции было сказкой. Это я написал о фактах. А сколько было переговорено!

Был такой факт. Олег Константинович заехал на Даштако, где я проводил разведку месторождения на золото. Я в это время находился на участке, а у нас было принято, когда приезжают гости, производился выстрел. Прибегаю, в гостях Олег Константинович. Я не стригся и не брился 5 месяцев. Он говорит: «Где же Анатолий?» – не узнал меня обросшего. Срочно потребовал ножницы и расческу и сотворил чудо. При этом сказал, что такая борода тебе идет, и сам Олег Константинович носил такую же бороду.

Это были удивительные люди, и я рад, что в жизни пришлось их знать. Дина Михайловна была у нас как классный руководитель

4 мая 2021 г. Москва.

Олег Константинович Чедия

Элеонора Викторовна Левина (в девичестве – Чедия)

Олег Константинович Чедия, а для меня просто Олег – любимый брат. Узнала я его в 1943 году, когда он вернулся с войны после нескольких ранений. На фронт он ушел добровольцем, сразу после окончания школы.

В Саратов был эвакуирован Ленинградский университет, куда и поступил Олег на геологический факультет.

Поехали мы втроем: мама, Олег и я в Харабали, Астраханской области, где жил мой и Олега дядька Георгий Чедия. По дороге поезд остановился минуты на 2-3. Олег исчез. Мы с мамой начали волноваться: не отстал бы. А Олег нарвал там полевых цветов и потом по крышам вагонов вернулся в свой вагон. Вот какой джентльмен! 2 года или год Олег жил в нашей семье, помогал, чем мог. Что брата всегда отличало – это исключительная скромность, иногда даже застенчивость. Стоило большого труда разговорить его о военных событиях, а о ранениях тем более.

У него высшая солдатская медаль «За отвагу». Сколько пришлось приставать к нему, чтобы он рассказал: за что ее получил.

После снятия блокады Ленинграда он уехал туда. Он часто приезжал к нам, уже работая в Средней Азии. Хочу сказать: ведь Олег был очень разносторонний человек. Кроме громадной любви к геологии, которой отдавал он все силы и время, Олег был заядлым охотником, как мой папа и наш дядя Георгий. Еще он рисовал и очень неплохо, особенно пейзажи, а также писал стихи: даже есть сборник «Тропинкой геолога».

*Земля подо мною, нет, я не в ракете
Я просто стою на вершине хребта.
Чуть ниже, белея на солнечном свете,
Отарой идут вдоль горы облака.
Скалистые пики, седые вершины
Над белым курчавым пучком облаков
(Красивее трудно представить картину)
Как в море гирлянды крутых островов.*

В гостях у Олега, во Фрунзе, я была с сыном (рис. 2.28). Олег принимал нас как самых дорогих гостей. Очень родственный, добрый и щедрый. Всегда приезжал с подарками. И чувствовали мы себя у него, как дома. Я была во Фрунзе 9 раз. Казалось бы, что могла бы и надоест. Оказывается, нет.

Удивительно, как Олег находил общий язык с учениками, с подчиненными, вообще с разными людьми. Мой муж – простой наборщик, но с Олегом они могли долго о чем-то беседовать.

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Причем у брата никогда не было желания похвалиться своим званием, статусом. Так просто, естественно он со всеми общался, никому не могло прийти в голову, что это крупный ученый, доктор наук с мировым именем. Скромность, еще раз скромность. Никакого выпячивания своих заслуг. Интересные беседы о Киргизии, Иссык-Куле и о многом другом.

Приезжая в Саратов, он обязательно ходил в театры – мы заранее брали билеты. У себя во Фрунзе он брал билеты в местные театры, филармонию, всячески старался сделать, чтобы время у нас прошло интересно у них в гостях.

Даже иногда брал нас в экспедиции.

Рис. 2.28. Элеонора Викторовна Левина (Чедия) с сыном Виктором

Воспоминания об Олеге Константиновиче О.Ю. Андрейкиной

Очень много хочется сказать и рассказать о дорогом дяде Олеге.

Он нам был троюродный или четвероюродный дядя, но очень близкий человек. Вообще вся та родня пошла от двух сестер – грузинок по отцу, и они были очень близки даже в 4-м поколении.

Дядя Олег был очень увлеченный человек и когда он к нам приехал в очередной раз, я тогда училась на 2 курсе института, это был апрель, он стал рассказывать о том, что собирается в горы уже в мае.

Мне так захотелось тоже ходить в маршруты вместе с геологами по горам, на лошадях! Прямо заболела! Дядя Олег говорит, ну давай с нами, только надо до 15 мая уже быть во Фрунзе.

Я мигом сдала экзамены досрочно и уже 15 мая была во Фрунзе.

Встретили меня дядя Олег с Надей, приехали в их чудесную квартиру, день или два они мне показывали город(чудесный), горы, арыки. Дядя Олег всё знал и рассказывал так интересно, просто заслушаешься!

И поехали в горы на грузовике. Там уже были палатки с его геологами.

Удивительно теплая была атмосфера в его команде.

Рано утром часов в 5 дядя Олег бегал на рыбалку, и всегда для всех была или жареная рыба или уха на обед. Быт для команды был тоже хорошо продуман – прекрасная повариха по утрам частенько готовила чебуреки. И у меня слюнки текут при одном воспоминании.

Работа у меня была несложная – что-то помочь, записать, посчитать и т.д.

Ходила в походы на лошадях.

Дядю Олега все очень любили и, конечно, уважали. Очень! Ну а как его не любить, всегда веселый, задорный, не знающий усталости, всё умеющий делать!

Для меня это была незабываемая поездка.

Ещё интересно когда мы всей семьей ездили к дяде Олегу на дачу. Господи, какой там был порядок! Как продумано всё. Он не поливал участок, он просто открывал задвижку на арыке, и всё поливалось само.

Умница во всем.

Это было в 1968 году. Май-июнь и немного июля

Воспоминание о моём учителе – О.К.Чедия

Алла Борисовна Фортуна (бывший многолетний ученый секретарь Киргизского института сейсмологии)

С Олегом Константиновичем я познакомилась очень давно – в 1968 г. Одна из сотрудниц его лаборатории – палинолог Антонина Степанова, по состоянию здоровья уже не могла ездить в поле и решила уволиться. Однако, О.К. сказал ей, что уволит её, если та найдёт замену. Тоня обратилась ко мне (я в то время работала в Политехническом институте на горно-геологическом факультете и тоже занималась спорово-пыльцевым анализом). Переговорив со своим начальником, он дал мне добро на переход в лабораторию Олега Константиновича, которая называлась лабораторией неотектоники

Института геологии АН Кирг. ССР. Тоня привела меня в лабораторию, где Олег Константинович, переговорив со мной о моих делах и планах, согласился взять меня к себе на работу. Так я, до самой его кончины, проработала вместе с ним почти 30 лет. В лаборатории я стала заниматься палинологическим анализом палеоген-неогеновых отложений Киргизского Тянь-Шаня (четвертичными отложениями занималась О.М. Григина).

Каждый год мы выезжали в поле, исследуя кайнозойские накопления, ходили в маршруты, опробовали разрезы и, конечно, после работы частенько собирались вечерами у костра, где Олег Константинович рассказывал нам о своей работе на Дальнем Востоке и в Таджикистане. Это были очень интересные и зачастую, немного приукрашенные рассказы. И когда однажды ему кто-из нас сказал, что такого быть не может, Олег Константинович ответил: «Не любо, не слушай, а врать не мешай».

Олег Константинович был замечательный оратор и рассказчик, он доходчивым языком мог объяснить человеку очень непонятные вещи в геологии, особенно в тектонике. К нам молодым он всегда относился доброжелательно, при этом чуть ли не насильно заставлял писать статьи, правильно излагать свои мысли и большой упор делал на то, чтобы мы защищались.

В его лаборатории было больше всего «остепенённых», да практически все сотрудники. Поэтому мы всегда с большой любовью и благодарностью вспоминаем и помним его титанический труд работы с нами, когда из нас, мало знающих людей, он выковал отличных специалистов. Сегодня его питомцы возглавляют лаборатории, а К.Е. Абдрахматов – Институт сейсмологии НАН КР.

Хочу вспомнить и забавные истории, которые происходили с Олегом Константиновичем в экспедициях. Выезжая в поле, он брал с собой многочисленные рыболовные принадлежности, а они у него были очень хорошие – всякие иностранные спиннинги, удочки, крючки. Но так получалось, что ребята, у которых ничего практически не было и которые из палок делали себе удочки и имели простые крючки, каждый ловил рыбы больше, чем он. Это нужно было видеть (жаль, что тогда не было смартфонов), как Олег Константинович бегал по берегу, ругал всю заграничную рыболовную утварь, злился, что на его крючки рыба не клюёт. Вообще-то, для нас это было развлечение, мы хохотали до упада. А как Олег Константинович ел сгущённое молоко – у него всегда образовывалась «дорожка» от банки по столу и рубашке и опять он шумел, причём не на себя, а на молоко.

У нас в лаборатории ежемесячно проходили открытые заседания-диспуты, где каждый должен был доложить, что он сделал и какие выводы делает из своих исследований. Таким образом, Олег Константинович учил нас грамотно и доходчиво излагать свой научный материал и дискутировать по теме. Очень жаль, что теперь таких учёных осталось очень мало – все куда спешат, заняты только своими пробелами, мало уделяют внимания молодым (рис. 2.29).

Рис. 2.29. Улыбки на собрании, 1978 г. Слева от Олега Константиновича сидит А.Б. Фортуна, еще левее – Б.И. Ильясов. Замыкает ряд справа – А.М. Корженков. Впереди профессора Чедия – член-корр. РАН Ф.Н. Юдахин. На стене – фотовыставка А.М. Корженкова

Вечная память Олегу Константиновичу и огромная благодарность за его доброту, порядочность и чуткое отношение к сотрудникам.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКА

(Андрей Корженков)

Об Олеге Константиновиче Чедия я узнал в 1980 году, будучи студентом третьего курса Кафедры геоморфологии Ленинградского государственного университета. На кафедре шел разговор о предстоящей курсовой работе и последующей производственной практике студентов после окончания третьего курса обучения. Профессор кафедры – Зоя Александровна Сваричевская – узнав, что я собираюсь писать курсовую работу по Киргизии и буду рад туда поехать и на студенческую практику, сказала: «Андрей, Вам надо связаться во Фрунзе с Олегом Константиновичем Чедия. Он – ведущий специалист по структурной геоморфологии и неотектонике во всей Средней Азии. Кроме того, и человек он особенный... Вы сами это увидите...»

Я приехал во Фрунзе на зимние каникулы и зашел в Лабораторию неотектоники Института сейсмологии АН Кирг. ССР. В то время лаборатория

Выдающийся исследователь сейсмоtectоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

располагалась в одной из комнат и на веранде в одноэтажном доме, принадлежавшем московской сейсмической станции «Фрунзе». Первым, кого я там увидел, был Олег Константинович. Я почему-то сразу понял, что это он. Олег Константинович произвел на меня очень приятное впечатление. Он был приветлив и открыт. Его «академическая» внешность располагала и настраивала на доверительный разговор по существу дела...

Потом были две мои студенческие практики в Лаборатории неотектоники в 1981 и 1982 годах в бассейне реки Сарыджаз и Восточном Прииссыккулье. В это время я по достоинству оценил толерантное, вежливое отношение Олега Константиновича к студентам. Он щедро делился своими широчайшими знаниями по геологии кайнозоя, геоморфологии и неотектонике региона. Его объяснения были всегда ясны, четки и легко доступны для восприятия. В нем не было никакой кичливости, снобизма или превосходства, так свойственных некоторым профессорам Средней Азии. Держался Олег Константинович запросто со всеми: нами студентами, шоферами, местными жителями, но пустого панибратства не допускал. Меня Олег Константинович чаще всего звал «Андрюша», но обращался всегда на «Вы», хотя я был моложе его почти на 40 лет. В разговоре с Олегом Константиновичем всегда чувствовался определенный такт, так что его собеседнику всегда приходилось быть «на стреме», чтобы «не оплошать», быть «на уровне».

Этот настрой – не подкачать, не подвести Олега Константиновича (ведь я же его ученик!), сохранился во мне и до сих пор. Вспоминается, что в день защиты кандидатской диссертации в 1988 году, я не боялся «завалить» свой доклад или результата голосования членов Ученого совета; одна мысль сверлила мою голову: своим докладом и ответами на вопросы не подвести Олега Константиновича, не заставить его краснеть из-за меня, стыдиться своего ученика...

Не мне писать о научных открытиях, достижениях и заслугах профессора Чедия. Это сделают его друзья и коллеги, которые начинали работу вместе с ним еще на Памире. Приведу лишь одно наблюдение, которое, по-моему, характеризует роль Олега Константиновича в деле изучения неотектоники Средней Азии.

В служебном кабинете Олега Константиновича постоянно висел единственный портрет – ленинградского ученого-геоморфолога – профессора ЛГУ Сергея Сергеевича Шульца. Специалистам, работающим в области структурной геоморфологии, не надо объяснять кто такой С.С. Шульц и каков его вклад в изучение рельефа гор Средней Азии. Каковыми же восхищением и гордостью наполнилось мое сердце, когда во время моего визита в Душанбе в 1988 году в кабинете заведующего Лабораторией неотектоники Института геологии АН Таджикистана Али Максумовича Бабаева, я также увидел один-единственный портрет на стене – профессора О.К. Чедия!

Олег Константинович для нас – его учеников – жив и сейчас. Прежде чем выступить где-то с научным докладом или послать статью в научный журнал, в голову всегда приходит вопрос: «Хороши ли доклад или статья?»

Не стыдно ли стало бы Олегу Константиновичу за своего ученика после ознакомления с этими материалами?» Надеюсь, что нет. Будем стараться и дальше в нашей научной работе быть на том высоком уровне школы профессора Чедия, не запятнать достойного имени своего Учителя.

Андрей Корженков
Старший научный сотрудник
Института сейсмологии НАН КР
Бишкек, Кыргызстан, 2003 г.

Обрывки воспоминаний

(А.М. Корженков, зав. лабораторией палеосейсмологии
и палеогеодинамики ИФЗ РАН, 2022 г.)

В поле

«Когда кушаешь сгущенку или мед, надо раздеваться до плавок!»

О чае

Раньше не было чайных пакетиков, и чай заваривали в заварочных чайниках (рис. 2.30). При наливании заварки в кружку, с ней попадало и несколько чаинок. Эти чаинки выплескивались Олегом Константиновичем с остатками чая на землю, к его искреннему удивлению и смеху, в этом месте непременно оказывалась его солнцезащитная шляпа/фуражка, снятая перед обедом.

Рис. 2.30. В полевом лагере в долине реки Суусамыр. 1995 г. Л.А. Корженкова, А.М. Корженков и О.К. Чедия

Вечером после ужина разводился костер, к которому подтягивались все участники экспедиции. Заводилой здесь был профессор, который начинал собирать сухие ветки загодя. Доставался специальный – закопченный чайник для костра, в котором готовился особенно вкусный чай – «с дымком». А пока неспешно пили чай, Олег Константинович и другие сотрудники вспоминали и рассказывали интересные истории из полевой и гражданской жизни.

Утро в полевом лагере

Олег Константинович просыпался рано, вставал, умывался, ставил чайник на газовый таганок в кухонной палатке. Весь лагерь еще спит. Тогда Олег Константинович начинал громко разговаривать сам с собой: «А вот атайки (утки – АК) летят!» «Сегодня будет хороший денек – ни единого облачка на небе!» «Ночью-то холодно было: иней на палатках, замерзли лужи!». Лагерь начинал потихоньку просыпаться...

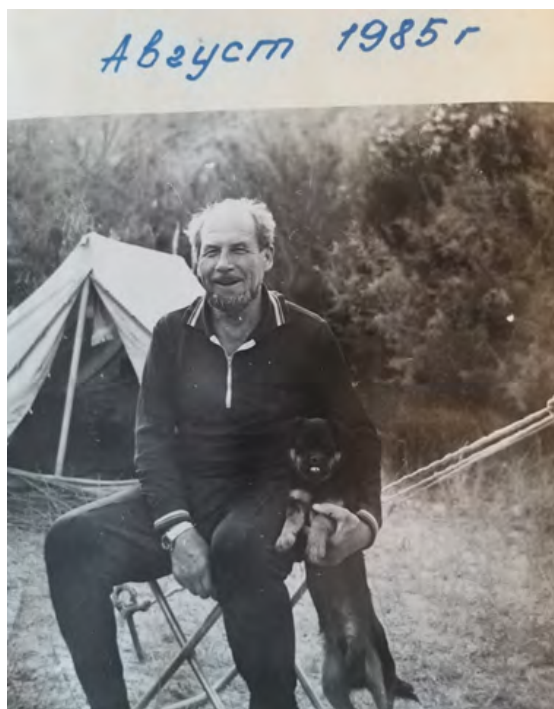

Рис. 2.31. Олег Константинович Чедия в полевом лагере в долине реки Каракуджур с приблудившейся собакой, которую мы называли Федькой

О собаках

Чем старше хозяин, тем более любима, но менее воспитана его собака (рис. 2.31). Последний пес Олега Константиновича – Джерри был весьма шаловлив и плохо слушался хозяина. Мы ездили какое-то время в поле на ПАЗике с двумя ведущими мостами. Жарко, форточки в автобусе открыты и, когда проезжаешь через пойменный лес, ветки деревьев на мгновение проникают в форточки. Джержка охотился на них, пытаясь ухватить ветку зубами. Однажды ему это удалось, и пес мгновенно через форточку оказался на улице, вырванный вместе с ухваченной веткой из автобуса. Крики, смех!...

«Да что Вы, Батенька!...»

«Не любо – не слушай, а врать не мешай!»

О рыбалке

У Олега Константиновича всегда были какие-то необыкновенные рыболовные снасти: леска – японская, удочка – спиннинг, крючки – немецкие... И часто при этом ни одной поклевки! Каково же было его удивление и разочарование, когда его сосед по рыбалке на обычную палку с обычными леской и крючком таскал одну за другой небольших рыбешек. Видно было его расстройство. В конце концов, профессор объявлял: «Да я такую мелочь обычно выбрасываю!...»

О лошадях

Олег Константинович хорошо знал и умел обращаться с лошадьми: с детства он был с лошадьми / на лошади в артиллерийском полку отца (тогда пушки были на конской тяге). Кроме того, лошади были у дяди будущего профессора – Георгия Чедия, у которого Олег Константинович подростком жил в Харабалах (устье Волги) после ареста отца.

Лошади использовались и в геологических партиях, отрядах. На них можно было забраться в такие места, куда не доберешься на автомашине. Лошадей для полевой работы в советское время получали в местных колхозах и совхозах. Это были не самые лучшие лошади, некоторые из них были еще не обьезженные. Олег Константинович осторожно седлал коня, а потом запрыгивал на него. Конь от неожиданности вскакивал «свечкой», но профессор крепко держался за сбрую, гриву. Лошадь и всадник уносились прочь и где-то через час-полтора оба возвращались назад мокрые от пота. Лошадь – усмирная, Олег Константинович усталый, но довольный – удовлетворенный, гордый.

Полевые цветы

Если в полевом отряде была хотя бы одна женщина, Олег Константинович всегда после полевого маршрута возвращался в лагерь с букетиком полевых цветов (рис. 2.32). Букетик этот устанавливался в кружку или стеклянную банку из-под консервированных овощей и служил приятным воспоминанием для прекрасной половины лагеря и укором для остальных – невнимательных мужчин полевого отряда.

Рис. 2.32. Олег Константинович в маршруте, долина реки Каракуджур, с собакой Джерри и с любимыми полевыми цветами в руках

Полевые водители и повара

Олег Константинович всегда говорил, что успех экспедиции на 50% зависит от водителя, остальные 50% – от повара. «Свою работу мы и так хорошо сделаем, а что будет при неудачном водителе и плохой автомашине? А если повар не умеет готовить и на кухне – беспорядок?»

Был у нас водитель по фамилии Гнилицкий, Виктор его звали (рис. 2.33). Приехали мы как-то в долину Каракуджура и поставили там лагерь. Поужинали, дело к ночи, все разбредаются по своим палаткам... Виктор, как и многие водители, размещается на ночь в кабине, откуда непрерывно доносятся громкие звуки радиоприемника. Олег Константинович терпел-терпел, ждал-ждал, когда водитель выключит музыку. Не дождавшись, вылез из спального мешка и палатки, подошел к машине (ГАЗ-66), и постучав в окошко, спросил: «Виктор! Вам музыка спать не мешает?» На что получил удивленный ответ: «Нет, совсем не мешает, Олег Константинович». «Но остальным в лагере мешает. Мы не можем заснуть!...» Многие водители из

академической автобазы (часто случайные люди, временщики) постоянно ныли, что мало бензина, что машина в плохом состоянии и «там» не пройдет. Были и хорошие водители, у которых все было, автомобиль был в порядке и они старались максимально выполнить пожелания геологов.

Рис. 2.33. В полевом лагере на реке Каракуджур. О.А. Корженкова с собакой Федькой, водитель В. Гнилицкий, проф. О.К. Чедия, аспирант А.М. Корженков, инж. С. Трунилин, рабочий Костя

Водители часто были надоедливыми рассказчиками и врунишками. Один – Василий, простой деревенский парень в поле читал «Анну Каренину» А.Н. Толстова и вечером забавно пересказывал нам прочитанное. Другой – Рустам, уйгур по национальности, рассказывал о своих похождениях и море выпитого алкоголя в компании своих друзей. Однако первая же рюмка водки в нашем лагере на реке Иньльчек (отмечали начало полевого сезона) чуть не погубила его. После этой рюмки водки Рустам отвалился от

полевого складного стола, за которым мы сидели, без чувств. Хорошо, что О.М. Григина была старшим сержантом медицинской службы запаса и смогла реанимировать нашего водителя, делая ему массаж сердца (надавливанием на грудь) и искусственное дыхание. После этого случая Рустам перестал рассказывать о попойках и перешёл на рассказы о своих бесчисленных любовных приключениях, которым мы уже нисколько не верили. Рустам еще был известен своим изречением: «Уйгур не козел, капусту не ест!», когда мы ему предлагали на обед простой полевой салат из капусты и майонеза.

Поварами в поле часто становились случайные люди. Некоторые вообще не умели готовить и учились прямо тут же, испытывая желудки и настроение полевого отряда. Олег Константинович рассказывал про одну из поварих, которая в отсутствие сметаны «забелила» борщ сгущенкой... Часто повара на полевое время невозможно было найти и тогда по очереди готовили женщины – сотрудницы лаборатории неотектоники.

В соседней с нами лаборатории В.И. Кнауфа в 1981 году в поле была повариха, которую сотрудники почему-то звали Ирэн или Мисс Тургень-Аксуу. Все полевые отряды Института сейсмологии собрались в село Долинка в августе этого года, где в академическом пансионате проходило всесоюзное совещание по сейсмоtectонике юга СССР. Лето, жара... В перерывах молодые люди играют в волейбол на соответствующей площадке в плавках и купальниках. Ирэн (специально?!) надевала купальник на несколько размеров меньше и ее немалые женские прелести во время игры то там, то тут выпадали из сползающего купального костюма, что вызывало огромное удовольствие у зрителей игры. Среди «болельщиков»-наблюдателей были замечены не только некоторые сотрудники киргизского института сейсмологии, но и многие крупные ученые ИФЗ, которые на время игры в волейбол Мисс Тургень-Аксуу спешно покидали заседания в душных комнатах академического пансионата и устремлялись на свежий воздух, чтобы насладиться приятным мужскому взору зрелищем.

Сын директора

Первым директором Института сейсмологии АН Киргизской ССР был Каный Егизбаевич Калмурзаев. У него было двое детей: дочь и сын. Однажды Каный Егизбаевич решил послать своего сына на выучку в поле к Олегу Константиновичу. Профессор, посадив Нурбека перед собой, прочитал ему 2-часовую лекцию о горообразовании, структурном рельефе и коррелятивных отложениях, сейсмоtectонике Тянь-Шаня. После лекции, смахнув со лба пот усталости, Олег Константинович спросил: «Есть ли какие-либо вопросы, Нурбек?» Нурбек подумал и спросил: «Олег Константинович, как Вы считаете: кто красивее – узбечки или киргизки?» Профессор сплюнул, выругался (про себя) и больше уже никогда не занимался подобным времяпровождением...

Рассказы профессора и о профессоре

Убежденный монархист

Профессор О.К. Чедия был убежденным монархистом. Это убеждение следовало, конечно же, из его воспитания: что ни говори, а Олег Константинович был грузинским князем!... Видя недоумение своего собеседника, профессор пытался объяснить это обстоятельство несведущему человеку доступным для простого человека языком:

«Возьмём президента. Президент знает, что его срок у власти короток, за пять-десять лет он должен обеспечить себя, детей и внуков. Поэтому президент старается ободрать вверенную ему страну до последней нитки, чтобы потом с нахапанными денежками и семьей выехать из страны и залечь где-то в тихой гавани... Президенту не важно, что будет с ЭТОЙ страной в будущем.»

«Другое дело – царь, король. Он не может ободрать страну до последней нитки, что-то должно остаться его детям, внукам...»

Среднеазиатская роза

Олег Константинович был большим любителем и ценителем женской красоты. Он рассказывал такую историю. Еще в Таджикистане у профессора был постоянный рабочий, который каждый полевой сезон сопровождал Олега Константиновича в маршрутах. Между рабочим и профессором существовала искренняя симпатия: как-то рабочий даже перенес день свадьбы своей дочери, потому что к этому сроку приглашенный профессор не успевал вернуться из командировки. После переезда профессора в Киргизию таджик-рабочий несколько лет приезжал во Фрунзе, где продолжал работать с Олегом Константиновичем в поле уже в горах Тянь-Шаня. Однажды этот таджик приехал в поле с 14-летней дочерью: «Будет готовить нам пищу и мыть посуду». В Азии девушки взрослеют рано, а эта молодая таджичка была необыкновенной красоты и была уже вполне оформлена телесно. Вся мужская половина лагеря безнадежно влюбилась в эту девушку. Из-за нее не спали ночами, посвящали ей стихи... Ясно, что никакой физической связи с ней быть не могло: ребенок, да и отец здесь, рядом... Через три года рабочий-таджик снова едет в Киргизию, в поле – помогать другу-профессору. Он снова берет свою дочь – ту девушку-мечту. Каково же было удивление и разочарование мужчин-геологов из Киргизии! Эта красивейшая юная роза вдруг превратилась в обрюзгшую грушу: та прелестница была выдана замуж и уже родила двоих детей! Мужчины недоумевали: ведь ей всего 17 лет и прошло всего лишь несколько лет!... Как быстро расцветают и вянут цветы в Азии...

Красивая студентка

Любовь Олега Константиновича к красивым девушкам привела однажды к семейной трагедии. Знаменитый Ленинградский профессор С.С. Шульц прислал как-то свою студентку-дипломницу Наталью Брусничкину на студенческую практику на Памир к профессору Чедия. Олег Константинович влюбился в нее без оглядки... Дело дошло до развода профессора и его супруги – тоже профессора – Дины Михайловны Чедия. Семейная жизнь Олега Константиновича и студентки не сложилась, и они довольно быстро расстались. Через какое-то время профессор встретил Надежду Георгиевну Уткину, состоялась свадьба и хорошая супружеская пара прожила вместе до самого ухода Олега Константиновича 30 лет.

Через пару десятков лет после развода с Диной Михайловной на одной из всесоюзных конференций к Олегу Константиновичу подошла женщина с вопросом: «Олег Константинович! Вы меня не помните? Я – Брусничкина!...» Ничего не ёкнуло в груди профессора: ничто не напоминало в этой обычной женщине ту юную красавицу. Проходя мимо и скользнув по ней взглядом, Олег Константинович даже не узнал ее.

Рис. 2.34. Надежда Георгиевна в экспедиции, 1965 г.

Встреча Надежды Георгиевны

Отдельная история – встреча Олега Константиновича и Надежды Георгиевны. Профессор как-то был в Узбекистане и собирался порыбачить на водохранилище – на Чирчике. Вдруг одна молодая женщина – блондинка подошла к берегу водоема и решила искупаться недалеко от Олега Константиновича. Она начала раздеваться. Этот процесс, понятно, привлек любящего женскую красоту профессора. После того, как женщина оказалась в купальнике, Олег Константинович уже не мог отвести от нее глаз! Однако это было не все!... Эта женщина распустила свои светлые волосы, собранные в прическу на голове. Волосы упали вниз до

женских ступней, укрыв все тело (рис. 2.34). Олег Константинович не мог не жениться на такой красавице! Это была его вторая супруга – Надежда Георгиевна Уткина.

Магическое число

В жизни Олега Константиновича было число, которое приносило ему неудачу – 42. Будучи на фронте, будущий профессор, как только появлялась такая возможность, писал письма своей матери. Он нумеровал свои письма, чтобы маме было понятно какое письмо не дошло, а какое пришло раньше предыдущего (и такое бывало). После письма № 42 Олега Константиновича ранило, и он попал в госпиталь. Новые письма матери после пребывания в госпитале он начал нумеровать сначала: 1, 2, 3 ... После 42-го письма его снова ранили, Олег Константинович попал в госпиталь, откуда уже был комиссован.

В 42 года с ним случился инсульт...

Принадлежавшие ему книги Олег Константинович подписывал не на титульной странице, как это делают многие, и не на 17-й странице, где ставят штамп библиотеки, а на 42-й.

Дача

В молодости Олег Константинович недоумевал: как полевой геолог может иметь дачу или даже думать о ней?!... Все лето геолог должен быть в экспедиции, на дачу просто нет времени! Однако в зрелом возрасте они с Надеждой Георгиевной купили дачу с участком и в теплое время года много проводили там времени. Дача была очень красива и ухожена, однако постоянно подвергалась грабительским набегам местных подростков. Чего только Олег Константинович не делал: ставил железные двери, решетки и ставни на окнах. Ничего не помогало, хулиганы выламывали все «с корнем». Супругов это, конечно, очень расстраивало.

РИСовые Дамы

В издательстве АН Кирг. ССР работали одни женщины. Учитывая место работы и их должности, это были приятные и весьма неглупые Дамы. Олега Константиновича Дамы очень любили: за его бодрый настрой, веселость, воспитание, внимание, ум и целование ручек. Последнее действие оказывало на Дам самое непосредственное влияние – они «таяли», как кусок шоколада на июльском солнце. Каждый год на 8-е Марта Олег Константинович покупал торт и собирался на выход. «Олег Константинович, Вы далеко?» «К РИСовым Дамам!»...

Дамы лаборатории

Сотрудники лаборатории неотектоники, которую возглавлял Олег Константинович, занимали одну комнату и веранду в помещении сейсмостанции «ФРУНЗЕ». Все мужчины сидели за своими столами на веранде, а все Дамы: Надежда Георгиевна Уткина (геоморфолог), Ольга Михайловна Григина (палинолог-четвертичник), Алла Борисовна Фортуна (палинолог мезо-кайнозойских отложений) сидели в комнате вместе с профессором. Все они были моложе профессора на 10–15 лет, так что на рабочем месте Олега Константиновича окружал приятный ему «цветник».

День геолога

Сейсмостанция Фрунзе была окружена запущенным садом. Уже в начале апреля, когда теплело и распускались цветы на плодовых деревьях, на День геолога по предложению Олега Константиновича из камеральных домиков вытаскивались брезенты и кошмы. С нами вместе все праздники отмечала соседняя лаборатория – глубинной тектоники, возглавляемая директором Института сейсмологии – Владимиром Иосифовичем Кнауфом. Под цветущими деревьями организовывался достархан, выкладывались принесенные из дому продукты и напитки. Все рассаживались на кошмы и скатки спальных мешков или палаток (земля еще была холодная), поздравляли друг друга с праздником, а потом начинались рассказы о приключениях в прошлых полевых сезонах и первичное планирование полевых работ на предстоящее лето этого года. Недорогое местное столовое вино ударяло в голову, все люди начинали казаться прекрасными, а предстоящая жизнь – долгой, интересной и счастливой.

Творческая дружба

У Олега Константиновича было много друзей, причем большинство из них было моложе профессора. Обычно все его друзья были в той или иной степени связаны с геологией. В этом радостном и приятном мужском общении не было никакой меркантильности, а лишь взаимное увлечение наукой, искренняя приязнь, взаимопонимание и благожелание. В Киргизии это были семейства Киселевых, Конюховых, Тарасовых. В Москве – семейства Несмеяновых, Никоновых, Трифионовых. Главы этих семейств были известными геологами Киргизского управления геологии и местного института геологии. В Москве – виднейшие ученые институтов Физики Земли, Геоэкологии и ГИНа.

Друзья профессора часто собирались у него дома или на даче, особенно тогда, когда Олег Константинович возвращался после удачливой охоты

или рыбалки. Надежда Георгиевна готовила фазанов и уток, рыбу разных сортов (рис. 2.35). Все было очень вкусно, жаль только, что в подстреленной дичи на зуб иногда попадали свинцовые дробины!...

Рис. 2.35. Дома у Надежды Георгиевны в Мытищах уже после кончины Олега Константиновича. На стене – картины профессора

Русский язык

Олег Константинович прекрасно владел русским языком. Скольких своих сотрудников он научил отличать «класть» от «положить», «надеть» и «одеть» и др. Сколько чужих глав отчетов и рукописей статей он поправил!... Причем все это делалось как-то ненавязчиво, необходимо и уважительно.

Есть, что вспомнить!...

Жена геолога (Ольга Александровна Корженкова)

Мало уже что помню, однако сквозь всю свою семейную жизнь я несу чудесные воспоминания об удивительном человеке – Олеге Константиновиче Чедия, с которым мы были близко знакомы 17 лет, с 1981 г. до последних его дней в 1998 году. Каждый раз, приезжая на кладбище к родителям, мы посещаем могилу Олега Константиновича в Бишкеке и благодарим судьбу, что были так близко знакомы с Великим Человеком своего времени!

Я ненавижу горы. Да-да, ненавижу. А ненавижу потому, что ревную, жутко ревную своего мужа к горам. В молодости, я плакала даже, когда провозжала своего любимого в горы. Успокаивало меня только то, что уважаемый профессор Олег Константинович Чедия тоже любит «поле», и стал он таким не от количества прочитанного, услышанного, выученного в Университете, а от богатейшего экспедиционного опыта.

Не имея никакого отношения к геологии, сейсмологии, и т.д., и ненавидя горы, я, тем не менее, каждый год, каждые свои летние каникулы, начиная с 3 курса Политехнического института, и даже в свой медовый месяц и свои ежегодные отпуска, работая инженером-строителем в Проектном Институте «Киргизпромпроект», и уже позже, будучи директором школы, мы со своей дочерью Любочкой, ездила в ненавистное поле... Где не было горячей воды, льющейся из крана, телефонов, и даже асфальта! В поле я была поваром, причем чаще всего без зарплаты. Потому что это не была работа, это была возможность быть рядом с мужем, наслаждаться общением с увлеченными своей профессией людьми.

Олег Константинович, видя моё отношение к горам, и ко всему неустроенному, с первых дней превращал мое пребывание в поле в совершенно необычное путешествие! Оно было богато интересными событиями, захватывающими историями из своей молодости, сопровождалось бесконечным смехом, с легким подшучиванием, и, в то же время, всегда подбадривая, нажимая на женское самолюбие, обязательно заставлял выразить своё мнение по тому или иному суждению. Только сейчас, уже умудренная жизненным и семейным опытом женщина, я понимаю, что это были золотые мои «университеты» с Великим Учителем!

Я оставалась в лагере одна, а мужчины уходили или уезжали на машине в маршруты. Было скучно, страшно, но очень ответственно, ведь я охраняла полевой лагерь и готовила еду! К тому же, знаменитое выражение Олега Константиновича о главных людях в экспедиции (водитель и повар) мне не давало покоя! И будучи очень ответственной, я старалась осваивать поварское искусство, содержать в чистоте кухню, закопченные вечерним костром старые, почему-то всегда помятые огромные алюминиевые кастрюли, с неподходящими крышками, начищала эмалированные кружки, которые были с ужасным налетом от чая. Про газовый таганок, который никогда устойчивым не был с самого своего «рождения» и бесконечно коптящим редуктором на шланге на газовом баллоне – это я сейчас вспоминаю с улыбкой, а тогда, для 20 летней молодой женщины, с маникюром, с прической, и живущей всегда в благоустроенной квартире с родителями и с бабушкой, было испытанием... Так вот, когда возвращались мужчины, это было 15–16 часов я встречала их всегда в прекрасном настроении, с улыбкой, с приготовленным обедо-ужином и с накрытым сервированным столом! Это сразу замечал Олег Константинович и ... протягивая мне букет цветов, целовал мне ручку! Это было очень трепетно!

После обеда Олег Константинович всегда давал оценку моему старанию, и всегда говорил: «Олечка, Вы опять меня удивили! Позавчера, мы приехали только из Фрунзе, и через 35 минут после остановки машины у нас уже была уха из консервы. Поверьте, я – рыбак, и уху я ем только из выловленной мною рыбы, но Ваша уха была так быстра, так вкусна и так желанна, что я Вам поставил 4 за оперативность! Вчера был вкусный борщ, за который я тоже поставил Вам 5 за только что сваренный, но уже насыщенный. А сегодня Вы, Олечка, нас кормите котлетами из тушенки! Я первый раз в поле ем котлеты! И снова я ставлю 5+! Да, Вы, Олечка, первооткрывательница полевых котлет!»

Часто мужчины уходили купаться после маршрута, и Олег Константинович, оставаясь со мной возле кухни, делал мне комплименты, но они были так умело сказаны, так тонко подмечены, и одновременно индивидуальны, что ты расцветаешь и чувствуешь себя королевой неземной красоты!... Вот, к примеру, загадка, рассказанная Олегом Константиновичем с кавказским акцентом: «Угадайте загадку: маленький, сморщенный коричневый, не у каждой женщины есть?» Я вся сжалась, приподнимая плечи, опустила глаза, но Олег Константинович продолжает: «Не переживайте, Олечка, у Вас это есть!» Я готова была спрятаться под стол... «Изююююминка!» – восклицает Олег Константинович! «А что Вы, Олечка, так покраснели, Вы предпочитаете больше помидоры, чем виноград?». Я, стараясь скорее выйти из состояния смущения, спрашиваю: «Олег Константинович, а что Вы любите кушать?», он отвечает: «Я очень люблю виноград, и помидоры. Ах, какой бывает сладкий, вкусный, сочный виноград! Но, если выбирать виноград или помидоры, то помидоры!» (женщина с изюминкой и с румянцем!)

Каждое утро, накормив завтраком мужчин, и провожая их в маршрут, я никак не могла понять: что же это за профессия такая – геоморфология? Почему они смотрят вдаль и говорят о пенеплене, ищут его, как что-то драгоценное, и чем отличается аллювий от пролювия, сбросы или надвиги, и почему их так волнует 13 млн лет или 17 млн лет назад что-то там произошло... Да, какая разница, это так было давно!... Поэтому, когда Олег Константинович спросил меня: «Что Вы, Олечка, думаете о работе, которую мы выполняем, я честно ответила: «Работы я тут никакой не вижу, а в маршрут вы ходите – просто СМОТРЕТЬ НА ГОРЫ!» Олег Константинович расхохотался, и говорит: «А ведь вы правы, Олечка! Со стороны это так и выглядит, вы опять первооткрывательница теперь уже нового термина, «смотреть на горы», и пригласил меня в маршрут на следующий день.

Маршрут был недалеко, и тем более в очередной раз сломалась машина, и в лагере остался шофер. Для более полной картины моего первого и последнего маршрута в жизни, должна сказать, что я человек неспортивный, плюс ко всему в 1983 году купить кроссовки, или ботасы, или специальные ботинки, трикони было очень трудно, да и мне в обычной жизни это было не нужно. Тогда была модна обувь на платформе, и так как у меня не

было ничего другого, я надела свои туфли на 10 см каблуке и на платформе. Поднимались мы медленно, с привалами, с подробным просмотром той или иной горы, и о, ужас, ведь ни у кого не было с собой бутылки с водой! Это сейчас мы легко покупаем бутилированную воду, а в советское время брали либо термос, либо металлическую фляжку. Я, будучи инженером по водоснабжению, и пользуясь только водопроводной водой в городе из крана, ужаснулась – ведь все геологи пили воду из реки! Просто черпая рукой, набирали во фляжки, и пили эту воду, которая не прошла никакой обработки по обеззараживанию ни бактерицидными установками, ни минимум хлорированием! Зная историю с Пржевальским, которую нам с детства рассказывали, о том что он заболел и умер после того, как выпил воды из реки в своей экспедиции, я негодовала, и запрещала всем пить! Видя ужас в моих глазах, Олег Константинович, встал одной ногой на камень, другой оставаясь на берегу, начал черпать крышечкой воду и пить на моих глазах: «Вот смотрите, Олечка, я пью вот так, вот так, и я вам обещаю – я не умру ни завтра, ни послезавтра! Но зато я знаю вкус природы.» Я всё равно мучилась от жажды и не пила из реки, тем более, что увидела стадо овец, переходящих эту реку выше того места, где у нас был привал. Но основное испытание в маршруте меня ожидало позже.... А вы спускались когда-нибудь с крутой горы на каблуках? Олег Константинович вызвался мне помочь. Он подбадривал меня, поддерживал за руку, за ногу, сбрасывал свою штормовку с себя, подкладывая под моё катящееся тело, срывал траву и засовывал под мою стопу, выбирал лучшую тропку, молотком выкорчевывал колючий куст, который оказался как раз на моем пути... Когда мы вернулись в лагерь, за ужином, Олег Константинович сказал: «Я много видел разных участников полевых экспедиций, и мне казалось, что меня удивить сложно, оказалось нет, не всё я в своей жизни видел, не всё. Вы, Олечка опять меня удивили сегодня! Бывает первая женщина – космонавт, бывает первая женщина – сталевар, но Вы – первая женщина, покорившая вершину горы на каблуках! Но это не так существенно, по сравнению с тем, как Вы спускались сегодня с горы, элегантно применяя известную 5 точку, будучи в колючках, в пыли, в земле, с мокрыми разодранными на коленках спортивными штанами, перед встречей с мужем, вы достали маленькое зеркальце и накрасили губки, чтобы встретиться с мужем при полном параде!

Кстати, мой медовый месяц тоже был в поле, на мысе Кара-Булунь на Иссык-Куле, через 3 месяца после свадьбы, в сентябре 1981 года, т.к. сразу после свадьбы в июне 1981 года мой молодой супруг уехал в долину реки Сары-Джаз, в первую свою полевую экспедицию. И, как весь советский народ в то время, мы писали письма друг другу, причем, где бы мы не были, т.к. телефонные звонки – это было так сложно, практически нереально. Мы писали письма друг другу каждый день. Это были большие, объемные письма, минимум 4 страницы, вырванные из ученической тетради, а то и 8 страниц. И, что удивительно, почта работала хорошо, ведь почти все письма

доходили до адресата, через 2–5 дней. Так вот, когда Олег Константинович приехал после 2 месяцев пребывания в Сары-Джазе во Фрунзе, он позвонил мне домой, представился, и я сразу задала вопрос: «Как там Андрей?» На что Олег Константинович воскликнул: «Олечка, да Вы сами знаете лучше как он там, так как ваша переписка за 2 месяца превышает количество листов нашего отчета полевого сезона 1981 года всей нашей лаборатории! Андрею обязательно надо идти в науку, писать статьи, защищать диссертацию, и стать ученым!» Нам было тогда по 20 лет, мы закончили 3 курс, не знали еще, кто и кем станет, но ведь именно Олег Константинович определил профессию моего мужа!

Весь полевой отряд, состоящий из 7–10 человек (приезжающих и уезжающих геологов, а также водителей), был рад, что у них есть повар - жена студента! Но все знали, что они с поваром едут, а я-то ехала с молодым супругом в медовый месяц, романтично жить в палатке на озеро Иссык-Куль. Как молодая женщина, с маникюром, не знающая полевых условий, в чемодан я взяла красивое кружевное белье, босоножки на каблуках, открытые сарафаны, купальники, которые слегка прикрывали роскошные молодые формы. Только по прибытию на грузовике ГАЗ-66 в кузове поздней ночью в лагерь, понимаю, что я буду здесь поварить?!... Но, чтобы не ударить в грязь лицом, перед своим молодым мужем в том числе, я начинаю нести свою вахту... За мной наблюдали 14–20 голодных глаз, терпеливо ждали, как могли помогали, разжигали огонь, носили воду, перетаскивали мешки с продуктами. Ведь каждый вечер надо было убрать все продукты в сундуки, чтобы мыши или другие зверьки, а также непрошенные насекомые не испортили продукты, чистую посуду, и т.д. Но рано никто не уходил спать, разговоры у костра превращались в споры, и чтобы уравновесить это, кто-то говорил: «А не попить ли нам чайку?» О, ужас, как я боялась этих слов! Я ведь до сих пор ненавижу эти слова! Так как это означало, что надо снова расшнуровать закрытую кухонную палатку, снова достать из сундуков минимум 5–8 помытых кружек, чай, и к чаю сахар, печенье и т.д. А потом, поздней темной ночью снова помыть эти кружки в реке в полной темноте, и снова положить в сундуки, зашнуровать палатку и свалиться спать всего на несколько часов, до 6 утра, т.к. Олег Константинович вставал рано. Сам начинал кипятить воду в черном чайнике на костре...

Олег Константинович и другие участники экспедиции часто спорили, ругались, применяя для сочности мужского разговора разные эпитеты, но если я выходила из своей палатки, то спор не заканчивался, но был уже не такой яркий! И вот как-то за завтраком, Олег Константинович мне говорит: «Знаете, Олечка, что такое хорошая жена?» Ну, думаю, сейчас начнет высказывать, что я не в 5 утра встала, и не с петухами, и т.д., а Олег Константинович, попивая чай, говорит: «Хорошая жена – это как хороший хозяин у собаки – не только накормит, напоит, спать уложит, а еще и гулять отпустит!» Помня эти слова, я всю жизнь «отпускаю» мужа в экспедицию, в поле, в горы, в чужие страны...

Выдающийся исследователь сейсмоtectоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Олег Константинович любил очень собак. И вот как-то раз, когда мы загружали машину палатками, продуктами, и другим полевым снаряжением, к нам пристроилась маленькая дворняжка, у которой нижняя челюсть была выдвинута вперед, слезились глаза, и ободранный хвостик. Я стала возражать брать это существо к нам в кузов, и говорю: «Да, она какая-то вшивая!», на что Олег Константинович воскликнул: «Да, Вы, Олечка, сами вшивая, потому что у собак-то блохи! Посмотрите внимательно, это же пёс, а вовсе не собачка! Вы совсем не разбираетесь в мужчинах? Так вот – мужчина должен пахнуть либо бензином, либо лошадью!» И мы все расхохотались, взяли с собой этого пёсика, назвали его Федькой. Он служил нам весь полевой сезон, гонял отары, предупреждал своим лаем о приближающихся чабанах, и спал только у входа палатки Олега Константиновича, как бы охраняя жилище своего главного спасителя!...

...

Спасибо Олегу Константиновичу за наши встречи дома, за общение в полевых условиях, за профессию моего мужа, теперь уже доктора геолого-минералогических наук и заведующего лабораторией в известнейшем институте России!...

Воспоминания узбекских ученых сейсмоtectонистов об О.К. Чедия

Усманова М.Т., Садыков Ю.М.

Институт сейсмологии Академии наук Узбекистана, г.Ташкент,
e-mail: m.usmanova@mail.ru;

Олег Константинович Чедия относится к плеяде советских ученых, внесших весомый вклад в изучение неотектоники советского Тянь-Шаня. В своих исследованиях, посвященных закономерностям новейшего развития гор Средней Азии, он развил некоторые проблемы, сформулированные еще С.С. Шульцем в 1948 г. Его разработки неотектонических основ сейсмического районирования успешно используются его учениками и последователями по Средней Азии. Памятны наши встречи, посвященные уточнению и детализации неотектоники и сейсмоtectоники приграничных районов Киргизии и Узбекистана. Страстный охотник и любитель дикой природы, он был прирожденным рассказчиком. Споры, порой возникающие между нами, он сдобривал прекрасными наблюдениями в горах Киргизии, отдельными эпизодами охоты, в тонкостях которых он прекрасно разбирался.

В первый раз я познакомилась с Олегом Константиновичем Чедия в 1978 г. в Бишкеке в Институте сейсмологии АН Киргизской ССР (в старом

здании в центре города) на конференции молодых ученых. Он тогда произвел на меня впечатление доступного, открытого, веселого человека.

Как я и он – Олег Константинович, обрадовались новой встрече в 1985 г. в г. Ташкенте, теперь уже в нашем Институте сейсмологии АН Узбекской ССР на рабочем совещании по подготовке геолого-тектонической основы Карты сейсмического районирования Средней Азии и Казахстана. В то время зав. лабораторией «Сейсмотектоника» был проф. Р.Н. Ибрагимов, который пригласил О.К. Чедия с учениками А.М. Корженковым и К.Е. Абдрахматовым на чашку чая в нашу лабораторию «Сейсмотектоника», где я имела удовольствие беседовать с О.К. Чедия.

Меня, тогда еще молодого специалиста, волновали вопросы по сейсмотектонике. И особенно я запомнила подробное объяснение Олега Константиновича, откуда возникли термины Срединный Тянь-Шань и Западный Тянь-Шань! Многие до сих пор путаются с этими терминами, не зная происхождения этих названий. На мой вопрос о Сохской свите он ответил шутя – А потому что р. Сох разделяет два горных хребта: Алайский и Туркестанский. Конечно, он тут же добавил, что наличие на местности Сохской свиты, это свидетельство неотектонических, современных движений земной коры. Ведь Олег Константинович очень хорошо знал геологию, орографию, тектонику нашего края, Тянь-Шаня. Как он мне рассказывал о своих геологических приключениях. Так вот, в районе правого берега р. Сох вблизи кишлака Кызил-Олма им было открыто великолепное обнажение (рис. 2.36), где палеозойские породы были опрокинуты новейшими движениями и которое стало уже тогда классикой орогенного развития Западного Тянь-Шаня!

Рис. 2.36. «Обнажение О.К. Чедия», правый берег р. Сох (относительно истока реки), (фото М.Т. Усмановой 2013 г.)

В 2011 г. я руководила макросейсмическим отрядом по изучению последствий Канского землетрясения с $M=6.3$. Так как эпицентр находился на границе Южной Ферганы, Риштанский район и Советский район Киргизии, мы исследовали на территории Киргизии Советский район – эпицентральный район Канского землетрясения. Вот тогда я увидела «Обнажение Чедия» на правом берегу р. Сох. Студенты, будущие геологи, должны обязательно увидеть это огромное обнажение, найденное Чедия.

Он объездил почти весь Тянь-Шань на машине, гужевым транспортом, лошадях, пешим ходом. Особенно интересны были его рассказы о Памире. Ведь известно, что много лет О.К. Чедия работал в Южном Тянь-Шане.

Проф. Р.Н. Ибрагимов и О.К. Чедия дружили, и их дружба стала для меня мостиком побольше узнать этого великого человека, образованнейшего геолога с мировым именем. Кто так хорошо знал Тянь-Шань? О.К. Чедия. Кто широко масштабными полевыми исследованиями на примере изучения современных движений земной коры развил новое отделение геологии – неотектонику? О.К. Чедия. Это поколение геологов были первооткрывателями геологии, тектоники Центральной Азии. О.К. Чедия долго искал доказательства теории мобилизма, теории тектоники плит. И он их нашел, показав их на примере правостороннего Таласо-Ферганского глубинного разлома, который делит Тянь-Шань на 3 части: Северный (Центральный), Западный, Южный Тянь-Шань.

Олега Константиновича помнят в Узбекистане. Его работы широко используются при геолого-тектонических исследованиях Тянь-Шаня. На его книгах учатся молодые узбекские геологи. Думаю, это лучшая наша память об Олеге Константиновиче Чедия.

Воспоминания об Олеге Константиновиче Чедия

А.Л. Стром

С Олегом Константиновичем Чедия я познакомился в середине 80-х годов, когда он работал в институте сейсмологии во Фрунзе. Имя-то, конечно, было на слуху – все так или иначе занимавшиеся неотектоникой Средней Азии знали его фундаментальные труды по Памиру. А в 1986 году вышла его книга по Тянь-Шаню, которая на долгие годы стала у меня настольной, настолько понятно, четко и логично он изложил свои взгляды на новейшую тектонику этой горной системы.

С Олегом Константиновичем у меня связан и смешной эпизод – в 1989 году мы договорились, что я приду к ним в поле. Тогда не было никаких мобильных телефонов, мы списались или созвонились, сейчас уже, конечно, не помню, и решили, что я прилечу такого-то числа и приеду к ним в лагерь, который будет стоять в долине р. Кокомерен, в устье его левого при-

тока – р. Минкуш. Тогда я не знал, что в устье Минкуша на площади более квадратного километра единственная невысокая терраса поросла довольно густым лесом и найти в этих кущерах палаточный лагерь довольно проблематично. Но, как говорится, «меньше знаешь – крепче спишь»; я прилетел в Бишкек, переночевал, утром сел на Минкушский автобус вместе со своим рюкзаком и поехал, с тем чтобы вылезти в устье Минкуша и искать лагерь. А, наверное, за год до этого я приезжал на конференцию на Иссык-Куле, которую организовывал их институт, и знал, что Олег Константинович со своей группой ездят в поле на красно-белом автобусе (рис. 2.37). И так, еду, спокойно смотрю в окно, люблюсь видами. Проезжаем аил Арал, после которого дорога раздваивается – одна, по которой мне надо ехать дальше, уходит налево, вниз по Кокомерену, а вторая, направо и, пересекая Кокомерен по мосту, идет вверх по реке в Суусамырскую долину. Ехать мне еще километров 7–10. И вдруг, смотрю, по обочине навстречу идут Канатбек Абдрахматов и Иван Николаевич Лемзин – сотрудники лаборатории Олега Константиновича. С молотками, рюкзаками, т.е. люди явно в маршруте. Я забеспокоился – что они тут делают, так далеко от лагеря (дорога в то время была, мягко говоря, неважная и было проще перенести лагерь, чем каждый день мотаться туда-сюда). Автобус остановился, я сижу, думаю, что делать – то ли ехать дальше, то ли вылезать. И вдруг, смотрю, нас обгоняет красно-белый автобус и, вместо того чтобы повернуть налево, к Минкушу, едет направо, через мост. Так как дело шло уже к вечеру, я понял, что они перенесли лагерь и рассудил, что вряд ли он далеко отсюда. Остановил автобус, вылез и пошел вверх по дороге. Спросил у встреченных людей, где тут стоят геологи, выяснил, что на берегу, сразу за деревней. И, что называется, свалился им на голову. Попал очень удачно, прямо к ужину.

Рис. 2.37. Тот самый автобус и наш полевой лагерь 2006 г. в Суусамыре

Это был единственный полевой сезон, когда я провел в поле около месяца с Олегом Константиновичем. Но этот месяц дал мне едва ли не больше, чем многомесячные полевые работы, когда я, что называется, варился

в собственном соку. Олег Константинович мог простыми словами прямо у обнажения объяснить то, что до этого я просто не видел. Точнее, видел, но не понимал, что вижу. А уже после этого полевого сезона и этот и другие районы Тянь-Шаня были для меня, как открытая книга – вот неоген, вот под ним ДДП – древняя денудационная поверхность, вот они конформно смяты, а вот они смещены по разрыву – все ясно, все понятно. Приехав в 1991 г. на совершенно новый для меня участок у слияния Большого и Малого Нарына, где шли изыскания для проектировавшегося там каскада ГЭС, я неоднократно вспоминал уроки Олега Константиновича, исправляя неверно нарисованную геологическую карту, на которой крутопадающие участки ДДП с лежащим на них неогеном были показаны, как тектонические разломы. А ведь действительно похоже на разлом!

Что еще подкупало в Олеге Константиновиче – простота в общении. Он был известным на весь Союз ученым, признанным знатоком Средней Азии. Я – рядовым молодым геологом. Но с ним всегда было просто. Можно было спросить о чем-то, не стесняясь, что ты не понимаешь каких-то вещей, которые для него могут быть очевидными. И он всегда объяснял, показывал, растолковывал.

Этот урок – что знания, полученные непосредственно в поле от опытного человека, намного лучше укладываются в голове, чем сведения, почерпнутые из книг, статей и лекций в аудитории, я запомнил, и уже намного позже сам применял такой же метод обучения, проводя международную летнюю школу по изучению скальных оползней в бассейне Кокомерена. И я благодарен судьбе, что мне посчастливилось повстречаться с замечательным Человеком, великолепным Геологом и прекрасным Учителем – Олегом Константиновичем Чедия.

Глава 3 В ГЛУБИНУ РОДА ЧЕДИЯ

(составлено Максимом Юрьевичем Костюковым
и Аллой Георгиевной Курт)
(см. также вставку)

Род Олега Константиновича Чедия примечателен интересными персонами, которые оставили свой след не только в жизни Олега Константиновича. Это были известные в своих кругах и в свое время люди. Информации о них не так много, но и то что есть, наглядно говорит о них как о талантливых, разноплановых личностях.

**Прапрапрадед.
Гавриил Степанович Воскресенский (1806–1882 гг.).**

Сын церковнослужителя, с отличием закончил (1828 г.) Тверскую духовную семинарию, поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 28 лет со степенью магистра, профессора. Был направлен пре-

Выдающийся исследователь сейсмоtectоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

подавателем в Саратовскую духовную семинарию, преподавал словесность и латинский язык. Примечательный факт: среди учеников Г.С. Воскресенского был Николай Гаврилович Чернышевский, известный впоследствии публицист и писатель. Архивные документы Саратовской духовной семинарии представляют Гавриила Степановича человеком строгим, категоричными и целеустремленным. Он не терпел невежества, был требователен к прилежанию и дисциплине семинаристов.

В 1845 году ему был пожалован чин Коллежского асессора, он перешел на гражданскую службу. В дальнейшем был председателем Палаты гражданского суда. В это же время Гавриилу Степановичу Воскресенскому по гражданской службе был пожалован дворянский чин, давший право на потомственное дворянство.

Гавриил Степанович вместе с супругой Александрой Петровной был достаточно обеспеченным человеком, они обладали немалой собственностью как в Саратове, так и в его окрестностях. У них было семеро детей. Похоронен на кладбище Саратовского мужского Спасо-Преображенского монастыря.

Одна из дочерей Гавриила Степановича Воскресенского – **прапрабабушка** Олега Константиновича Чедия – **княжна Екатерина Гавриловна Русиева (Воскресенская)**. Она родилась в 1847 году. По традиции тех лет в архивных книгах о женщинах в дворянских родах мало что писали, сведений о ней намного меньше, чем о ее супруге – князе Константине Соломоновиче Русиеве (Корчибашеве).

Прапрадед Олега Константиновича князь Константин Соломонович Русиев (Корчибашев) (1842–1918 гг.) – сын потомственного дворянина Тифлисской губернии имел славную военную карьеру. Воспитывался в Павловском кадетском корпусе. Полковник (1895 г.), командир 5-го Западно-Сибирского линейного батальона (1895 г.). Ушел в запас в 1900 г. в чине генерал-майора. Кавалер орденов: Св. Святослава 2-й и 3-й ст., Св. Анны 2-й и 3-й ст., Св. Владимира 3-й и 4-й ст. Имел серебряную медаль в память царствования Императора Александра III, бронзовую медаль в память царствования Императора Николая I и знак отличия XL (за 40 лет безупречной службы в офицерских чинах).

О роде Русиевых хочется сказать особо. Фамилия Русиевы – производная от фамилии кахетинского княжеского рода Русишвили. По преданию, предки этого рода происходят от одного из дружинников русского князя Георгия Андреевича, первого мужа царицы Тамары. Согласно этой легенде русский витязь остался в Грузии и был возведен в тавадское достоинство. Его дети и потомки стали именоваться Русишвили, буквально фамилия означает «дети русского».

Носила фамилию Русиева в девичестве и **бабушка Олега Константиновича Чедия – Наталия Константиновна Чедия (1879–1966 гг.)**. Она была женщиной очень привлекательной и никогда не имела недостатка в воздыхателях. В итоге ее супругом стал **Михаил Иванович Чедия (1870–1905 гг.)**.

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

Они прожили вместе до самой смерти Михаила Ивановича в 35 лет. Дедушка Олега Константиновича – житель Кутаисской губернии Сенакского уезда Наксаковского общества села Ецеры (Село Эцери Края Самегрело – Верхняя Сванетия). Происходил из духовного звания.

Михаил Иванович Чедия (1870–1905 гг.)

Обучался в Казанском пехотном юнкерском училище и состоял по поведению в первом разряде. Поступил на службу 4 июля 1889 года вольноопределяющимся и пользовался правами по образованию второго разряда.

Согласно Приказа пл 38 пехотной дивизии от 27 июня 1889 г. за № 51 поступил на вольноопределяющегося 2-го разряда на казенное содержание в 150-й пехотный Таманский полк с зачислением в списки полка.

10 августа 1891 г. командирован в Тифлисское пехотное юнкерское училище для держания вступительного экзамена. 2 октября 1891 года зачислен в Кавказское пехотное юнкерское училище. 15 августа 1893 года – подпрапорщик. 1 сентября 1901 г. высочайшим приказом произведен в штабс-капитаны.

Штабс-капитан Чедия умер 8 марта 1905 года от воспаления легких, осложнившегося водянкой. «В самом начале болезнь осложнилась наруше-

нием правильной деятельности мускулатуры сердца вследствие душевного волнения, вызванного у М.И. Чедия непочтительным с ним обращением нижнего чина».

Погребен 10 марта 1905 года на общественном кладбище предместья города Сигнахи Нукриани (село Нукриани в Грузии, в муниципалитете Сигнахи края Кахетия).

У них родились трое сыновей – Георгий (1900–1991 гг.), Виктор (1903–1984 гг.) и Константин. После смерти Михаила Ивановича заботу о трех сыновьях возложил на себя их дед – Константин Соломонович Русиев. Все они были зачислены в кадетский корпус.

Н.К. Воскресенская (Чедия) с мужем Сергеем Сергеевичем и детьми Борисом (слева) и Натальей (справа с бантиками)

Через два года после смерти мужа Наталья Константиновна вышла замуж за сына дворянина, земского начальника 3-го участка Саратовского Уездного съезда **Сергея Сергеевича Воскресенского (1885–1973 гг.)**. В новом браке родились двое детей – Борис (1907–1947 гг.) и Наталья (1908–1996 гг.). И так сложилась судьба, что один из сыновей Натальи Воскресенской – Юрий Харченко, двоюродный брат Олега Константиновича – тоже стал известным геологом. Геология оказалась судьбоносной профессией в этом роду.

Юрий Иванович Харченко (1932–1987 гг.) родился 6 августа в Камышине Сталинградской области. Отец – агроном в областном земельном управлении, инженер-гидромелиоратор, мать – корректор областной газеты «Сталинградская правда».

В 1940 году Юрий пошел в школу в Сталинграде, а окончив ее, по комсомольскому набору поступил учиться в Каспийское высшее военно-морское училище им. Кирова в Баку. В 1954-м году – лейтенант, служил в Дунайской флотилии, затем в 1956-м был переведен на Камчатку, где командовал группой катеров. В 1959 году попал под большое сокращение Вооруженных сил СССР и в том же году поступил учиться на горный факультет во Всесоюзный заочный политехнический институт и пришел устраиваться на работу к камчатским геологам. В 27 лет – все с нуля.

В апреле 1959 года капитан-лейтенант запаса Ю.И. Харченко был зачислен оператором-радиометристом в Плотниковскую партию КГСЭ. В мае 1961 года он уже техник, а в марте 1963 г. – геолог Нижне-Корякской партии. Сезон 1964 года он проводит начальником Китхойской партии, которая в сентябре выявила в долине ручья Золотой Рог промышленную россыпь золота. С Кихтоя началась его любовь к геологии, он стал не только заинтересованным, инициативным, вдумчивым и думающим геологом, но геологом-новатором.

С февраля 1968 года Ю.И. Харченко – главный геолог Южно-Камчатской геолого-разведочной экспедиции КТГУ. В том же году он поступает в аспирантуру при ВЗПИ. В январе 1972 года – главный геолог Централь-

но-Камчатской ГРП. 23 июля 1973 года – главный геолог Камчатского геологического управления. В 1974 году Юрий Иванович заканчивает аспирантуру и защищает кандидатскую диссертацию – 25 июня ему присуждена ученая степень кандидата геолого-минералогических наук.

Ю.И. Харченко – автор и соавтор более 30 опубликованных научных и более 10 фондовых научно-производственных работ по вопросам геологии и металлогении Корякско-Камчатской складчатой области, был заместителем редактора изданной в 1980 году геологической карты Северо-востока СССР масштаба 1:1 500 000, научным редактором множества опубликованных научных материалов.

Юрий Иванович умер 11 августа 1987 года.

Удивительна судьба этого человека. Он был блестящим морским офицером, а затем стал прекрасным геологом и 13 лет возглавлял камчатскую геологию.

Константин Михайлович Чедия (1899–1938 гг.) – отец Олега Константиновича.

Был женат на **Елене Николаевне Чедия (Прокофьевой) (1898–1960 гг.)**. Олег Константинович был их единственным сыном. От отца он унаследовал такие качества и черты характера как дисциплина и любовь к лошадям. Константин Михайлович был профессиональным военным, полковником, командиром 85-го артиллерийского полка 85-й стрелковой дивизии. В тревожные 30-е годы был арестован 12 марта 1938 года по приговору ВКВС

Выдающийся исследователь сейсмотектоники Средней Азии – профессор Олег Константинович Чедия (к 100-летию со дня рождения)

от 29.07.38 г. и расстрелян. Олег Константинович всю свою сознательную жизнь искал следы несправедливо репрессированного отца. И во многом благодаря его усилиям справедливость была восстановлена: Константина Михайловича Чедия реабилитировали 19 ноября 1955 года.

Елена Прокофьева с мамой

Елена Николаевна Чедия (Прокофьева) с внучкой Ириной

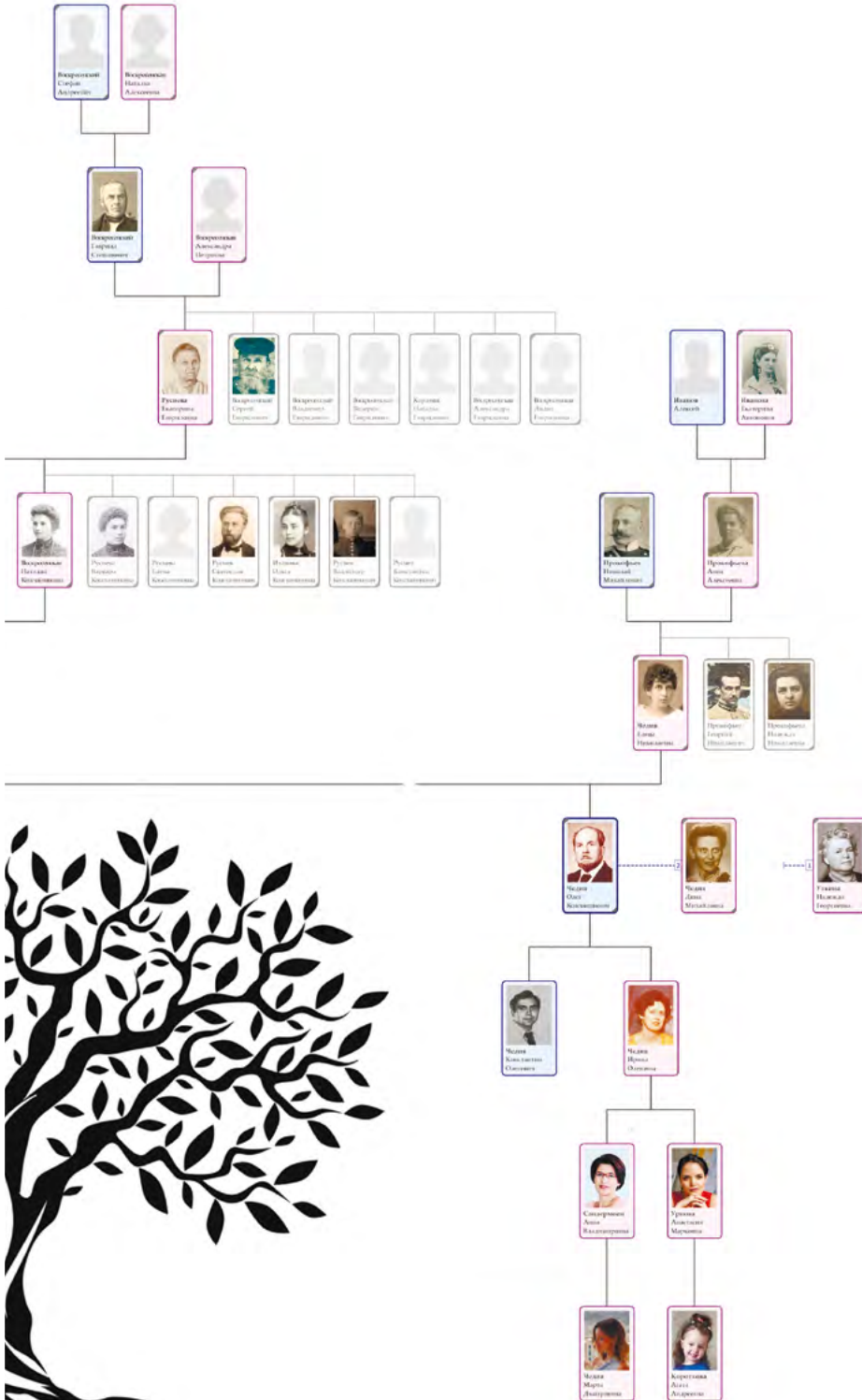

Константин Михайлович Чедия на службе

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ЧЕДИЯ О.К.

Данные генеалогических исследований основаны на архивных и исследовательских документах ГАСО, ГАТО, РГВИА, РГИА, ЦИАМ, Чиковани Ю. К.

Глава 4 ТРОПИНКОЙ ГЕОЛОГА

Сборник стихов Олега Константиновича

Олег Константинович Чедия написал много статей книг по геологии Средней Азии. До мемуаров руки у него не дошли. Однако мемуарами могут служить нижеприведенные стихи Олега Константиновича, где отчетливо изложен его взгляд на жизнь.

Олег Константинович часто излагал события в стихотворной форме. Известный в Таджикистане геолог Эдуард (Эдик) Чернер рассказывал, что, когда он работал вместе с Олегом Константиновичем в поле, то каждый вечер описывал в стихах события прошедшего дня, например:

*«Вот ходит он худой, но сытый,
Недавно наголо обритый
С чингисханской бородой
Это – Эдик молодой»*

Во время путешествия 1961 года вместе с детьми на Памир также все происходящее находило отражение в очередном куплете походного гимна. Как жаль, что большинство стихов не сохранилось! Ведь стихи – это не просто драгоценные камни, например, алмазы, но ограненные алмазы – бриллианты.

ДОРОГИ

Идут машины, лишь пыль клубится.
Высоко в небе – стальная птица.
По рельсам жестким стучат вагоны.
Суда вздымают седые волны.
Где самолету не приземлиться,
Прямо в тайгу вертолет садится.
Затем по тропам горным, таежным
Пешком иль вьюком пробраться можно.
По всем дорогам, по всем стихиям,
По красным линиям, по лентам синим
Придумать можно, стоя у карты,
Маршрут по небу, или на нартах.

А если этого мало будет,
Никто серьезно вас не осудит:
Садись на спутник, садись в ракету,
Лети с Земли на любую планету!
Доказывать каждому нужно едва ли,
Что необъятны шири и дали.
Дороги идут по просторам Отчизны;
Иные дороги – дороги по жизни.
Все люди проходят по жизненным трассам:
По трассе искусства, дорогою асса,
По трассе колхозника, трассе рабочего,
Дорогой строителя, трассою зодчего.
Но мне почему-то дорог всех милее,
Милее всех трасс и широкой аллеи
Тропинка геолога узкая, горная,
Местами опасная, кое-где торная.
По этой тропинке прошел уж немало.
И если б пришлось начинать жизнь сначала,
Я без раздумий и без запинки
Снова пошел бы по той тропинке.

СЧАСТЬЕ

Последний съеден был сухарь.
В желудке пусто, в ушах вата.
Попался б рябчик иль глухарь,
Дойти неевши трудновато.
Что с голодающего взять?
Пройти весь путь не в вашей власти.
Но вот – кабан: "Ружье! Стрелять!
Ребята! Подвалило счастье!"
Три дня не пили уж воды.
Исхлоло все, родник не сыщешь.
Найти бы выход из беды...
Да все бесплодно только рыщешь.
И вдруг обильный дождь полил.
Сменив жару, пришло ненастье.
И каждый жажду утолил,
И кажется, нет больше счастья!
Сидел он молча на полянке;
Устав в маршруте, весь поник.
Но вот из маленькой землянки

От радиации раздался крик:
"Эй, Витька! Рыжий черт, пляши!
Родился сын у твоей Насти!"
"Радиограмму покажи.
Вот это радость. Это – счастье!"
 Два года рыскает отряд,
 Стремясь найти месторожденье.
 Немало взято им преград,
 Немало пройдено лишений.
 Бывали радости порою,
 Хотя неполные отчасти...
 Зато сегодня под горою
 Нашли руду. Вот это счастье!
Снег выпал. Пасмурно и зябко.
Весь мокрый. Зуб о зуб стучит.
Не греет более палатка.
Чу, в небесах мотор урчит.
И вот, в обратном вы полете.
Остались сзади все напасти.
В сухой одежде, в вертолете.
Скажите, это ли не счастье?
 Сухие светлые квартиры,
 Удобства все, тепло, опрятно.
 После тайги или Памира
 В них жить весьма-весьма приятно.
 Детишки возле вас лопочут
 И разрывают вас на части.
 И как всегда жена хлопочет...
 Вы вновь в семье и снова – счастье.
Проходят месяцы, недели,
Отчет написан, защищен.
И вы к уюту охладели,
Уют – уже привычный фон.
И стало скучно, тянет в поле
Опять скитаться и искать,
Чтоб на природе, на раздолье
Охотиться, работать, спать.
Вы вновь в седле. Стучат копыта,
Под вами конь буланой масти.
О риске, трудностях забыто.
Вас заполняет только счастье.
 Так что же счастием назвать?
 Возможно, я и ошибаюсь,

Не в силах формулу я дать,
В чем признаюсь и даже каюсь.
Однако думаю я так:
Что счастье может быть в досуге,
В больших и небольших делах
В любви к семье или к подруге.
Но в чем же смысл всех этих счастлих
Средь ежедневной суеты? –
В преодолении препятствий,
В осуществлении мечты.
И чем препятствие труднее
И чем полезнее мечта,
Тем счастье больше, тем сильнее
И в этом жизни полнота.
Кто прожил жизнь свою в теплице,
Не зная жажды, бурь, ненастья,
Для тех мечта – лишь небылица,
Для тех неведомо и счастье.

В МАРШРУТЕ

Я иду не по аллее лунной...
Свою лошадь в поводу веду
По глубокой щели той валунной,
Что присниться может лишь в бреду.
Вертикальные обрывы-стены,
Тальвег*, круто падающий вниз,
В русле вода белая от пены,
Под ногами узенький карниз.
Лошади, дробя у ног суставы,
Как архары скачут по камням.
Брод налево, прямо, затем – вправо,
Снова круто вниз спускаться нам.
Пересохло горло, дрожь в коленях,
Лопнувшая кожа на губах...
Кажется, что это напряженье
Обернулось гирями в ногах.
След кровавый тянется за нами,
Обагрив скалы, валуны.
Лошади с кровавыми ногами
Мне напоминают след войны.

Так к Мургабу** с Пшарта*** мы спустились...
Ширится долина, легче путь;
Пятна бурые лишь позади остались,
Где пройдет, возможно, кто-нибудь.
То, что пройдено, сейчас же позабыто,
Точно вереница лет прошла.
И в досуг, с таким трудом добытый,
Может позабыта быть война,
Можно позабыть и кровь, и раны,
Бедствия, бывавшие в труде.
А потом, уж как это ни странно,
Находить смешное лишь в беде.
Так всегда. И в сем глубокий смысл:
Взять барьер и далее скакать.
Это – жизнь, рождающая мысль.
Нам ли по-мещански прозябать?!

* Линия, соединяющая наиболее глубокие отметки в русле реки.

** Река, впадающая в Сарезское озеро

*** Один из перевалов хребта Западный Ишарт.

ПАМИРСКИЙ ВЕТЕР

Дует с севера ветер на юг.
Скалы гладит, как блузку уютю.
Дует северный ветер, свищет,
Как безработный работу ищет.
Песок срывает с днища долины,
По склонам метет, несет на вершины.
Тучи пыли, песка и щебня
Вздымает ветер в синее небо.
Швыряет песчинки ветер в граниты,
Которые точно оспой изрыты.
Лошади головы гнут к лопаткам,
Словно с ветром играя в прятки.
Будто на стойке застыл рыжий сеттер...
Даже ему не дает идти ветер.
Глаз не раскрыть, на лице кожа ноет;
А северный ветер по-волчьему воеет.
В шляпе ли, в кепке, даже в берете –
– С плеч головы рвет озверевший ветер.
Как парус, ветром надута палатка.
Вот лопнут оттяжки, сломится палка.

Клонится Солнце, спускается вечер.
Но не стихает бешеный ветер.
Даже, бывает, в ночь при луне
По Маркансу и по Караджилге*
Не видно хребтов по бортам долины
Из-за песчано-пыльной лавины.
И только под утро, лишь на рассвете
В дремоту впадает уставший ветер.

* Реки Северо-Восточного Памира

ГРАНИЦА

Как кадры кинофильма на экране,
Меняются пейзажи предо мной:
То зелень сочная на склонах к себе манит,
То поражают скалы высотой.
Многообразна Пянджская долина,
Неровной лентой легшая меж гор.
Что поворот, то новая картина,
Всецело поглощающая взор:
Сырые, темные, глубокие ущелья
С каскадом пенным, режущим утес,
То живописные долины расширения,
Где отражает небо тихий плес.
Гранатовые рощи и орехи,
То виноградник низкий, то сады...
И телеграфные столбы, как вежи,
Вдоль голых скал, иль пашни борозды.
На тропах сохранился след архара,
Клохтанье кекликов* доходит до ушей,
Порою – клекот снежного улара**,
А по протокам – шелест камышей.
По пянджским берегам налево, справа
Природа точно две капли воды;
И удивляет путника сначала
Наличье пограничной борозды.
С чего бы, кажется, делить одну природу,
Одни и те же горы, иль луга?
Но приглядитесь повнимательней к народу,
И от сомнений не останется следа.

От Пянджа слева – ветхие жилища,
Тропинки-ивринги*** подвешены в горах,
Худые женщины в изодранных рубищах
Тряпье стирают в черных паранджах.
Лишь кое-где среди сада выступает
Дом байский, белизной своей блестя,
Которому дехканин поставляет
Последнее зерно, барана, дочь, себя.
С тоскою я гляжу с Советского Памира
На жалкие афганцев кишлаки,
Отрезанные полностью от мира
С начала осени до будущей весны.
Немая тишина висит над левым берегом.
Не слышно песен, оброненных слов...
Она не оборвется звонким смехом,
Пока крестьянство не сорвет оков.
А с нашей стороны проходят автотрассы,
С которых раздается шорох шин.
Ночная тьма в ущельях, на террасах
Лучами рвется света фар машин.
В урюковых садах стоят большие школы.
Детишки с книжками к ним едут иль бегут;
По вечерам под звуки радиолы
Танцует молодежь и девушки поют.
А утром, или днем, над дикой Пянджской щелью
Серебряная птица-самолет
Отсталому афганцу в удивленье
В чреве своем простых людей везет.
Летят колхозники иль наши офицеры,
Студенты, школьники и армии солдат,
Геологи, туристы, инженеры...
Кто отдыхать, кто по делам спешат.
Да, несмотря на тождество природы
С одной историей, по пянджским берегам,
Живущие сейчас на них народы
Шли к настоящему не по одним путям.

* Каменная курочка

** Горный индюк

*** Подвесные тропы на отвесных скалах

ВЫСОТА

Земля подо мною. Нет, я не в ракете.

Я просто стою на вершине хребта.

Чуть ниже, белея на солнечном свете,

Отарой идут вдоль горы облака.

Скалистые пики, седые вершины

Над белым курчавым руном облаков

(Красивее трудно представить картину),

Как в море гирлянды крутых островов.

Кой-где среди отары ажурных овечек,

Как в проруби, виден бездонный простор,

Ветвистый узор серебрищихся речек,

Бегущих в долину с заснеженных гор.

Не менее красочен вид на равнину,

Где в дымке сокрыто подножье горы.

Темнеют сады кое-где по долинам,

Что в мареве тонут от сильной жары.

Там душно, там жарко, там пыль на дорогах...

Расплавлен асфальт на покрытье шоссе.

Над городом копоть от фабрик, заводов...

И вертишься сам, как зверек в колесе.

А здесь, на вершине, бодряще морозно.

Хоть воздух разрежен, но чист как кристалл.

Сидеть и смотреть бесконечно бы можно.

Но надо спускаться. Окончен привал.

И снова идут натруженные ноги;

Но славно дышать, ветерок холодит.

До самого края маршрута-дороги

Видение сверху мне душу бодрит.

КАРАКУЛЬ

Одно из высочайших всего мира,

Что Каракулем озеро зовут,

Средь голых гор Восточного Памира

Лежит, как кем-то брошенный лоскут.

На утренней заре, во время штиля,

Как зеркало спокойна бирюза.

Как на картину во фламандском стиле

Смотрю, не отводя свои глаза.

Налево тянется гористый полуостров,
Как ширма озеро делящий пополам,
А дальше в синей дымке длинный остров,
По вычурности форм подобный облакам.
 В полдень оно уже совсем иное,
 Хотя лежит, как прежде, предо мной:
 Одна волна на берег за волною,
 Шипя, бурля, спешат наперебой.
В прибрежии вода слегка буреет,
Со дна вздымая гальку, песок, муть.
Над бурыми волнами чайки реют...
Сильнее ветер начинает дуть.
 А позже, вечером, перед началом шторма,
 Когда повиснет Солнце над горой,
 Оно становится совсем свинцово-черным,
 И с берега доносится прибой.
А ветер все крепчает и крепчает,
Несет по низким берегам песок,
Он пену белую с соленых волн срывает...
И ветра свист то низок, то высок.
 Но в полночь ветер снова затихает
 И слышится лишь слабый плеск волны.
 В неровном отраженьи выплывает
 Дорожкой удлиненный диск Луны.
Над Каракулем бархатисто-черным
С лунно-серебряной тропой поперек
И над кольцом в виде подковы горным
Раскинулся глубокий небосвод.
 Лишь блески звезд на южном черном небе,
 Да кромка снега на вершинах гор,
 Свет лунный отражающая в неге,
 Вьют светлый фантастический узор.
Под утро где-то слышен плач атайки,
Свист крыльев гуся, посвист кулика,
Хрипящий смех летящей к Солнцу чайки...
И золотит луч Солнца облака.
 Так день за днем, иль в общем век за веком,
 Прошли тысячелетья в толчее.
 Давно оно предстало человеку
 Во всей своей суровой красоте.
За это время озеро менялось:
То было больше, шире, чем сейчас;
Другими временами сокращалось,
Свидетельство чего – в следах древних террас.

Когда-то ледники в него с хребтов спускались,
Взяв озеро в свой ледниковый плен.
И до сих пор по берегам его остались
Нагроможденья каменных морен.
Менялись горы, озеро и люди,
Что никому не странно в этот век.
Теперь вдоль берега машины (не верблюды)
Ведет идущий к совершенству человек.

В СЕДЛЕ

Еду рысью вдоль обрыва.
Лоснится под солнцем грива.
Водопад внизу звенит.
Скрип седла и стук копыт.
 Точно стрелки, уши ходят.
 Конь глазами дико водит.
 Склон оврагами изрыт.
 Скрип седла и стук копыт.
Солнце с неба жжет нещадно.
Смотрит конь на воду жадно.
Спина взмылена, блестит.
Скрип седла и стук копыт.
 Вечереет, холодает.
 Конь тихонько просыхает.
 Небосклон зарей облит.
 Скрип седла и стук копыт.
Стало темно. Сильно дует.
Конь от холода танцует.
Слышно, ветер как свистит,
Скрип седла и стук копыт.
 Туча черная выходит.
 Конь тропу-узор выводит.
 Дождь холодный моросит.
 Скрип седла и стук копыт.
Дождь прошел, и Солнце встало.
Снова душно, жарко стало.
Конь усталый все трусит.
Скрип седла и стук копыт.
 Так обычно течет лето.
 Затем – город. Коня нету.
 Но привычный слух хранит
 Скрип седла и стук копыт.

К ЛОШАДИ

– Ну что, Малышка, трешь мордой?

Дай почешу между ушей.

А если бы была ты гордой,

Так ненавидела б людей.

 Дай расскажу тебе, коняга,

 О том, что делали с тобой,

 В каких была ты передрягах

 И как военной шла тропой.

Давным-давно, во время оно

(В помине не было людей)

Ты в качестве гиппариона*

Носилась вольно средь степей.

 От махайродусов** спасаясь,

 Свою ты резвость обрела,

 И долго в руки не даваясь,

 В восторг людей тем привела.

Но все ж потом тебя поймали,

Так как умней стал человек.

Тебя взнуздали, заседлали,

Закончился твой вольный век.

 Соху ты мирно бы таскала,

 Но изменялись времена...

 И вот под знатным феодалом

 В попоне... не узнать тебя,

Затем в упряжке, в колеснице

Летишь, как сокол, на врага,

А у стоящего возницы

В руках стрела и тетива.

 Потом под рыцарем в доспехах

 Под тяжестью его брони

 В бою ль, в турнирах для утехи

 Ты издыхала вся в крови.

Затем кареты с позолотой

Возила тройкой или цугом.

По сухостою, по болотам

Таскалась с бороной иль плугом.

 Драгуны и кавалергарды,

 Блестя мундиром, гарцевали.

 В тебя же сыпались удары,

 Чтоб твои ноги танцевали.

Златые, яркие мундиры
Сменились позже цветом хаки.
И комиссары, командиры
Скакали на тебе в атаки.
 Когда сраженья отгремели,
 Все было выжжено. Разруха.
 И для того, чтоб люди ели,
 Вновь ты работала, старуха!
Но время шло и словно в сказке
Машины труд твой заменили.
И на фронтах – танкетки, танки...
Про кавалерию забыли.
 Скажи спасибо, что есть горы,
 Где нет еще дорог машинных,
 Что есть таежные просторы,
 Так что пока трудиться можно...
Ну, не махай, Малышка, мордой!
Шагай по круче осторожно.
Не привелось тебе быть гордой.

* Предок лошади

** Саблезубый тигр

ЗИМА В ПРИПЯНДЖСКИХ ТУГАЯХ*

Там, где воды Вахша с Пянджем слились,
Там, где началась Аму-Дарья,
Серые адыры расступились,
Кончились хлопковые поля.
 Вдоль реки широкая долина
 С плоским дном, тонущим в тугаях.
 В главном русле пенится быстрина,
 И протоки дремлют в камышах.
Гребенщик* краснеется ветвями,
Светлый тополь, ива, туранга* ...
А на ветках с длинными шипами
Сморщенная желтая джида*.
 Резкий крик и хлопанье крыльев –
 Впереди взвывается фазан.
 Где-то сбоку слышно без усилия,
 Как ломает заросли кабан.
Или эриантус* высоченный

В отдалении клонится, как тень,
И пред взором вашим на мгновенье
Горделивый предстает олень.
 Пухлый солончак, где тонут ноги,
 То сырые топкие места.
 Сбоку от найденной дороги
 След от камышового кота.
Ночью, как заблещут звезды в небе,
Как зальется весь пейзаж луной,
Шевелятся призрачные тени
И шакалий раздастся вой.
 В предрассветной мгле туман садится,
 Закрывая звезды и луну;
 Космами над камышом клубится...
 Поднимает ветерок волну,
Но лишь заалеет на востоке,
Затихает снова ветерок.
Над зеркальной гладью протоки
Пулею проносится чирок.
 Или вдруг за тугаями, справа,
 Гоготанье слышится гусей.
 Вот она – гогочущая стая
 Появилась в створе камышей.
Разгорается заря сильнее...
Вдалеке – пурпурная вода,
Потом – желтая, чуть ближе – голубая,
А под носом лодки – чернота.
 Шилохвость** промчалась над водою,
 Беспрерывно нутрии*** визжат,
 Где-то гоголь** булькнул за кормом,
 Крылья уток воздух бороздят.
Небо все светлеет и светлеет...
И вот Солнца показался край.
Камыши вокруг стеной алеют,
Розовым становится тугай.
 Солнце поднялось еще немного,
 Тут же переокрасился тростник.
 Стал он цвета желто-золотого,
 В золото окрасился кулик.
В золото оделись гуси, цапли,
Золотом играет гладь воды,
Золотом блестят росинки-капли,
Что склоняют книзу камыши.

Потянулись стаями бакланы,
Делая крутые виражи,
И садятся, точно гидропланы,
Разбивая зеркало воды.

Призраки ночные растворились.
Новый день вошел в свои права
Там, где воды Вахша с Пянджем слились,
Там, где началась Аму-Дарья.

* Полосы кустарниково-древесной растительности, вытянутые вдоль пойм рек. Звездочки далее – названия представителей тугайной флоры.

** Виды диких уток

*** Водяная крыса, ценная своим мехом.

КАРАКУМЫ

Дрожит фюзеляж и с натугою воют моторы.
Все дальше лечу от Памирских заснеженных гор.
Но даже с большой высоты охватить невозможно просторы
Песчаной пустыни, куда бы ни кинул свой взор.

Лишь с юга наклонною ровной стеною
Пустыню срезает сухой Копетдагский хребет,
А далее, вправо и прямо вниз, подо мною,
Песок Каракумов навстречу ползет и ползет.

Барханные цепи и гряды, точь-в-точь как дувалы*,
Плешинки такыров** среди желтых курчавых песков,
Как узкие ленты, блестящие небом каналы
С квадратами редких зеленых фруктовых садов.

А в мареве дальнем, скрывающем землю и небо,
Как будто на пленке эмульсии фотопластин,
Являются пятна вначале рисунком несмелым,
Как первый набросок неясных туманных картин.

Но время проходит, и четче узор проступает;
Все ярче становятся белые пятна вдали.
То вблизи к морю из недр кверху соль проступает,
Которая землю паршивит, как шкуру скота лишаи.

А дальше раскинулось сине-зеленое море,
От желтых песков отделенное кромкой солей.
Не видно волненья в Кара-Богаз-Голе,
Но чем дальше в море, тем волны смелей и сильней.

За креслом соседи с азартом сражаются в кинга.
Игральные карты для них интересней, чем свет.
Не видят они розоватых цепочек фламинго,
Не видят от судна плывущего пенистый след.
 Вон западный берег. Естественно, Каспий не вечен.
 Плавучие вышки, из недр сосущие нефть,
 Всего три часа! Перелет скоротечен.
 Осталось спуститься и на земь Бакинскую сесть.

* Заборы, сделанные из саманного кирпича

** Растрескавшиеся глинистые осадки временных озер

КОСТЕР

Горит, шипя, разбрасывая искры,
Арча* зеленая, рождая яркий свет.
И сизоватый дым особенный, смолистый
Окрашивает звезды в красный цвет.
 Ночная тишь почти ничем не рвется.
 Лишь треск костра, шипение смолы,
 Да изредка из щели раздается
 Шум рвущихся в теснине струй воды.
Вот трензеля на конском оголовье
Тихонько звякнули. И снова тишина.
И лес, и скалы, и лугов раздолье –
Все поглотила южной ночи тьма.
 За пламенем слепящим, желто-красным
 Ни зги не видно за костром, вокруг.
 И еще более становится контрастным
 Рельеф фигур, попавших в света круг.
Трепещущие розовые блики
Выхватывают из кромешной тьмы
Заросшие обветренные лица,
Кусок подстеленной коричневой кошмы.
 Обтертые штанины на коленках,
 Прозрачно-желтая ажурная лоза...
 А в отдаленьи в сказочных оттенках
 Рубином вспыхивают конские глаза.
Чуть сбоку от костра скала гранита
С курчавым мхом и тонким лишаем,
Глазурью розовой как будто бы облита,
Во мраке выделяется ночном.

И до чего ж приятно в тишь ночную
Вокруг костра немного посидеть!
И ни о чем друг с другом не толкуя,
На пламя светлое, вот просто так, глядеть.
Глядишь и забываешь: кто ты, где ты.
Как будто плаваешь в какой-то пустоте,
От всяких жизненных забот раздетый,
Или, стремглав, летишь в своей мечте.
Но пламя, вдруг, с шипением погасло...
Сплошная темь окутывает вас.
Огню магическому боле не подвластны,
Лишь с темнотой освоится ваш глаз.
Прошло очарованье, наважденье.
В лучах тускло мерцающих светил
Вы видите реального рожденье.
Все нереальное мрак ночи поглотил.

* Древовидный можжевельник

ПАМЯТИ В.К. АРСЕНЬЕВА

Не рвался к славе ты, к чинам и высшим званьям.
Ты жил, писал, работал для того,
Чтобы добытые с трудом тобою знания
Уделом не остались одного.
Ты проходил нехоженой тайгою
Чрез буреломы, реки и пожар.
Ты шел медвежьей иль оленьей тропой,
Жизнь принося свою науке в дар.
Ты шел через мари, сопки и болота,
Ведя казаков с вьюком за собой,
Одолеваемый отеческой заботой
О шедших в неизвестное с тобой.
Ты шел не для того, чтобы рекордным
Был назван твой таежный переход,
Не для того, что имя стало модным,
Иль чтоб тебя приветствовал народ.
Нет, шел ты с благородной ясной целью:
Исследовать для Родины тайгу.
И голодающий, воюющий с метелью
При смерти прятал рукопись свою.

Но ты дошел. Ты был неодолимым.
Таких людей природа бережет.
И в городе ты был неутомимым,
Пока не сдал работы в переплет.
Детей ты учишь понимать, любить природу
В горах, степях, тайге или в лесу.
Не удивительно, что в отрочества годы
Всем славен образ твоего Дерсу.
Дерсу – не просто гольд. В том нет сомненья.
Он не простой охотник-старожил.
В Дерсу ты с мастерским своим умением
Любовь к природе в целом воплотил.
А сколько наших молодых ученых,
Работающих в тундре иль тайге,
В дела свои поистинно влюбленных,
Обязаны во многом и тебе.
Ты прожил правильно и можешь спать спокойно.
Хотя не получал ты розовых венков,
Зато труды твои потом стали настольным
Пособием для внуков и сынов.

ГРИБЫ

Под блеклым небом Балтики холодной
Шумят березы, ели и ольха.
Цветы пестреют средь травы зеленой,
Черника голубеет среди мха.
В замшелой бересте торчат опята
От корневищ до среза в толстом пне.
Под соснами высокими – маслята,
Под листьями видны лисички мне.
А вон под деревом – красивый, импозантный,
Рисуясь шляпой, лезет белый гриб.
Стоит он гордо, как вельможа знатный;
Щеголеват тульи его изгиб.
Какой красавец! Взгляд к нему прикован.
Его не рвать бы, пусть себе живет.
И путник видом этим очарован,
Красавца белого обходит и не рвет.
Но сзади шел мальчишка косолапый,
Который красоту не оценил.
Сорвал красавца он и крикнул: "Слушай, папа!
С червями гриб! Весь изнутри прогнил!"

Вот так и в жизни может быть нередко:
Живешь под крышей дома одного,
Любуешься соседом иль соседкой,
О взглядах их не зная ничего.
Любуешься на стройную фигуру,
На модную прическу иль костюм;
Но ничего не знаешь про натуру,
И ничего не скажешь про их ум.
И вдруг настанет день, когда случайно
Ты под костюм заглянешь хоть на миг,
И тут увидишь, как это ни странно,
Такой же изнутри прогнивший гриб.

ПИСЬМА

Клок бумаги склеен конвертом.
Клок бумаги исписанный в нем.
Он оценен копейкой иль центом,
Словом, самым малым грошом.
Но, несмотря на дешевку эту,
Данный клочок для меня, может быть,
Дороже алмазов, дороже света,
Дороже, чем жемчуга крупного нить.
Бумага эта ровно исписана.
Буква за буквой тянутся вслед.
Жизни рецепта мне не прописано,
Советов мудрых – тоже нет.
Но, несмотря на отсутствие этого,
Лист письма для меня, может быть,
Дороже золота, солнца светлого,
Дороже, чем жизни собственной нить.
В нем написана всячина всякая –
Проза жизни, можно сказать.
А я, как баба, охая, ахая,
Бросив все, начинаю читать.
И, несмотря на всю эту прозу,
Я держу исписанный лист,
Будто нежную-нежную розу,
Словно белый весенний нарцисс.
В чем же дело? Что же такого
В строчках синих письма твоего?
Что ж в нем бесценного, дорогого?
Ну конечно же – автор его.

Автор, ближе которого нету;
Дороже – тоже не может быть
На сей поверхности нашей планеты.
Так можно ли письма твои оценить?

К 8 МАРТА

Когда-то в юности, как я припоминаю,
Работать мне три года довелось
В таежном Уссурийском крае,
Где бродят тигр, медведь, изюбр, лось.
Но не они сейчас меня волнуют.
Взглянув на вас, цветущих дев и дам,
Мое воображение рисует
Лишь ночь одну, увиденную там.
На небе черном-черном, словно вакса,
Вдруг искра вспыхнула и, описав дугу,
Нырнув в вираж один, другой, погасла...
Потом мигнула мне через траву.
И тут уж не одна... Десяток целый
Зеленых искр поднялся до небес.
А я стоял в восторге онемелый,
Смотря на это чудо из чудес.
Усталости ни капли не осталось.
Энергии прибавилось вдвойне.
Тайга уж больше адом не казалась,
И лагерь сам приблизился ко мне.
Вы, женщины, напомнили картину
Крылатых уссурийских светлячков.
Ручаюсь, что почти любой мужчина
За этот свет на многое готов.

ЧУДАКИ

Гладь воды слегка заколебалась...
Поплавок, чуть дрогнув, затонул.
Удилище изогнулось малость;
Кто-то леску сильно натянул.

Тут ее метнуло влево, прямо...
Удилище выгнулось дугой.
Стало видно, как сазан упрямо
Жилку дергал прорванной губой.

Правда, ситуация не нова:
Нужно подвести скорей подсак.
Гулко бьется сердце рыболова.
Уж такой он, видимо, чудак!

Сторожки застыли в стойке "смирно".
Вдруг один склонился над водой...
Разогнулся он довольно мирно...
Вновь затряс своею головой.

Рыболов, схватив мгновенно леску,
Резко дернул, чтобы не сошел;
И, почувствовав солидный вес там,
С силой на себя ее повел.

В общем, ситуация не нова:
На крючке сидит большой судак.
Сердце все ж стучит у рыболова.
Уж такой он, видимо, чудак!

Горы, скалы, плесы, водопады...
Бирюзовая вода кипит.
А за камнем или под каскадом
Удилище длинное дрожит.

Вдруг рывок напористый и быстрый,
Ну, рыбак, близка уж твоя цель!
В пятнах, словно брызгах кровянистых,
Серебрится под водой форель.

Правда, ситуация не нова:
Выбрось ее напрочь так иль сяк!
Снова бьется сердце рыболова.
Уж такой он, видимо, чудак!

Блесна брошена, и диск остановился.
Жилку можно выбирать назад.
Круг катушки плавно закрутился...
Взвизгнула трещотка невпопад.

На воде среди кругов и пены
Взмахи жерехового хвоста.
Чем же это не борцы арены?
Против рыбы – ловкость, быстрота.

В общем, ситуация не нова:
Жерех на блесне, что твой чурбак
Вновь забилось сердце рыболова,
Уж такой он, видимо, чудак!

15.07.73. Джуука-Рыбачье

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНИЕ!

На Востоке зарево пылает,
А напротив дремлет еще ночь.
Месяц в зареве бледнеет, словно тает;
Спорить с Солнцем Месяцу невмочь.
 А в воде, как в зеркале волшебном,
 Происходит чудо из чудес:
 Дня рожденье в этом утре бледном –
 Отблеск опрокинутых небес.
Чтобы воды с небом не смешались,
Чтоб ильмень с зарею не слились,
Как на минерале побежалость,
Кружева тумана поднялись.
 Острый чакан, батлаук, гранатка,
 Темная куга, прямой камыш,
 Неподвижные в тумане зябком,
 Не нарушат утреннюю тишь.
Первый звук родился, нарастая...
Сердце замерло, взгляд к небу обращен.
Крыльев свист большой утиной стаи
Ближе, ближе, вот уж рядом он.
 Мимолетно на заре виденье
 Быстрых черных призрачных теней.
 Тут уж, подавив в себе волнение,
 Быстро вскинув, без раздумий бей!
Всплеск воды. Глаз верным оказался.
Шли собаку, или сам – вперед!
Да, не зря, не зря я дожидался
Этого мгновенья целый год.

1971

ПРИРОДЫ ГРОЗНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Гул жуткий... Страшный для всего живого:
Не то буксующей машины на снегу,
Не то раскатов грома молодого,
Не то стрельбы – сказать я не могу.
 Но с точностью скажу: гул этот страшен.
 Его услышишь – дыбом волоса!
 И не поймешь еще, что он опасен,
 В смятении забегают глаза.
Коровы замычат, скулят собаки,
Заблеют овцы, закричит ишак...
Теперь не до еды им, не до драки...
Прижаться! Вжаться! Выскочить кой-как!
 И вот посуда звякнула в буфете...
 Качнулась люстра, треснула стена...
 Скорей! Скорее! Ну же! В спальне дети!
 Чу, стекла полетели из окна.
Обильно сыплет сверху штукатурку...
Пыль едкая забила рот и нос...
– Свет?! – Нет его! – Хватай пальто иль куртку
И выбегай на воздух, на мороз!
 На лестнице, в сенях ли, что в вагоне:
 Трясется пол, скрип слышен половиц...
 А в воздухе тяжелом, как в баллоне,
 Крик мужиков, плач детский, визг девиц.
На улице, не глядя на погоду,
На час ночной, или когда светло,
Снует в одном белье полно народу,
Несущего в руках детей и барахло.
 Природы грозное так выглядит явление...
 Хоть мы освоили космический простор,
 Не защититься от землетрясения,
 Увы, еще не можем до сих пор.

Март 1978. Жаланаш-Тюпское землетрясение

ТЯНЬ-ШАНЬСКИЙ МАЙ

От жаворонков в небе голубом
Такой стоит трезвон, что гложнут уши.
И хочется коснуться потным лбом
Травы прохладной. Посидеть... Послушать...

Послушать, как внизу река журчит,
Как иволга свистит в саду весеннем,
Как где-то выше кеклик все кричит...
Воркуют горлинки в интимном настроеньи.
Вокруг меня, где я сейчас сижу,
Зеленая и сочная травища.
И, не кривя душой своей, скажу –
Неописуемая это красотища!
Здесь все желто от лютиков и кашки,
От зверобоя или от жарков.
Лишь не увидеть белой тут ромашки
И темно-синих русских васильков.
Зато есть колокольчики степные,
Ярко-лиловый лук, горный чеснок,
Тюльпаны, незабудки голубые...
Пионы украшают этот лог.
Но самое типичное, пожалуй,
В этой предгорьев майских красоте
Заключено в добавке ярко-алой
Окраски маков – в общей красноте.
То желтизна, то красота, то зелень,
Как волны, катят волею ветров.
Звенящий майский воздух свеж и хмелен
Густыми ароматами цветов.

1979. (Киргизский хребет)

ДЕГОТЬ В МЕДЕ

(или к проблеме Иссык-Куля)
Меж горами Кунгея
И хребтами Терскея,
Где лежит и синеет
голубой Иссык-Куль,
Там, себя не жалея
От загара чернея,
На песке сатанеет
человек, словно куль.
Здесь в лугах красотища:
Прегустая травища;
Во зеленой травище
эдельвейсы цветут...

На пляжах – теснотища,
А в кафе – духотища...
Препаршивую пищу
 в тех кафе подают.
Во лесах просто диво:
Из-под елки ретиво
И довольно игриво
 подмигнет белый груздь.
А за стойкой сонливо
Тянут скисшее пиво,
И к вам в душу тоскливо
 забирается грусть.
Наверху, в поднебесье,
Где бестравье, безлесье,
Будто в дачном предместье,
 цветы на снегу...
А внизу-то – жестянки,
И бутылки, и склянки,
Даже – ржавые банки
 на песке в берегу.
Снег и лед летом тают...
Воды так возникают,
Чистотою сверкают...
 Вредных примесей нуль.
А внизу в эти воды
Грязь спускают заводы,
И фекальные воды
 – все идет в Иссык-Куль!
Ну и что ж будет дальше?
Если думать без фальши,
Либо позже иль раньше
 Иссык-Куль загниет!
Чтоб его не загадить,
Свинство надо загладить.
Связь с культурой наладить.
 И опасность пройдет.

1979

ЭТА "НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА"

Свет гаснет, затихает гомон.
Внимание – на вспыхнувший экран.
Зал публикой нарядной полон:
Мальчишки, женщины, в сединах ветеран.

* * *

Стрельба. Снарядов свист. Треск пулемета.
Буруны в море от глубинных бомб.
На небе дымный хвост от самолета.
Как привиденья – люди катакомб.

Танк заживо солдатом погребает.
В подводной лодке тонут моряки.
И медсестра – девчушка погибает.
И пухнут с голоду детишки, старики.

А вон стоит малец с глазами деда
На ящике за фрезерным станком.
И им в тылу ковалася победа
Над варварством, фашизмом, над врагом.

А женщины! На тракторе ли, в шахте...
Голодные, одетые кой-как,
В ночную смену, в корабельной вахте –
Несли победный меч в своих руках.

* * *

Предательские спазмы у гортани.
Слезинки выжимаются из глаз.
И в свете, отраженном от экрана,
Они видны у женщин и у нас.

И пусть все эти ужасы на пленке
Раскроют миру существо войны.
Казалось бы, понятно и ребенку,
Что войны людям вовсе не нужны!

Апрель, 1979

ЯКОВУ
МИХАЙЛОВИЧУ
АНАНЬЕВУ
(80 лет)

Осень проходит по-разному:
Может быть слякотно-мерзко.
Холодно, ветрено, грязно.
Скачет давление резко.
Ну а бывает, что лето
Сменится чистой прохладой.
Видимо, к лучшему это:
Почва насытится влагой.
Броско цветут хризантемы,
Капли росы в них, как слезы.
Есть для художника тема:
В сини – золотые березы.
Листья осин покраснели,
Зримо обохрились клены
Дуб, тополя пожелтели...
В утренних наледях – звоны.
Стаи гусей ли, казарок
Клиньями движутся в небе.
След от зари еще ярок.
Дремлет камыш в тихой неге.
Да, вот такая погода
С лучшим сезоном сравнится.
Пусть же она в Ваши годы
Долго-предолго продлится!

1979. Фрунзе

**ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
СЕЙСМОТЕКТОНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ –
ПРОФЕССОР
ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ ЧЕДИЯ
(К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Формат 70x100 1/16
Гарнитура Times
Усл.-п. л. 12,68. Уч.-изд. л. 7,8
Тираж 300 экз.

Издатель – Российская академия наук

Публикуется в авторской редакции

Верстка и печать – УНИД РАН
Отпечатано в экспериментальной цифровой типографии РАН

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 31.03.2023 г.
и распространяется бесплатно